

Очерк 4. Социально–экономическое и культурное развитие крымских этносов в первой половине XX века (1900–1945 годы)

Оглавление

Глава 1. Этноэкономическое развитие в Крыму в первой половине XX века

- 1.1. Этноэкономический вопрос в дореволюционном Крыму: проблемы и пути решения (1900–1917 гг.)
- 1.2. Эволюция этноэкономического развития Крыма в годы Гражданской войны и 20-е годы
- 1.3. Этноэкономическое развитие Крыма в 30-х – первой половине 40-х годов

Глава 2. Этнокультурное развитие в Крыму в 1900– 1945 годах

- 2.1. Организация этнонационального образования в Таврической губернии и Крыму в дореволюционный период (1900–1917 гг.)
- 2.2. Этнонациональное образование в Крыму в 1917–1945 годах, его особенности

Глава 3. Еврейский вопрос в Крыму в первой половине XX века

- 3.1. Еврейский вопрос в Крыму в досоветский период (1900–1920 годы)
- 3.2. Участие еврейского населения в советизации Крыма (1920–1924 гг.)
- 3.3. Переселенческая политика в Крыму во второй половине 20-х – 30-х годах: опыт проведения, проблемы, пути решения, результаты
- 3.4. Развитие еврейского этноса во второй половине 20-х – 30-е годы

Заключение

Источники и литература

Приложения

Введение

Одной из определяющих проблем развития полиэтничного крымского этноса является социально-экономический и культурный вопрос. Именно в нем были сосредоточены наиболее болезненные его точки, где подавляющее большинство из них имело в начале XX века самое минимальное развитие. Наиболее отсталым являлся крымскотатарский народ, живший в деревне в рамках феодальной системы, где безраздельно господствовала бывшая ханская элита, получившая после присоединения Крыма к России дворянство, со всеми вытекающими последствиями, а также мусульманское духовенство, чье слово как духовное, так и юридическое, было непреложным законом.

От решения этого вопроса, как показал весь ход революции и Гражданской войны, зависело будущее Крыма, перспективы и пути развития. Победа большевиков и окончательное установление на полуострове в ноябре 1920 года советской власти повело его по пути социалистического строительства со своими региональными особенностями, которыми стали: во-первых, голод, поразивший регион в 1921–1923 года, как следствие засухи лета 1921 года, разорения сельского хозяйства многолетней войной, отсутствие средств для мелиорации и борьбы с вредителями полей, другие; во-вторых, грубые ошибки Крымревкома в проведении аграрной политики, выразившиеся в передаче на первом этапе всей национализированной земли совхозам, неэффективность которых была уже известна; в-третьих, не проведение эффективной и полномасштабной земельной реформы, что сохранило на начало 1930 года помещичье и кулацкое землевладения, с одной стороны, значительную прослойку безземельного батрачества и бедноты всех национальностей, с другой, что подорвало доверие беднейших слоёв к советской власти, тормозило социально-экономический и культурный подъём как региона в целом, так и большинства его этносов, прежде всего крымскотатарского; в-четвертых, остановка и без того разрушенного временем, революцией и Гражданской войной промышленного производства, где практически отсутствовали в среде его пролетариата представители крымскотатарского народа и национальных меньшинств; в-пятых, глубокое отставание культурного развития большинства крымских этносов, прежде всего татарского, в образовании, технической культуре, науке; в-шестых, переселение в Крым свыше 5 тысяч еврейских семей из местечек РСФСР, УССР и БССР, других.

Решение всех указанных выше и других вопросов легло на плечи советской власти, которая сама была значительно слабее, чем в других регионах РСФСР, УССР, прежде всего в кадровом вопросе, как партийном, так и советском, хозяйственном. Позднее установление новой власти, указанные выше проблемы привели к тому, что Крым позднее приступил к реализации НЭПа, дольше других боролся с «зеленым» движением, полнее и объемнее сохранил пережитки прошлого в обычаях, традициях, умах и поведении его жителей, прежде всего татарского населения, чего не видела или не хотела видеть компартийная система, но что ярко проявилось в годы оккупации и после освобождения Крыма в апреле-мае 1944 года. Прибывшие в регион после депортации крымских татар и ряда национальных меньшинств переселенцы встретили такой же бездушный приём, с каким местная партийно-советская элита относилась к своему полиэтничному народу в довоенный период.

В советский период указанные проблемы не находили своего объективного рассмотрения в этническом разрезе, с одной стороны; с другой – их исследование сводилось к объединению всех этносов, как требовала Конституция Крымской АССР 1937 года, в рамки единого народа, но он-то не был единым, а был полиэтничным, со своей культурой, обычаями, религией, традициями каждый; с третьей, она исключила еврейский этнос и его проблемы, а они ведь были и решались в общесоюзном масштабе, когда Крым сделали полигоном для обкатки реализации советской этнонациональной политики как образца для мировой еврейской диаспоры.

Актуальность и социальная значимость исследования указанных проблем обусловлена и тем, что сегодня АР Крым вновь решает переселенческие проблемы, которые создала советская власть в предвоенный и первый год послевоенного периода. Решает она их вслепую, без анализа и учёта того опыта, который был получен в регионе в межвоенный период. А ведь он и его уроки могли бы сегодня помочь избежать многого из того, что не решается или решается архиплохо, прежде всего в земельном вопросе. Как от него не уходили руководители крымской автономии в 1920–е годы, они вынуждены были его решить, наделив людей землей. Другого пути нет и в современных условиях.

Из всего круга этноэкономических и этносоциальных проблем в прошедшем веке наиболее широко были рассмотрены вопросы аграрной политики. Им посвящены исследования С.Г. Кашенко, Ж.Н. Моны, В.В. Маковского, С.В. Бородина, Е.О. Горюновой, других [1]. В начале нынешнего века стали исследоваться проблемы образования, в том числе этнонационалистического. Они с высокой долей объективности сделаны М.В. Прохорчик и Б.В. Змерзлым [2]. Малоизвестный вклад крымской интеллигенции в развитие культуры на полуострове в годы революции и Гражданской войны глубоко и профессионально рассмотрен С.Б. Филимоновым [3]. Значителен вклад в исследование культуры крымскотатарского народа Д.П. Урсу и В.Ю. Ганкевича [4], других крымских исследователей, прежде всего В.М. Брошевана, написавшего более 20 работ по довоенной истории Крыма.

Автор ставит своей целью, в рамках плана работы кафедры на 2006–2011 годы по исследованию политических и социальных процессов в Украине и Крыму в XX – начале XXI веков, государственный регистрационный номер 0106U003965, комплексно и объективно рассмотреть проблемы этноэкономического и этносоциального развития в Крыму в 1-ой половине XX века, пути их решения, достигнутые успехи и причины неудач. Они нашли своё частичное рассмотрение в ряде научных статей, выступлениях автора на междунациональных научно-практических конференциях [5].

В современных условиях продолжает дискутироваться вопрос об этнонациональной принадлежности крымчаков и караимов, хотя ответ на него дан уже много десятилетий назад. Он чётко зафиксирован в Еврейской Энциклопедии. Она указывает, что **караимы** – иудейская секта, основателем которой является Анан, но имеет антираввинскую направленность с полной свободой толкования Моисеева учения. Караимское Духовное Правление введено в 1837 году высочайшим Положением о Таврическом караимском духовенстве, согласно которому его глава – гахам, избирается в Евпатории представителями общественности [6, с. 296]. В этой же энциклопедии указывается, что **крымчаки** – крымские евреи–талмудисты [6, с.887]. Именно с этих позиций автор и рассматривает развитие вместе с еврейским этносом и проблемы караимов и крымчаков, хотя они требуют отдельного исследования.

Исторические корни крымских караимов исследованы Э.И. Лебедевой. Однако она осторожно ушла в своей работе от энциклопедического определения, указав, что караимы – один из древнейших народов, проживавших на территории Крыма, потомки тюркских племён узунув, чуюнов и другого аборигенного населения полуострова, входящего в состав Хазарского каганата в VIII–X веков [7, с. 4]. В кратком историческом очерке Ю.А. Полканова определение Еврейской Энциклопедии, без слова «секта», сохранено и указывается, что в основе учения караизма лежит Ветхий Завет, главным храмом является **кенаса**, ориентированная алтарём на юг [8, с. 32].

В этом же сборнике имеется очерк «Крымчаки» И.В. Ачкинази [8, сс. 4–15]. Автор указывает, что «крымчаки – этноконфессиональная общность из почитателей реформированного иудейского ритуала» [8, с. 4]. Он пишет, что по мнению А.Н. Самойловича, крымчакская лексика принадлежит к хазарской культуре [9, с. 209–210].

Глава I. Этноэкономическое развитие в Крыму в первой половине XX века

Состояние и уровень этноэкономического состояния Крыма в начале XX века в решающей мере предопределило развитие региона до конца 1920 – начала 1930-х годов. Только реализация задач первых пятилеток позволила превратить полуостров из аграрно-рекреационно-промышленного в индустриально-рекреационно-аграрный, решить наиболее острые этноэкономические вопросы, прежде всего крымскотатарского народа.

1.1. Этноэкономический вопрос в дореволюционном Крыму: проблемы и пути решения (1900–1917 гг.)

В начале XX века Крым входил в состав Таврической губернии, образованной 8 октября 1802 года по указу Александра I.

Общая площадь Таврической губернии исчислялась на 1913 год в 5.529.115 десятин или 53.053 квадратных версты и занимала по своим размерам 22 место в ряду 50 губерний Европейской России [1, с.1]. Пять уездов и 2 градоначальства Крыма составляли 22.241 кв. версту или 42% общей площади губернии [1, с.3].

На январь 1913 года в городах и уездах полуострова числилось 649.523 жителя или 32,4% общего населения Таврической губернии [1, с.5]. В Симферопольском уезде городское население составляло –55%, Ялтинском – 53,8%, Феодосийском – 53,6%, Евпаторийском –34,9%, Перекопском –11,8%. [1, с. 6].

Плотность населения на 1 кв. версту к 1 января 1913 года составляла: в Евпаторийском уезде –15 человек, Перекопском –11, Симферопольском – 43, Ялтинском – 87, Феодосийском – 30чел; а средняя – 29 чел. [1, с.7]. Земельный запас на 1 человека составлял: по губернии – 2,75десятины, по Крыму – 3,5 десятины [1, с.9].

По вероисповеданию, в Крыму православные составляли от 35,4% в Ялте до 80,7% в Севастопольском градоначальстве; магометане – от 2,3% в Севастополе до 60,3% в Ялтинском уезде. Это были его главные конфессии.

Административно полуостров делился на 5 уездов (Евпаторийский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский), 2 градоначальства /Керчь–Еникальское и Севастопольское/, а в их составе 34 волости с общей территорией 2.360.425 десятин [1, с.4]. Из общей территории Крыма 60% приходилось на степную часть; 37% – предгорную и 3% – Южнобережную, что предопределяло характер его экономического развития и которое имело ряд особенностей: во-первых, регион оставался аграрным с элементами индустриализации и рекреации; во-вторых, индустриальными его центрами были г. г. Севастополь, Симферополь, Керчь, Феодосия, но промышленность носила мелкий, полкустарный характер, что отразилось на этнонациональном и социальном составе пролетариата, минимальное привлечение коренного крымскотатарского населения и национальных меньшинств; в-третьих, преобладающим землевладением в частной собственности, средний размер которых составлял 98,9 десятин, в то время как в общинах – 9,8 десятин, в государственном, церковном и других владениях –12,7 десятин [2, с. 98] или около 65% всей земли – в частной собственности, 18% – надельной, 14% – казенной, удельной, церковной, 3%– городской [3, с.16]; в-четвертых, превышение численности городского населения над сельским, в то время как по России в целом около 80% населения составляло крестьянство; в-пятых, нарастающее развитие рекреационного комплекса на Южнобережье, в Евпатории, Севастополе и Феодосии; в-шестых, полиэтничность населения, противостояние его русской, немецкой, болгарской, греческой, других народов и коренного крымскотатарского населения, элиту которого не покидала идея возрождения независимого крымского ханства, другие. Все это выдвигало в число первоочередных проблемы землевладения, гармонизации межэтнических отношений. [1,

с.16,23]:

Таблица 1.

Уезды, градоначальства	Национальностей / в %/						
	Беликоросов	Малоросов	Белорусов	Татар	Евреев	Немцев	Других этносов
Перекопский	22,9	22	0,4	23,5	22,8	8,4	2,6
Феодосийский	30,2	11,5	0,5	37,2	4,2	16,4	2,5
Евпаторийский	17,6	21,1	0,3	40,5	12	8,5	2,5
Симферопольский	30,2	7,1	0,4	41,8	4,1	16,4	6,5
Ялтинское градоначальство	27,1	2,8	0,3	58,7	0,5	10,6	1,3
Севастопольское градоначальство	55,8	16,1	0,2	1,7			6,4
Керчь–Еникальское градоначальство	62,8	13,1	0,3	5			10,8

В истории этноэкономического развития Крыма возможно выделить следующие основные этапы: 1-й–1900–1917 годы, когда экономика развивалась в интересах российского дворянства и буржуазии; 2-й –1918–1920 годы, когда ее развитие начало резко тормозиться и к концу данного периода оказалось на грани краха; 3-й –1921–1928 годы, когда возрождение экономики шло спонтанно, в рамках НЭПа, а затем его постепенного свертывания; 4-й– 1929–1941 годы, когда процесс этноэкономического развития шел согласно пятилетним планам, что привело к превращению региона в индустриально-аграрно-рекреационный, привлечению в промышленность коренного крымскотатарского населения и представителей национальных меньшинств; 4-й – 1941–1946 годы, когда в условиях оккупации экономика претерпела катастрофические разрушения, а с 1944 года начала путь восстановления, но уже в новых этнонациональных условиях.

Развитие сельского хозяйства в Крыму в первый период /1900–1917 гг. / базировалось, в основном, на этнообщинном землевладении, хотя в чистом виде оно составляло всего 18%, но за счет аренды частновладельческих угодий этот процент значительно возростал.

Наиболее устоявшейся формой землевладения являлась татарская община – джемаат, сложившаяся задолго до занятия Крыма русскими. Земля в этой общине, как и православной, признавалась общей собственностью ее членов – ”мюльк-муштерек”. По материалам судебных дел видно, что многие земли/ выгоны, сенокосы, леса и другие/ находились во владении нескольких джемаатов, что вело, естественно, к возникновению спорных вопросов. Другой особенностью являлось и то, что наряду с “паевым” землевладением, как это было у православных, в татарской общине имело место право захвата свободной от выпаса или сенокоса земли, что называлось приложить “свою руку, чтобы оживить мертвую природу”. Такой анархический подход зачастую приводил к тому, что общинные земли превращались в частновладельческие.

В джемаате существовали и некоторые виды кооперации, в числе которых были: содержание одного сводного стада овец, рогатого скота или лошадей группами домохозяев; общинные запашки земли, когда объединялось в артель несколько семей, а полученная прибыль делилась поровну сообразно привлекаемому числу людей и скота; рытье общими усилиями колодцев, большей частью в степном Крыму; устройство плотин и канав для мельниц и запруд для орошения – в горной части, другие.

Характерными особенностями татарской общины в XX века были: во–первых, руководство общиной не сходило, как у православных, а собранием стариков во главе с председателем местного духовенства хатином/ катибом/ и хаджи без установления норм числа присутствующих; во–вторых, расслоение внутри джемаата, захват более сильными ее членами общинных угодий, о чем уже сказано выше; в–третьих, отсутствие четкой нормативно–правовой базы землевладения; в–четвертых, преобладание общинной формы собственности в степной части, где было достаточно земли и единичные ее проявления в горной, где в силу лимита земля находилась, в основном, в частом владении; в–пятых, наличие чересполосного землевладения, порой даже в соседних джемаатах, другие.

В ходе переселения в Крым в конце XVII – XIX веках на освободившиеся после массовой эмиграции татар земли, в регионе сложилось к концу XIX века 83 общины, в том числе 72 русских, 6 эстонских, по 2 греческих и чешских, одна немецко-чешская [2, с.61].

Характерными особенностями христианских общин было то, что они не играли такого значения, какое играли в хозяйственной жизни других регионов России; имели ограниченное количество выгонных и сенокосных земель в силу переложной системы землевладения, при которой, прослужив пашней несколько лет, земля переводится для отдыха в сенокосно-выгонный разряд, другие.

Частновладельческая собственность сложилась опять же в ходе эмиграции крымских татар и массивной экспансии русских помещиков. К началу XX века дворянство составляя 10,7% общего числа владельцев, имело 60% всей частновладельческой земли; купечество, составлявшее 3,1% владельцев, обладало 17,6%личной земли, однако их доля из года в год возрастала [2, с.69]. Православная церковь и монастыри владели около 82 тысячами десятин земли или 3,5%. Казенные земли составляли 133.931 десятин или 58%всех земель Крыма [2, с.82].

Важнейшей особенностью этноаграрного сектора Крыма являлось наличие в нем вакуфного землевладения, в размере около 10 тысяч десятин, которое играло значительную роль в политической и социально-экономической жизни полуострова. По шариату, “вакуф” представлял собой такой вид движимой и недвижимой собственности, который сохраняет за собой одно лишь право пользования /узуфрукта/; право же обладания и распоряжения такой собственностью имобилизовано.

Целью учреждения вакуфа являлось способствование какому–либо богоугодному или благотворитель-

ному делу / как правило, содержание мечети, мектебе, медресе и т.п./ Попечительство над вакуфами осуществляло, в основном, духовенство, получившее это право от государства.

В пяти уездах Крыма к 1 января 1915 года насчитывалось 493 вакуфных дома и лавки, 87 614 десятин земли. Вакуфный капитал составлял 807.447 руб.20 копеек. [3,с.26].

Несмотря на функционирование различных форм землевладения, определяющим для региона стало наличие безземельного крестьянства, составившего, по разным данным, от 34,7 до 72,5% их общей численности [2, с.99] или от 76 до 13–15 тысяч домашних хозяйств [2, с. 100].

Это была та бомба замедленного действия, которая в Крыму так и не взорвалась, так как и царское, и советское государство умели сдерживать недовольство этой категории крестьянских масс различными формами и методами.

В рассматриваемый период главной формой такого сдерживания стало предоставление возможности аренды земли, причем осуществлялась она, как правило, на один год, что ставило арендатора в жесткую зависимость от землевладельца. В аренду сдавались как частновладельческие, так и государственные, вакуфные и другие земли. Аренда оплачивалась деньгами, частью собранного урожая.

Денежная аренда, в условиях нарастающего капитализма, являлась преобладающей, затем следовала скопщина/ плата частью урожая/. Отработки, как форма арендного расчета, распространения в Крыму не имела.

Столыпинская аграрная реформа внесла значительные изменения в область крестьянского землевладения, но 1–я Мировая война не позволила добиться перелома. Царское правительство начало решать земельный вопрос в Крыму на следующих основных путях: переселением на окраины, прежде всего в Сибирь; покупкой Крестьянским банком земель и продажей их крестьянам, причем в продажу шли не только помещичьи, но и казенные, удельные земли.

С 1907 по 1913 годы крестьянским поземельным банком было продано хуторам с общим при них владением 6895 десятин; отрубам – 51 852 десятины; учреждениям и частным лицам земли на сумму 11.001.881 рублей 36 копеек, из них 94,82% за ссуду и только 570 141 рубль наличными [4,с.16].

В регионе активно реализовывались столыпинские законы о формировании системы отрубных и хуторских хозяйств через землеустроительные комиссии, однако своего логического завершения этот процесс не достиг. Реформа позволила значительно упростить формы землепользования, однако до революции 1917года землеустройство произведено не было. Его процесс затянулся до начала 1930-х годов. За время издания Высочайшего указа от 9 ноября 1906 и по 1 января 1915года в личную собственность 1992 домохозяйств Крыма было закреплено 340.517 десятин земли, причем в Ялтинском уезде этот процесс не шел [3, с.19].

Землеустройство в регионе осуществлялось главным образом правительственным главным управлением землеустройства и земледелия, земствами и отчасти кооперативными учреждениями.

Сельскохозяйственная перепись 1917 года установила следующее количество и размеры землепользования[2, с. 145]:

Таблица 2.

	Категории хозяйств	Число хозяйств	Площадь земель (десятин)
По Крыму	Крестьянских	64.915	835.723
	Частновладельческих	4810	340.673
Всего:		69 755	1.176.396

Таким образом, в революцию 1917 года Крым вошел с сельским хозяйством, в котором крестьянское землепользование, а стало быть, производство почти в 2,5 раза превосходило частновладельческое. Однако рост первого шел крайне неравномерно: с одной стороны, богатое крестьянство приобретало тысячи десятин земли; с другой – росло число малоземельного и безземельного крестьянства, чьи ряды пополняли те, кто не смог удержать в своих руках земли, полученной в ходе столыпинской аграрной реформы.

Сельское хозяйство Крыма, в рассматриваемый период, использовало различные формы земледелия: трехполье, регулируемый перелог, непрерывный посев, смешанную систему и многополье. Они были характерны для полеводства степной и предгорной части полуострова, где большинство составляли русские, немецкие, болгарские, эстонские, чешские и другие этносы, а также степные татары/ногайцы/.

Наиболее четко строили систему полеводства, в Перекопском уезде крупные хозяйства и немецкие колонисты, использовавшие правильную переложную систему. В этом регионе посевные площади занимали 60%; под паром–24%; под предлогом –16%[2, с.192], причем перелог использовались под сенокосы и пастища. В других уездах такой четкой системы не существовало.

Татарская часть населения, занимавшаяся хлеборобством, в силу острой нехватки, не могло оставлять сколько-нибудь значительной части земли под паром, а если и оставляло, то использовало как выгон или сенокос, производя укос или “барлака” и распахивая осенью под озимые.

Исходя из вышеуказанного, соответственно была и урожайность. В Перекопском уезде в рассматриваемый период она составляла в среднем: озимой пшеницы – 53 пуда с десятины, озимой ржи – 46 пудов с десятины, ярого ячменя – 51 пуд с десятины, овса – 44 пуда с десятины [2, с. 215]. В других уездах урожайность была на 20 и более процентов меньше, что объяснялось отсутствием в них четкой системы землепользования. Цены за один пуд составляли менее одного рубля за овес, ячмень и рожь и до 1,24 рублей за пшеницу. Доходность от посевов зерновых на одно хозяйство колебалась от 19,8 в Евпаторийском до 5,7 руб-

лей в Симферопольском уезде.

В предгорной и Южнобережной частях Крыма выращивались, в основном татарским населением, технические культуры – табак, виноград, другие. В 1914 году в регионе насчитывалось 5784 плантаций табака с общей площадью 2934 десятины. Средний размер их составлял 0,5 десятин и более. Наибольшее количество плантаций приходилось на Ялтинский татарский национальный уезд – 80,53% всей посевной площади, затем следует Симферопольский уезд – 12,62%, в Феодосийском – 6,54% и 0,07% – Мелитопольский уезд [3, с.20].

Урожайность крымского табака продолжала колебаться от 30 до 100 пудов на десятину, причем на поливных площадях она составляла 75, а на неполивных – 50 пудов. Общий сбор табака в Крыму в рассматриваемый период колебался от 160 тысяч пудов. Табак перерабатывался на местных фабриках и до революции отправлялся фабрикантам Петрограда, Харькова и других городов. Гражданская война эти рынки ликвидировала, что поставило отрасль на грань развала.

Для переработки табака существовало 10 табачных фабрик, имевших в своем распоряжении 41 ручную и 34 паровых и газовых станков, которые обслуживало 1978 рабочих, из них 852 человек мужчин и 1126 женщин. По количеству переработанного табаку 1-е место занимала фабрика Акционерного общества В. О. Стамболи, выработавшая в 1914 году 97579 пудов, затем фабрика братьев Гофлиных в Симферополе – 5039 пудов [3, с.21]. К 1 января 1915 года за границу было вывезено 3218 пудов 19 фунтов курительного табака и 4.971.250 штук папирос /Маньчжурия, Америка, Англия, Бельгия, Германия, Турция, другие / [3, с.22].

Видное место занимало производство винограда и виноделие. В 1910–1914 годах под виноградниками Крыма было занято в Ялтинском уезде – 2560 десятин земли; Балаклавском и Севастопольском – 640; Судакском – 2594; Феодосийском – 952; Симферопольском – 640; Перекопском – 234; Керченском градоначальстве – 232; Евпаторийском уезде – 163 десятины земли [3, с.163].

Общие площади виноградников составляли 8228 десятины, но в связи с введением сухого закона в 1914 году были сокращены до 6568 десятин, что дало 155 709 пудов винограда, из которого было изготовлено 58.432 ведра красного и 390.824 ведра белого вина [3, с.64].

В процессе выращивания винограда преобладало татарское население как его область привычного труда. Соотношение винных и столовых сортов составляло, соответственно, 2:1, причем средний урожай составлял 200 пудов с десятины, что давало в год 760 тысяч пудов винного и 380 тысяч пудов столового винограда. Питейный доход составил в 1913 году – 11.233.654 рубля 31 копейку, а в 1914 году, в связи с начавшейся войной – 5.030.075 рублей 33 копейки [3, с.31]. Число мест продажи алкоголя в Крыму сократилось с 1472-х в 1913 до 1358 – в 1914 году [3, с.33].

Садоводство Крыма складывалось исторически, на основе мелкого татарского плодоводства. Впоследствии, путем районирования иностранных, прежде всего французских сортов, были выведены те из них, которые и прославили Крым в России и за рубежом / синап, кандиль и другие/. 82,4% садов занимали яблоки и груши и только 17,6% косточковые породы /вишня, слива, черешня и т.п./.

К 1917 году в Крыму значительно улучшилась ситуация с садоводством, как первым видом спекультур. Если в 1903 году в Симферопольском уезде, имевшем $\frac{1}{4}$ садов всего полуострова, имелось 4648,4 десятины садов, то в год революции – 8160 десятин, причем выращиваемые в регионе яблоки по качеству не имели в России себе равных как по вкусовым свойствам, так и по срокам хранения. Общая площадь крымских садов составила в 1917 году 12713 десятин [5, с. 35].

Особенностью крымской деревни являлось и то, что в ней было чрезвычайно трудно дать определение характеру населенного пункта – деревня, село, хутор и т.д. Это объяснялось тем, что порой несколько сельских пунктов имело одно правление притом не в наиболее крупном; при выборах нового старосты управление переносилось в ту деревню, где он проживал и т.д. По результатам столыпинской аграрной реформы, в регионе к этому периоду оформилось 1752 хутора / с населением менее 5 дворов / и 1336 селений / с населением более 5 дворов / [5, с.10].

По переписи 1917 года, все сельское население Крыма составляло 375617 человек, что давало плотность на 1 квадратную версту 17,2 человека и 6,2 десятины земли на одну душу населения [5, с.10]. По сравнению с 1913 годом, сельского населения Крыма приросло на 13,8%, главным образом за счет прироста населения, составлявшего в тот период 2,7% [5, с. 11].

Наибольшая плотность населения была характерна для Ялтинского уезда – 46,5 человек на 1 квадратную версту, что объяснялось историческими и экономическими причинами: наличие небольших татарских деревень, выращивание специальных культур на малых земельных площадях, требовавших большого количества работников.

В то же время, степные Перекопский и Евпаторийский уезды, занятые полеводством, имели минимальную плотность – 10,5–10,8 человек на 1 квадратную версту. Эта распыленность препятствовала национально-культурному развитию населения, сохраняла обособленность национальных хозяйств от внешнего мира.

Особое место в этом процессе принадлежало немецким хозяйствам полукапиталистического типа, главными представителями которых были немецкие колонисты, размещавшиеся в южной части Евпаторийского и Перекопского уездов, частично в Феодосийском и Симферопольском уездах. Это были экономически сильные, с большой земельной обеспеченностью / зачастую свыше 300 десятин на двор / хозяйства.

Крым всю свою историю характеризовался зоной рискованного земледелия, когда исключительную роль играли метеорологические условия. Чередование дождливых и засушливых годов было очень неравномерное, спонтанно-хаотическое. Из 10 лет, как правило, 2–3 года были урожайные, остальные же годы десятилетия по урожайности были мало – или неурожайными. Все это ставило малые и средние хозяйства в

шаткое экономическое положение, особенно страдали от этого безземельное арендаторское население. Так, 1917 год стал одним из высокоурожайных, дав 14252 тысячи пудов продовольственного и 12.413 тысяч пудов кормового зерна, а 1918 год – только 10.199 тысяч продовольственного, 7088 тысяч пудов кормового зерна. 1919 год стал одним из наиболее урожайных лет в Крыму, что позволило в будущем Крымревкому решить задачу снабжения региона хлебом до осени 1920 года.

Исследование позволило проследить следующую зависимость урожаев от количества осадков по центральной части Крыма:

Таблица 3.

Годы	Осадки в % от средне-годовых	Урожайность пшеницы (пудов с десятины)	Урожайность ячменя (пудов с десятины)
1909	107	131	111
1913	102	168	63
1919	77	56	43
1921	56	75	8

В чисто степных районах Крыма среднегодовое выпадение осадков составляло в дореволюционный период 300–400мм., в предгорных – до 450 мм. 1мм. осадков равнялся выпадению на 1 десятину земли 600 пудов воды, что, в свою очередь, давало 0,5 пуда дополнительного урожая зерна[6, с.14–15].

С учетом указанного выше выпадения осадков, средняя урожайность всех зерновых по Крыму составила (центнеров с 1 га): 1905–1914 годы.–6,86; 1916 год –5,68;1917 –5,52; 1921 –1,16[6,с.41].

Скотоводство в Крыму развивалось издревле и несло в себе две особенности: первая– производство овец в продовольственных целях, особенно татарским населением степной части; вторая– производство рабочего скота /лошадей, верблюдов, буйволов/ во всех регионах полуострова. Наиболее успешно занимались животноводством немцы – колонисты, привезшие с собой заграничные породы лошадей, от помеси которых с местными породами пошел тип немецкой полурабочей лошади; высокие надои давали их молочные коровы. В других регионах проблемы животноводства оставались до конца 1930-х годов.

По результатам общероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года, в Крыму насчитывалось 69755 крестьянских хозяйств, в которых проживало 389719 человек населения. На это число хозяйств приходилось голов: лошадей– 171.496; волов– 188.272; коров – 72.210; овец – 527.126; коз –13788; свиней – 44992; верблюдов– 851; ослов и мулов – 261[2, с.284]. Доход от животноводства на душу населения составлял от 23,8 рублей в Перекопском уезде до 14,1 рубля – в Симферопольском [2, с. 284].

К 1917 году, по сравнению с 1914 годом, сократилось поголовье овец и составило всего 350 тысяч, что объяснялось, прежде всего, его вытеснением за счет увеличения занятости земли под экспортируемую за границу пшеницу. Однако овцеводство продолжало существовать в силу того, что небольшие отары находили корм в пастбищах /скалы, горные вершины Яйлы/. Особенностью крымского овцеводства являлось то, что на пастбища Яйлы пригоняли овец из Днепровского уезда губернии, Бессарабии и даже Австрии. Общее количество пригоняемых со стороны овец достигало 100–120 тысяч голов [5, с. 32]. Эта ситуация все же требовала ввоза для Крыма около 50% необходимого количества баранины, хотя Ялтинский уезд имел около 250 тысяч голов, в то время как Симферопольский лишь 10 тысяч, чего этому крупному для Крыма промышленному району явно не хватало [5,с.34].

Как показал анализ, заводская и фабричная промышленность Крыма, за исключением 10 значительных предприятий, была представлена преимущественно ремесленно-кустарным производством, что предопределяло в будущем путь ее экономического подъема.

К началу XX века в Крыму насчитывалось 279 фабрик и заводов с общим количеством рабочих в 2283 человека или 8,18 рабочих на одно предприятие. Сумма произведенной ими продукции в 1899 году составила 3. 091. 372 рубля [8, с. 3].

К началу века значительным промышленным центром Крыма стало Керчь – Еникальское градоначальство, учрежденное в 1837 году и функционировавшее до 1920 года. В 1901 году в его пределах функционировало 67 заводов и фабрик с 3751 рабочими и годовым оборотом 32. 613. 341 рублей, в том числе 69 рыбных заводов с 719 рабочими и оборотом 75. 947 рублей 49 копеек; 3 – чугунно-литейных с 2150 рабочими и годовым оборотом 4. 009. 200 рублей, две табачных фабрики с 455 рабочими и оборотом в 453. 925 рублей. Кроме того, здесь производилось и добывалось вино, соль, камень, цемент и т.д.

В 1901 году в Керчи производилось рыбы – разной – 41. 180 пудов, икры паюсной– 150 пудов, икры красной– 300 пудов, рыбьего жира– 350 пудов, всего на 10. 300 рублей[9, л.3].

К 1913 году общая сумма валовой продукции промышленности составляла уже около 40 миллионов рублей, а число рабочих увеличилось до 19,71 тысячи человек[8, с.9]. Широкое развитие получила добывающая промышленность Крыма, в том числе поваренной соли, где число рабочих составило к 1917 году 3666 человек, из которых 39%было занято в частном секторе. Доход этой отрасли составил в этом году 164. 444 рубля 97 копеек [4, с.26]. Самосадочной глауберовой соли было добыто в 1917 году 18. 233 пуда, из них 62% на казенных промыслах[4, с.27].

Развитие указанных выше и других видов добывающего производства, как в дореволюционный, так и послереволюционный период, стало возможным благодаря наличию в Крыму промышленно значимых запасов минерального фонда: Инкерманского камня, железной и марганцевой руды, буры, соли, серы, нефти и газа, асфальта и другого.

Всего, на 1 января 1915 года в Таврической губернии насчитывалось 2519 заводов и фабрик, из них в Крыму– 600, в том числе в Симферополе–34, Бахчисарае–17,Карасубазаре–7,Феодосии–22, Старом Крыму–

9, Евпатории–25, Перекопе и Перекопском уезде–134, Ялте и Ялтинском уезде–19, Симферопольском уезде–109, Евпаторийском – 167, Феодосийском – 57 [4, с.144–147]. Самым крупным промышленным центром являлся Севастополь, как главная военно-морская база юга России с высокоразвитой инфраструктурой обеспечения ее функционирования. Большую часть пролетариата составляло русское население общей численностью только на Севастопольском морском заводе в 11 тысяч человек[8, с.9].

Дореволюционная кустарная промышленность Крыма насчитывала в своих рядах около 14 тысяч человек с производством продукции в 1913 году 16,6 миллионов золотых рублей или 26,8% процентов общего объема промышленной продукции Крыма, составившей в том году 62 миллиона рублей[10, с.6]. Татарскими народными кустарными промыслами были филигрань, тканье шарфов – чадр, сосредоточена в Бахчисарае и Ялтинском уезде; производство сафьяновой обуви, в том числе с золотым и серебряным шитьем с преимущественным размещением в Бахчисарае и Симферополе, где работало 50–75 мастеров[9, с.6]. Около 400 специалистов– кустарей различных национальностей было занято в шорном промысле. Для обеспечения функционирования кустарного производства было образовано 12 ссудно-сберегательных товариществ, объединивших в своих рядах 17 тысяч их членов[10, с.12].

Советская историография, стремясь оправдать многие, не решенные проблемы революционного и постреволюционного Крыма, всячески уходила от факта наличия татарского пролетариата в промышленности полуострова. Однако А. К. Бочагов все же указывал, что в дореволюционной промышленности Крыма было задействовано 1518 рабочих татарской национальности на 168 его фабриках и заводах[4, с. 32]. Да, это был весьма незначительный процент, но он был. И советская власть начинала процесс вовлечения коренного татарского населения в промышленное производство не с нуля, а на определенной дореволюционной базе.

В городах Крыма преобладало русское/с украинским/еврейское, армянское население, причем еврейское население жило исключительно в них. Значительную городскую прослойку составляли торговцы, насчитывавшие 66 120 человек обоего пола или 4,57% общего количества жителей полуострова. Из этого числа 37567 человек или 56,8% торговцев жило за счет продажи сельскохозяйственной продукции [1, с. 81].

Неразрывной составной частью этноэкономического развития Крыма дореволюционного периода было профсоюзное движение, охватившее в короткий исторический срок все его этносы, в том числе и крымскотатарский. Начало профсоюзному движению положила революция 1905 года. Первые рабочие профсоюзные организации создаются в Севастополе, где образуется союз металлистов. Рабочие этой отрасли имели продолжительность рабочей смены 10 часов, получая при этом в день: взрослые–90 копеек, а ученики– 40 копеек; администрация преследовала их бесконечными штрафами[11, л. 72].

В ноябре 1905 года в Севастопольском порту на митинге с участием 1500 рабочих избирается правление союза металлистов, сначала нелегальное, численностью 9 человек, а затем согласно закону от 6 марта 1905 года оно легализуется. Из общей численности правления, 6 человек были членами РСДРП. Союз объединил до 900 рабочих, выработал свой устав, определил вступительный и ежемесячный взнос в 25 копеек[11, л. 74].

В Симферополе, в октябре 1905 года, создается союз железнодорожных рабочих, образовавший в декабре во время еврейских погромов в городе боевую дружину из 10 человек. Он охватил около 300 рабочих[11, л.81]. 15 декабря 1905 года создается союз сапожников и заготовщиков, объединивший рабочих мастерских механического производства обуви, численностью до 200 человек. Союз избрал правление из 7 человек, одним из членов которого стал член РСДРП (б) с 1903 года татарский учитель У. Шаталов[11, л 80]. К концу 1906 года союз был закрыт.

В 1905 году создают свой профессиональный союз работники земельной и лесной отрасли, утвердившие свой устав в 1906 году. Деятельность этой организации носила культурно–просветительский характер[11, л.85]. 6 августа 1906 года создается союз строительных рабочих, избравший правление из 7 человек и все они были социал-демократами. К концу года он охватывал до 130 человек. С усилением реакции союз распался[11, л.83].

Профессиональные союзы создаются и в других городах Крыма, в том числе Феодосии, где образуется союз строительных рабочих, металлистов, табачников и других. В начале лета 1906 года создается Центральное Бюро/ЦБ/ профсоюзов города Симферополя, которое выделило из своего состава президиум из пяти человек. Главными задачами его стало руководство работой союзов, оказание членам союзов юридической и медицинской помощи, агитационно-пропагандистская работа. В начале 1907 году ЦБ было разгромлено[11, л.88].

В этот период крымскотатарское национальное рабочее движение себя пока не проявило. Слишком короток был период царской оттепели, не успевший растопить лед политической пассивности и замкнутости татарского рабочего класса. Но он постепенно таял и выплеснулся в полную силу после февральской революции 1917 года. Толчок к активизации этого процесса дала Первомайская демонстрация, в которой приняли участие и представители татарского народа. На митинге выступали кузнец Курт Асан, писатель Лятиф – Заде, студент С. Идрисов и другие [12, л 20].

Еще ранее, 18 апреля 1917 года, на совещании группы татар принимается решение о создании союзов рабочих и мастеровых мусульман[12, л.29]. Первый профессиональный союз мусульман города Симферополя организовали 20 апреля 1917 года/старого стиля / в составе 63-х человек музыкантов [12, л. 30]. Они избрали правление из 3-х человек во главе с председателем Б. Ибраимом [12, л. 33]. Следующим стал союз пекарей /челбуречников/, а затем организовались союзы поваров и шашлычников, другие[12, л. 37].

На авансцену политико–экономической борьбы вновь выходит рабочий класс Севастополя, где к 11 мая 1917 года создается 13 профсоюзов, объединившие 7277 человек[13, л. 6]. В городе создается и активно действует временное Центральное Бюро в составе 4-х человек во главе с Л. Горбуновым[13, л. 4].

27 августа 1917 года состоялась 1-я конференции правлений профессиональных союзов Севастополя, утвердившая состав Совета профсоюзов города [13, л. 4], а 31 августа он избирает Исполнительный комитет из 8 человек [13, л. 5].

В период с 12 по 14 октября 1917 года в Симферополе проходит первый Таврический губернский съезд фабрично-заводских комитетов, рассмотревший вопросы организации и деятельности фабрично-заводских комитетов, их взаимодействие с профессиональными союзами, другие. Съезд принял решение о немедленном объединении комитетов в общегородские организации, тесном взаимодействии с профессиональными союзами [13, л. 11].

Принятое на съезде решение стало немедленно реализовываться и уже 28 октября 1917 года в Симферополе проводится 1-й Таврический губернский съезд профсоюзов и фабрично-заводских комитетов с участием 103-х делегатов, из них представительство большевиков оказалось очень мало – всего 8 делегатов. Большинство делегатов съезда составили меньшевики, эсеры, бундовцы. Делегаты заслушали доклад В. Новицкого о текущем моменте и Учредительном собрании; организационные вопросы профсоюзного строительства, с докладом по которому выступил И. Галоппе; о руководстве экономической борьбой/ докладчик Либин /, другие.

Съезд создал губернский профсоюзный Совет из шести человек, где большевиков представлял один человек – В. Колосов [13, л. 18]. В принятом на съезде постановлении “об организационном строительстве” указывалось, что союзы создаются по производственному признаку; выступления на них осуществляются рабочими на родном языке с переводом; рабочие всех национальностей организуются в единые союзы [13, л. 20–21]. В резолюции “Руководство экономической борьбой” указывалось, что она является главной для профессиональных союзов [13, л. 21].

Съезд, в условиях малочисленности представителей РСДРП (б), в резолюции “О текущем моменте” указал: “правительство большевиков не способно разрешить основные задачи революции, ибо основано на вражде и разногласии внутри самой демократии, не пользуется признанием всей революционной демократии” [13, л. 25]. В принятом на съезде Обращении “Ко всем фабрично-заводским комитетам и советам старост Таврической губернии” указывалось на необходимость контроля над производством” [13, л. 27].

Таким образом, этноэкономическое состояние Крыма в дореволюционный период характеризовалось преобладающим развитием аграрного сектора. В условиях специфики его состояния, наиболее острым для региона являлся земельный вопрос, который необходимо было решать, прежде всего, в интересах коренного крымскотатарского народа, оказавшегося в канун и первый период революции 1917 года расколотым на следующие социальные группы:

- мурзачество, смыкавшееся со всем аппаратом царского самодержавия и опиравшееся на татарское духовенство и зажиточную часть деревни;
- национальная татарская торговая буржуазия, ориентированная на Турцию и требовавшая равноправия с русской буржуазией в деле экономической и политической эксплуатации трудящихся Крыма;
- ремесленники-полупролетарии, проживавшие в основном в Бахчисарае и Карасубазаре;
- рабочие, составлявшие по всему Крыму 1518 человек и работавшие на 168 заводах и фабриках региона, не имеющие ни своих профсоюзов, ни политических организаций [3, с. 32]; – безземельное татарское население, составлявшее 40–50% всего татарского крестьянства полуострова;
- татарское зажиточное крестьянство, составлявшее около 15% всей его численности [3, с. 31].

На долю сельского хозяйства Крыма приходилось в 1913 году 60 миллионов золотых рублей из 110 миллионов общего дохода региона или 54% [6, с. 13]. Именно аграрный характер региона предопределил в будущем всю сложность его этноэкономического развития в советское время, затяжной характер восстановительного перехода к индустриализации.

В этнопромышленном состоянии полуострова преобладало кустарно-ремесленное производство, где ведущие позиции занимала крымскотатарская ее национальная составляющая, получившая свое дальнейшее развитие в первые годы советского строительства.

Государственный сектор экономики региона был слаб, неразвит, за исключением Севастопольского экономического района с преобладанием русского этноса. 1-я Мировая война и революция 1917 года привела к стагнации этого направления экономики, что еще более обострила последовавшая за этим Гражданская война.

1.2. Эволюция этноэкономического развития Крыма в годы Гражданской войны и 20–е годы

Ко второму периоду этноэкономической истории Крыма (1918–1920 годы) в нем проживало 808903 человека. Из этого числа на долю городского населения приходилось 433286 человек или 53,6% всего населения, сельского – 375 617 / 46,4%. Сельскохозяйственной переписью 1917 года в регионе было насчитано 34 национальности, из них: русских (включая украинцев) – 599 785 человек /49,4%; татар – 216 968/26,8%; евреев – 68 159/8,4%; немцев – 41 374/5,1%; греков – 20124/2,5%; армян – 16907/2,1%; болгар – 13 220/1,6%; поляков – 11760/1,5%; караимов – 9 078 /1,1%; других национальностей – 11 528 человек /1,5% [14, с.6].

Исследование М.Е. Бененсона в 1919 году показала, что на каждые 100 жителей Крыма приходилось: русских – в городах 56,5%, в сельской местности – 41,2%; татар – в городах 15,0%, в сельской местности – 40,5%; евреев – в городах 15,6%, в сельской местности – отсутствовали; немцев – соответственно 1,4% и 9,4%; греков – 2,2% и 2,8%; армян – 3,2% и 0,8%; болгар – 0,1% и 3,2%; прочих национальностей – 6,0% и 2,9% [14, с. 6–7].

В ходе второго этапа, попытку решить земельный вопрос, как главный в регионе, предпринимали все политические силы, приходившие к власти в Крыму в годы революции и Гражданской войны, причем каждая из них решала его по-своему: сторонники «единой и неделимой России» и Временного правительства не спешили вносить существенные изменения в существовавший ранее порядок, хотя Врангель и попытался завершить столыпинскую аграрную реформу, советы своего лица не имели, так как их власть была скоротечной.

В период короткого правления Врангеля, 25 мая 1920 года был издан новый земельный закон, согласно которому вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована; землей должно владеть на правах прочного укрепления частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд; посредниками между крупным землевладением и новыми собственниками должно быть государство.

Суть закона состояла в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить сохранность частного владения землей, исключить ее захват силой; с другой продолжить процесс, начатый П.А. Столыпиным на ее капитализацию.

Свою аграрную программу выдвинула и Милли-Фирка, которая взяла за основу эсеровскую ее составляющую, выдвинув идею передачи казенных и удельных земель джемаатам по принципу «трудового надеда» [4, с. 36]. Однако сложность социально-экономической и военно-политической ситуации на полуострове не позволяла ни «красным», ни «белым», ни другим политическим силам провести кардинальные реформы.

Краевое правительство во главе с С. Крымом смогло только установить своим постановлением от 19 ноября 1918 года следующие цены на хлеб [16, л. 115]

Таблица 4.

с/х продукция	До 1.12.1918г. (в коп. за 1 пуд)	С 1.12.1918г по 15.05.1919 г. (в коп. за 1 пуд)	С 15.05.1919 г. (в коп. за 1 пуд)
Фасоль (рябая)	1000	750	667
Фасоль (белая)	1208	906	805
Кукуруза	638	478	425
Гречиха	966	725	644

Из таблицы видно, что предполагалось к маю 1919 года почти на 1/3 снизить цены на сельскохозяйственную продукцию, что носило популистский характер, поскольку урожай 1919 года составил 30% от уровня 1913 года [17, с. 16].

Правительство Советской Социалистической Республики Тавриды приняло решение о временной разверстке земли на посев 1918 года, в соответствии с которым все земли нетрудовых частновладельческих крестьянских хозяйств передавались в ведение и распоряжение советов [18, л. 2]. В принятой Декларации Временного рабоче-крестьянского правительства в качестве главных задач определялось освобождение трудящихся от экономического гнета господствующих классов, экспроприация капитала и передача средств производства в руки социалистического государства. В качестве мер по их реализации предполагалось национализировать важнейшие отрасли промышленности; конфисковать помещичьи, кулачские и монастырские (вакуфные) земли для передачи их в распоряжение малоземельных крестьян; способствовать распространению коллективных обществ по обработке земли, приходя на помощь материальными средствами, сельскохозяйственными орудиями, др. [19, лл. 9–15]. Однако и этим программным мероприятиям не суждено было быть реализованными, ибо власть опять перешла к «белым».

Наиболее пострадало от Гражданской войны промышленное производство Крыма. Действие германских, а затем оккупационных властей Антанты, привели к тому, что из 11 тысяч рабочих Севастопольского портового завода к 1919 году осталось 2,5 тысяч, а остальные перешли в разряд безработных. Война остановила Керченский металлургический завод Таганрогского общества, имевший в 1916 году 2 печи с одним прокатным цехом и количеством рабочих в 3 тысячи человек. При металлургическом был и коксовый завод, остановка которых привела к тому, что советской власти пришлось начинать строительство нового завода, поскольку восстановление старого было нерентабельно и экономически не выгодно, ибо его оборудование устарело.

Остановились также 2 аэропланного завода /в Симферополе – Анатра и в Карасубазаре – Адаменко/, которые после войны так и не восстановили. До революции на этих предприятиях было занято 1100 человек рабочих, активно участвовавших в борьбе за установление советской власти в регионе.

Частично или полностью остановились другие предприятия: 21 механический завод, 5 небольших заводов сельскохозяйственных машин и 6 механических мастерских полукустарного типа, на которых было занято 1590 рабочих. В числе механических были Феодосийский завод конных подков; Керченский гвоздильно-проволочный; Симферопольский и Карасубазарский гвоздильные и другие.

Постепенно свертывалось производство цемента на Бахчисарайском заводе, который в 1913 году экспортировал 447 тысяч пудов. Встал и Сакский бромный завод, один из уникальных в России, по причине отсутствия топлива.

Значительно сократилась в Крыму и рыболовная отрасль, центрами которой были Керчь, Балаклава, Севастополь, Ак-Мечеть. На всем этом пространстве было занято до Гражданской войны 2600 ловцов, снабженных 400 яликами и 100 фелюгами. В 1910 году выловленная ими рыба оценивалась в 470 750 рублей, а вывоз ее в 1913 году составлял 180.000 пудов [14, с. 53].

Несмотря на сокращение выращивания табаков, наименее пострадавшими оказались табачные фабрики, число которых даже возросло с 10 в 1913 до 18 в 1919 году. Однако вновь открытые предприятия были небольшими по размеру и объемам производства. Всего в табачной промышленности в рассматриваемый период было занято 3630 рабочих.

Большинство табачных фабрик (10 из 18/ были сосредоточены в Симферополе), но они имели всего 820 рабочих; 4 фабрики с 1800 рабочими – в Феодосии; 1 фабрика с 900 рабочими в Керчи; 2 небольшие фабрики в Севастополе имели 80 рабочих и 1 в Бахчисарае с 30 рабочими [14, с. 59].

Стабильно в годы войны продолжала работать мукомольная промышленность, представленная 378 предприятиями, из которых только 48 или 12,7% имели паровые и нефтяные двигатели и с суточным производством 1 тысяча пудов каждая. Наиболее крупными центрами мукомольной промышленности были Керчь с 10 крупными предприятиями, перемалывающими в сутки 32 тысячи пудов; Симферополь – 18 мельниц; Джанкой – с 11 мельницами; Карасубазар и др. [14, с. 59]. Всего в мукомольной промышленности региона было занято в 1919 года 1150 рабочих [14, с. 60].

Несмотря на то, что отрасль работала как до 1917 года, так и в годы войны относительно стабильно, Крым нуждался в ежегодном ввозе 3 800 000 пудов муки [14, с. 60].

Не повлияла война и на консервное производство, где главным центром являлся Симферополь. Здесь было сосредоточено 7 фабрик с 2030 рабочими в сезонное время работы. Кроме Симферополя, 3 небольшие фабрики были в его уезде. Рыбokonсервные фабрики были сосредоточены в Балаклаве–2 и Керчи – одна с 300 рабочими [14, с. 61].

Другие отрасли промышленного производства Крыма (маслобойная, крахмальное, производство клея, стекла, кирпичночерепичное и др.) имели кустарный характер и серьезно не влияли на экономическое лицо полуострова.

Несмотря на все перипетии войны, продолжала успешно работать полиграфическая промышленность, состоявшая из 16 типографий и литографий с общим числом рабочих 567 человек, 10 из них со 134 рабочими находилось в Симферополе; 2 с 43 рабочими – Севастополе; 1 с 30 рабочими – Феодосии и 2 с 60 рабочими – Ялте [14, с. 63].

Наиболее стабильной в годы войны оставались кустарные и ремесленные промыслы. Кустарные промыслы распались на 2 основные группы: 1-я – производство предметов массового сбыта, носившее интернациональный характер и 2-я – производство изделий народного, бытового художественного творчества, имевшее сугубо национальный характер и основным центром которого являлся Бахчисарай, имевший учебную, производственную и сырьевую базу.

В ряду производства предметов массового сбыта одно из первых мест занимал башмачный промысел, в котором было задействовано 700–800 человек и продукция, которого находила не только своего покупателя в Крыму, но и вывозилась на Кавказ и Приволжские города. Производимая мастерами обувь была деревянная, парусиновая, кожаная, шерстяная и сафьяновая.

Второе место по обширности занимал шорный промысел, главными центрами которого были Симферополь, Бахчисарай и Карасубазар. Он охватывал около 400 мастеров и носил интернациональный характер.

К числу типичных местных национальных кустарных промыслов относились: изготовление медной посуды и утвари, шарфов – чадра и т.п. татарскими мастерами, прежде всего в Бахчисарае, где работала художественная школа–мастерская с 50 учениками и ученицами.

Одним из определяющих факторов экономической жизни являлось соотношение ввоза и вывоза продукции. В 1913 году в 5 главных портов Крыма прибыло 28.396.000 пудов хлебных грузов в муке и зерне, а отправлено – 41 035 000 пудов и, таким образом, вывоз превысил ввоз на 12639000 пудов. Главнейшие массы хлеба шли через Феодосийский и Евпаторийский порты [14, с. 67]. Через эти же порты шел вывоз хлеба и в годы Гражданской войны, поскольку Севастопольский порт был военным, а Керченский – рыбным.

Большое значение для Крыма как до революции, так и в годы войны, имел вывоз фруктов, табака, вина. Крым являлся не только местом переработки, но и хранения табака, производимого на Кавказе и Кубани. Хлеб, фрукты и табак охватывали $\frac{3}{4}$ общей ценности всего избыточного производства Крыма. Остальная четверть распределялась между всеми другими продуктами, в т.ч. и вином, вывозимом с полуострова до революции в объеме около 400 000 пудов [14, с. 71]. Весь избыточный вывоз продукции региона до революции составлял около 31,9 млн. рублей.

К числу ввозимых в Крым товаров до революции входили мука, сахар, молочные и мясные продукты, мануфактура, лес, топливо, продукты металлургической промышленности и машиностроения, другие. Общий объем ввозимой продукции в 1913 году составлял 40 127 900 рублей или имел отрицательный баланс в 8 240 300 рублей с учетом потребностей флота. Чисто хозяйственные потребности имели дефицит в 2 043 000 рублей [14, с. 77].

Таким образом, количественно при довоенном и дореволюционном уровне производства Крым мог существовать самостоятельно, поскольку дефицит покрывался ежегодно курортной публикой, достоверных сведений о которой в то время не было.

Созданная в ноябре 1921 года Автономная Крымская ССР встретила как аграрно-индустриально-рекреационный регион, где в наиболее тяжелом положении находился крымскотатарский народ, составлявший 25,92% всех национальностей, населяющих полуостров. 79,67% татарского населения проживало в сельской местности, причем более всего в Алуштинском районе – 95% всего населения; Кокоском – 92,0%, Судакском – 83,0%; Бахчисарайском и Севастопольском – 72,0%; Ялтинском – 58,0%; Карасубазарском – 42%; Симферопольском и Феодосийском – 18,0%; Армянском – 8,0%; Старо-Крымском – 3,0% [20, с. 116].

Летом 1921 году Крым поразила засуха, приведшая к голоду 1921/1923 годов, упадку как аграрного, так и промышленного сектора экономики региона. Анализ документов позволяет привести следующие данные: в 1921 году посевные площади составили 73% от 1916 года; садоводство сократилось на 28%; площади виноградников уменьшились на 23,7%; площади табачных плантаций сократились на 89%.

В условиях засухи необычно много развелось вредителей: кукурузного жука, головни, гессенской мухи, саранчи и других ещё более тяжелое положение сложилось в животноводстве, где количество рабочих лошадей уменьшилось на 60%, коров на 31%, волов на 60%, верблюдов на 71%, овец на 45%, свиней на 88% [20, с. 86].

В сложившейся ситуации Крымревом, а затем и правительство Крымской ССР, допустили управленческую ошибку, сделав ставку на сплошную кооперацию сельского хозяйства, но к 1 октября 1922 года в автономии из 807 зарегистрированных сельскохозяйственных предприятий работало лишь 331, объединявших 9 775 человек, в том числе 2 263 русских и 6 351 татарина [20, с. 67]. Последствием этой ошибки стало то, что заготовки собственных ресурсов продовольствия в 1921–1922 годах составили лишь 50% всей потребности [20, с. 88]. Голод 1921–1923 годов, унесший, по разным оценкам, от 70–80 до 100–110 тысяч человеческих жизней привел в полное разорение 13% крестьянских хозяйств. Главными причинами голода возможно считать следующие: указанное выше сокращение посевных площадей, прежде всего зерновых культур и рабочего скота; неустойчивое финансирование мелиоративных работ в условиях засухи, а с января 1922 года и полное его прекращение; развитие в условиях засухи многочисленных вредителей сельского хозяйства, для борьбы с которыми денежных средств не было; большие потребности в продовольствии для обеспечения частей РККА, размещенных на территории автономии; несвоевременная помощь Центра, когда Крым ЦИК обратился за помощью в октябре 1921 года, а получили ее лишь в феврале 1922 года, когда уже голодало около 500 тысяч человек [21, л. 4], другие.

Наиболее пострадали от засухи и неурожая хозяйства предгорных и Южнобережных районов с преобладанием татарского населения. Наибольшая смертность оказалась у татарского народа, потерявшего 25% всего своего населения, прежде всего детского и мужского.

Важной составной частью борьбы с голодом, перестройки экономики Крыма стали принятые СНК автономии в конце мая 1922 года два документа: «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922 – 1923 год и «Об убое скота». Эти постановления позволяли упорядочить формы и объемы налога, запрещали убой продуктивного скота, овец и маток, баранов и каракулей до 8 лет, молодняка до 1,5 лет.

14 июня 1922 года Крым ЦИК и СНК приняли постановление «О временных налогах в пользу голодающего Крыма с провозимых грузов железнодорожным и водным путями», предусматривающий его в размере 2% натуральными продуктами. В последующем, налоговая политика носила четкий классовый характер с приоритетом татарского населения, получившего значительные льготы даже за счет других национальностей, прежде всего болгар и немцев.

Важнейшей социально-политической проблемой была борьба с бандитизмом, который по оценке В.М. Брошевана и В.Г. Черной имел три степени: уголовный, уголовно-продовольственный и уголовно-политический. Только с осени 1920 года по март 1922 года в Крыму действовало 58 банд общей численностью 2 351 человек [22, с. 20].

Наибольшую опасность представляло «зеленое» (партизанское) движение главным образом из числа татарского населения предгорного и Южнобережного Крыма. Преодолеть его удалось путем проведения комплекса социально-политических, военных мероприятий, что подробно рассмотрено в диссертации А.В. Ишина [23]. Объективным фактором подавления движения стал голод, лишивший партизан продовольственной базы.

Стагнация народного хозяйства привела к крайней дефицитности бюджета Крымской ССР, доходы которого покрывали расходы лишь на 1/3 [24, с. 3].

В сложившейся ситуации, главные усилия всех органов государственной власти и управления крымской автономии были направлены на реорганизацию хозяйственной жизни, перестройку ее на рельсы НЭПа, стабилизацию сельского хозяйства и промышленности, которая смогла заработать лишь после ликвидации голода в 1923 году, начального преодоления бандитизма, решения других острых социально-экономических и политических проблем. В апреле 1922 года был образован Крымсельбанк. Создается Крымская Контора Центросоюза, охватившая Крымский полуостров, северные уезды Таврической губер-

нии, вошедшие в состав УССР. Главными направлениями ее работы стало развитие собственного сельскохозяйственного производства, заготовка овощей и фруктов, рыбы, сельхозсырья, организация внутренней и внешней торговли.

Практические усилия Крым ЦИКа были направлены в период 1921–1923 годов на решение следующих экономических задач: изыскание средств путем упорядочения госаппарата и развития доходных статей местного бюджета, а также исходотайствования возможно больших дотаций и привлечение средств из Центра; удешевление путем сокращения советского аппарата накладных расходов; организацию государственной семенной и продольственной помощи пострадавшим от голода хозяйствам; оказание различными формами помощи беспризорным детям, инвалидам голода; организация общественных работ для смягчения остроты безработицы, другие.

В комплексе этно-социально-экономических и политических мероприятий, осуществляемых в автономии в начале 20-х годов, важное место заняло проведение коренизации, прежде всего в форме приоритетного решения татарского вопроса. В принятой 1-м Всекрымским учредительным съездом Конституции Крымской ССР, ее государственными языками стали русский и татарский. Третий Всекрымский съезд советов в 1923 году, проанализировав ход его решения, наметил практические пути активизации этого процесса, вовлечения татар в советское, государственное и хозяйственное строительство. Для реализации поставленных задач при Крым ЦИКа и Совете Народных Комиссаров (СНК) была создана специальная Комиссия по татаризации соваппарата, а также особая переводческая татарская коллегия.

Главными направлениями решения татарского вопроса в автономии стало вовлечение их в советы и их массовые организации (секции, производственные совещания); укомплектование организаций и учреждений национальными кадрами; создание сети татарских национальных советов в Бахчисарайском, Карасубазарском, Балаклавском, Судакском, Алуштинском и Ялтинском районах; подготовка и переподготовка татарских кадров, для чего во всех техникумах и вузах была введена 30% обязательная квота; вовлечение татар в промышленное производство, как государственное (цензовое), так и кооперативное; осуществление комплекса мероприятий культурно-хозяйственного обслуживания; перевод делопроизводства в татарских национальных районах на татарский язык. Однако этот процесс тормозился как по субъективным, так и по объективным причинам, поскольку на весь Крым в 1928 году было всего 33 пишущих машинки с ново-тюркским шрифтом, в том числе 4 новых и 29 переделанных [24, л. 81].

В мае 1922 года Крым ЦИК проводит 2-ю Всекрымскую беспартийную конференцию с участием 200 делегатов татар, где главными вопросами стали борьба с голодом. Ей предшествовало проведение окружных конференций, на которых отмечалось, что только в Джанкойском регионе он охватил более половины населения округа. Конференции требовали ввода представителей татарского населения в комитеты помощи голодающим, открытия детских пунктов питания [25, л. 57о].

Ведущей, определяющей проблемой, решаемой Крым ЦИКом и СНК в период 1921–1924 годов стало обеспечение реализации НЭПа путем перестройки системы государственного управления народнохозяйственным комплексом. Решение этой проблемы осуществлялось формированием новой институциональной среды, обеспечивающей функционирование новой макросистемы, основанной на смешанном типе собственности, когда государственная ее составляющая выступает одной из форм, наряду с индивидуальной, групповой, акционерной и другими. Основными направлениями решения этой задачи стало определение институтов, необходимых новому уровню макросистемы; институтов, нуждающихся в трансформации, а также ликвидации; взаимосвязи институциональных структур, которые появляются и исчезают в процессе экономического развития; структур, которые носят общий или специальный характер; противоречий между институциональными структурами и механизма их разрешения.

В мае 1923 года постановлением Крым ЦИКа была создана Центральная Комиссия по улучшению госаппарата как совещательный орган, которая, совместно с Рабочее-крестьянской инспекцией, готовила необходимые материалы. Практическими результатами работы Комиссии стала выработка рекомендаций по переходу от четырехстепенной на трехстепенную систему управления в Крымской ССР путем ликвидации Окрисполкомов; проекта значительного сокращения штатов, упрощения структур большинства учреждений, в том числе и самой Рабочее-крестьянской инспекции, в которой были ликвидированы все местные организации и значительно, до 40%, сокращен центральный аппарат; Положения об Общем отделе, объединенном в общем здании с Наркоматами СНК; Положения об Секретариате; Инструкции по делопроизводству и секретной переписке и другие.

Введением реформы административного деления Крыма, из 7 округов и 17 районов было определено 14, а вскоре 10 районных административных центров. Совершенствование системы управления народнохозяйственным комплексом автономии, формирование новой институциональной среды позволило, в целом, сократить госаппарат на 70%, строить его с учетом национального фактора, прежде всего татарского.

В ходе восстановления и развития экономического потенциала крымской автономии, к 1925–1926 годам промышленность четко разделилась на следующие части: трестированная, которая находилась в ведении ЦСНХ; государственная, находившаяся в ведении местных советов; кооперативная; частная. С 1924 года начала активно развиваться кустарно-промысловая кооперация, объединившая к 1925 году 3016 кустарей–ремесленников или 25% их общей численности, в том числе из татарского населения около 46%. Характерной, определяющее устойчивой тенденцией стало развитие государственного и сокращение кооперативно-частного сектора, что подтверждается следующими цифрами [26, с. 3].

Динамика изменения доли государственного и частного секторов экономики представлена в следующей таблице:

Таблица 5.

Годы	Промышленность (в %)			
	ЦСНХ	Государственная	Кооперативная	Частная
1924–1925	41	39,3	9	0,7
1925–1926	43,4	40,79	7,4	8,3
1926–1927	44,4	40,5	7,4	7,4

Из анализа этой таблицы видно, как возрастала государственная составляющая, в 1925/1926 годах резко возросла, а затем начала постепенно уменьшаться частная.

Устойчивому росту экономического потенциала автономии способствовало завершение денежной реформы и введение новой денежной единицы – советского червонца. Известный русский финансист и государственный деятель, автор денежной реформы в России в 1895–1897 годах граф С.Ю. Витте в связи с этим говорил, что сила любого государства, его международный авторитет определяются не числом пушек и солдат, а прежде всего устойчивостью его денежной единицы.

К 1926 году определился и рост восстановительного характера в сельском хозяйстве, где посевные площади, в целом, составили уже 69,2% от уровня 1916 года, рабочий скот – 62,7%, садоводство – 68,4%, виноградарство – 80,9% [24, с. 5]; площади зерновых культур увеличились с 429 тысяч десятин в 1924/1925 году до 583 тысяч десятин в 1925/1926 году [26, с.6]; активно росли посевы технических культур: табака, хлопка, сои, кенафа; поголовье молочного скота увеличилось на 10% и составило 117% к 1916 года. [26, с.6].

С 1925/1926 года в автономии началась плановая работа по расселению и переселению, прежде всего татарского населения. На 10 октября 1926 года в горных районах земля была закреплена за 2108 хозяйствами, в степной – 1801. В ходе этого процесса татарскому трудовому крестьянству на 1555 дворов было передано 39738 гектар земли. 119 татарским хозяйствам, пострадавшим от засухи, было выделено государственных кредитов на 57374 рублей или 22 % всех кредитов. В 27 татарских населенных пунктах были проведены мелиоративные работы на сумму 150 тысяч рублей или 60,2 % всех средств, выделенных на эти цели [26, с. 11].

Положительные сдвиги наметились и по другим направлениям – увеличение удельного веса государственной и кооперативной торговли и сокращение частной торговли с 51,5% в 1923/1924 году до 30,3% в 1925/1926 году [26, с.9]; снижение розничных цен; первое место в СССР по кооперированию населения (61,8% кооперативных хозяйств в Крыму против 30% в среднем по СССР); укрепление коммунального хозяйства, где стоимость только жилого фонда оценивалась в 150 млн. рублей, а коммунальные доходы составляли 40% доходной части всего бюджета автономии; неуклонный рост местного бюджета с 8,1 млн. рублей в 1923/1924 году до 18 млн. рублей в 1926/1927 году или на 227% [24, л. 10]; увеличение налоговых поступлений в бюджет с 11,4 млн. рублей в 1924/1925 году до 20,3 млн. рублей в 1926/1927 году [26, с. 14].

Успехи в экономическом развитии позволили значительно улучшить положение дел в области культурного строительства. Выделение денежных средств из бюджета автономии на социально – культурные расходы возросло с 1,8 млн. рублей в 1922/1923 году до 13,5 млн. рублей в 1928/1929 году [27, л.4].

Поступательное экономическое развитие Крымской АССР позволило, в целом, к 1928/1929 году завершить восстановление всех отраслей народного хозяйства, приступить к его реконструкции. Решение этой задачи осуществлялось, с одной стороны, строительством новых ценовых промышленных объектов (Жерченского металлургического завода, консервной фабрики и консервного завода в Симферополе), с другой – коренным перевооружением значительной части старых промышленных предприятий: соляных промыслов, консервных фабрик, химзавода в Саках, Севастопольского морского завода и других. О возрастающих масштабах этой работы говорят цифры капиталовложений в крымскую ценовую промышленность: 1926/1927 году – 11,5 млн. рублей, 1927/1928 году – 19,5 млн. рублей. Большие капитальные работы были проведены по разведкам и изысканиям: 1926/1927 году – 570 тысяч рублей, 1927/1928 году – 860 тысяч рублей [28, л. 3].

Проведенная работа обеспечила значительный рост валовой ценовой продукции автономии, что характеризуется следующими цифрами (в млн. червонных рублей): 1923/1924 год – 15,3, 1924/1925 год – 23,3, 1925/1926 год – 33,5, 1926/1927 год – 42,1, 1927/1928 год – 52,5. Однако, несмотря на достигнутые успехи, к 1928 год промышленность автономии не достигла уровня 1913 года, когда она давала продукции на 45 млн. рублей [28, л. 13].

Одной из причин этого стало землетрясение 1927 года, убытки от которого превысили 2 млн. рублей. Наиболее пострадал от него Ялтинский район. 1 июля 1927 года при Ялтинском РИКе состоялось расширенное заседание правительственной комиссии под председательством Вели Ибраимова по выявлению последствий землетрясения, определению мер по их преодолению. Комиссия приняла решение обратиться в Москву за денежной помощью для восстановления сети курортов Южного берега, из местного бюджета было выделено 898,8 тысяч рублей

В 1927/1928 году 65% всей ценовой промышленной продукции выпадало на отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье (табачную, консервную, кожевенную, мукомольную и др.) – 31%; на отрасли, перерабатывающие промышленное сырье – 65% (швейная, металлообрабатывающая, машиностроение и др.) и только 4% приходилось на добывающую промышленность [26, с. 18].

К 1 января 1929 года вся промышленность автономии стала обществственной, т.е. завершился процесс отстранения рабочего класса от той собственности, которую дала ему революция 1917 года и советская

власть в ее первоначальном виде. Четко обозначилась классовая линия на вытеснение частного и рост общественного сектора в товарообороте автономии, прежде всего путем роста подоходного налога с 980850 рублей в 1927/1928 году до 1363613 рублей в 1928/1929 году [29, л.23].

Анализ абсолютных величин и удельного веса сельского хозяйства и промышленности в экономическом балансе Крымской АССР свидетельствует о том, что автономия к концу 20-х годов завершала переход к индустриально-аграрно-курортному типу, что наглядно просматривается в нижеприведенной таблице [30, л. 28]:

Таблица 6.

Элементы баланса	Валовая продукция /в млн. руб./ 1926/1927г.	Валовая продукция /в млн. руб./ 1927/1928г.	Валовая продукция /в млн. руб./ 1928/1929г.
Сельское хозяйство	821,1/51,5%	99,5/52%	114,8/50,7%
Промышленность	77,3/48,5%	91,8/48%	111,4/49,3%
Итого:	159,4/100%	190,3/100%	226,2/100%

Нарастающая индустриализация вызвала к жизни широкое проведение государственных займов, сумма которых в Крыму составила: 1926/1927 году – 913 тысяч рублей, 1927/1928 году – 2 млн. 724 тысяч рублей или рост за один год на 33,5%. В первом квартале 1928/1929 года было уже подписано граждан и предприятий на сумму 2 млн. 873 тысяч рублей. Государственными займами было охвачено 66% рабочих и служащих, дававших более 70% всех подписных сумм [31, л. 4].

С 1926 года правительство Крымской АССР вплотную приступило к решению проблемы вовлечения татарского населения в промышленное производство. По пятилетнему плану, в 1927/1928 году число рабочих должно было составить 18489 человек, в том числе татары – 1.092 (5,9 %) Проблема подготовки кадров рабочих из числа крымскотатарского населения подробно рассмотрена Б.В. Змерзлым [32].

За 1928/1929 год по Крыму было проведено 28 курсов сроком от 10 дней до 1 года для подготовки специалистов различных отраслей народного хозяйства, в том числе: инспекторов с/х налогов, всего 29 человек, в т.ч. татар 5 человек (17,3%); трактористов, всего 283 человек, в т.ч. татар – 27 человек. (9,5%); строителей всего 156 человек, в т.ч. татар – 32 человек. (20,5%); работников низовой с/х кооперации, всего 566 человек, в т.ч. татар – 278 человек (50%). [33, л.4].

Только 1 марта 1929 года президиум Крым ЦИКа принимает постановление о плановом вовлечении татар в промышленное производство [27, л. 100].

В конце 20-х годов активизировался и процесс отстранения трудового крестьянства, в том числе татарского, от собственности на путях расширения колхозно-совхозного строительства. Анализ архивных материалов позволил проследить следующую динамику колхозного строительства в сельском хозяйстве крымской автономии [26, с.15]:

Таблица 7.

Формы коллективных хозяйств	На 1.10.1927г.		На 1.10.1928г.		На 1.10.1929г.	
	Число объединений	В них хозяйств	Число объединений	В них хозяйств	Число объединений	В них хозяйств
Коммуны	19	530	20	360	24	779
Артели	360	5 136	553	6 360	632	8 903
ТОЗы	44	817	413	5 257	598	7 611
Итого по Крыму	423	6 483	986	12 177	1 254	17 293

Число татарских колхозов на 1 октября 1928 года в Крымской АССР достигло 364. Противящиеся коллективизации были высланы в северные районы СССР [26, с.15].

На конец 1929 года в пяти национальных татарских районах (Бахчисарайском, Балаклавском, Алуштинском, Карасубузарском, Судакском) подлежало коллективизации 28.298 хозяйств (81,4%) [34, л. 5].

Татарское крестьянство, не имевшее собственной земли, активно вовлекалось в совхозное строительство региона. На конец 1929 года из общей численности 12 247 рабочих совхозов татары составляли 1132 человек (9,2 %) [34, л.2].

Нарастающая эффективность развития народного хозяйства позволила существенно видоизменить бюджет Крымской АССР: общая сумма доходной его части возросла с 3 млн. рублей в 1922/1923 году до 35,6 млн. рублей в 1928/1929 году. Расходы на этносоциально-культурные нужды за этот период увеличились почти в 5,5 раз, хозяйственно–производственные – 6 раз [35, л.4].

В бюджете Крымской АССР на 1929/1930 год на удовлетворение нужд граждан 76 национальностей выделялось 3 млн. 745,2 тысяч рублей, в том числе: содержание 3-х татарских райисполкомов – 90 тысяч рублей; проведение съезда женщин Востока – 0,5 тысячи рублей; содержание 3-х татарских судебных участков – 17,1 тысячи; содержание 368 татарских школ I ступени – 324,6 тысяч рублей; содержание 12 татарских школ II ступени – 303,4 тысячи; содержание 4-х татарских колхозных школ – 72,8 тысячи; содержание 6 татарских детских домов и детских площадок – 66,5 тысячи рублей; содержание Бахчисарайского музея – 1,1 тысячи рублей и 6 тысяч рублей для содержания Восточного музея; субсидирование татарской периодической печати – 69,0 тысяч рублей.

Всего же на удовлетворение нужд татарского населения выделялось 3 млн. 452 тысячи рублей (80 % всех средств) [26, с. 100].

Несмотря на достигнутые успехи, в этноэкономике Крымской АССР к концу 1929 года оставались и нерешенные проблемы, в числе которых были острая нехватка электроэнергии; недостаточное развитие

кооперации; нехватка денежных средств для укрепления материально-технической базы социально-культурной сферы, прежде всего татарского народа; сокращение поголовья скота с 420 тысяч голов в 1927 году до 275,1 тысячи; нехватка продукции группы «Б» и другие.

Наряду с эволюцией этноэкономического развития, принципиальные изменения претерпели крымские профсоюзы, что всесторонне рассмотрено Е.М. Штейнбахом [36].

В условиях перехода к новой экономической политике, существенно изменились формы и методы работы крымских профсоюзов, его совета, оставив, естественно, неизменными их главные цели и задачи – защита экономических интересов наемных рабочих, улучшение их быта и условий труда. Главным направлением деятельности профсоюзов вновь стало заключение коллективных договоров как главного регулятора взаимоотношения союзов с юридическими и физическими лицами в условиях НЭПа.

В период конца 1920 – 1923 годов, когда голод практически парализовал экономику Крыма, выявились неясности во взаимоотношениях нового советского государства с профсоюзами. По окончании Гражданской войны, начала перехода к НЭПу, профсоюзные организации не смогли вовремя наладить связь с рабочими частных предприятий, их практическую деятельность характеризовали ненадежность внутрисоюзного аппарата, отсутствие правильной постановки финансовой и деловой отчетности, беспорядочность расходования союзных средств. Они сначала не смогли обеспечить ведущей роли в оплате труда производственных групп рабочих, когда, как и в современных условиях, приоритет получили государственные служащие, работники кооперативных, торговых организаций. Однако постепенно этот перекос все же удалось устранить, что вызвало недовольство целых групп служащих. Другим крупным упущением профсоюзов, которое в конце концов привело к утрате их лидирующей роли, стала передача контроля компартийной системе, отстранение от организации и управления производством, увлечение внутрисоюзной работой: организационной, тарифной, культурно-массовой.

Это привело, наряду с многими другими политико-экономическими факторами, к неуправляемому росту безработицы, когда с января 1923 по январь 1924 годов число утративших рабочие места возросло с 8381 до 15 828 человек или на 88,8% [37, с. 6]. Наибольший процент прироста безработных дали Джанкойский округ – 283; Ялтинский – 22709; Симферопольский – 110,7 [37, с. 7].

В наиболее тяжелом положении оказалось и так не большая прослойка рабочих из числа крымскотатарского населения. В условиях затянувшегося перевода работы профсоюзов с военных на мирные рельсы, преодоления последствий голода, лишь с 1923 года профсоюзы начинают обращать внимание на трудящихся из числа коренного населения и национальных меньшинств. Решение проблемы затягивало отсутствие подготовленных кадров профсоюзных руководителей из числа татар.

Анализ показывает, что наименьшее представительство рабочих из числа татар было в профсоюзах металлургов – 0,3% общей численности; железнодорожного и водного транспорта – по 0,4%; а наибольшее – в народном просвещении – 12,7%, среди земельных и лесных работников – 9,5% [37, с. 24–25].

В целях увеличения численности и повышения качества работы среди крымских татар профсоюзы использовали, прежде всего, такие формы и методы, как выдвижение одного – двух представителей в состав правления отделов и отделений; низовые профячейки, фабрично – заводские и местные комитеты, в делегатские собрания. Наиболее активно решал эту проблему профсоюз работников просвещения, выделивший татар – профуполномоченных для работы в деревне, особенно Ялтинском национальном округе. Медленно работали в этом направлении профсоюзы советских и медицинских работников. Главным недостатком в практической деятельности профсоюзов Крыма продолжало оставаться отсутствие целевой работы с женщинами – работницами, прежде всего из числа татарок.

Новая экономическая политика, видоизменив экономические отношения граждан, признав частную собственность, создала необходимость в правовой помощи для рабочих. В начале 1923 года профсоюзы создают юридическое бюро по отдельным окружным центрам, а с 1 мая 1923 года при секретариате КСПС так же учреждается юридическое бюро. Оно вело работу в областях рабочего законодательства, разработки трудовых норм в коллективных договорах и тарифных соглашениях; охраны трудовых норм /судебные выступления/; консультационной деятельности. Анализ участия Крымской ССР в юридической защите прав трудящихся в 1923–1924 годах дан в приложении «А».

Следует отметить, что вся профсоюзная работа, в том числе и культурно-массовая, носила интернациональный характер, не выделяя в своей деятельности какие-либо национальности, что в то время было ошибочным. Исключение составляла кружковая работа, где имело место организация изучения татарского языка. Профсоюзы имели всего 3 кружка по ликвидации неграмотности среди татар в Симферополе и 2- в Евпатории [37, с. 68]. Они перевели на татарский язык кодекс законов о труде, брошюры о социальном страховании, другие.

Уже на 9-м Всекрымском съезде профсоюзов указывалось:...«работа среди татар в крымских условиях есть не вынужденная, кем-то навязанная работа, а основное средство для наиболее тесного сплочения всей массы трудящихся» [36, с. 79].

Анализ роста численности представителей татарского населения в профсоюзах Крыма позволяет проследить следующую тенденцию роста: на 1 августа 1923 года – 2158 человек; на 1 октября 1925 года – 3949; на 1 октября 1926 года – 4912 человек, в том числе 799 татарок или рост с 4,4% общей численности в 1923 году до 6,3% в 1926 году [36, с. 80]. Анализ участия крымскотатарского населения в профсоюзном движении в начале 1920-х годов дан в **приложении «Б»**.

Данная тенденция усиливалась в последующие годы, о чем говорит резолюция XIII Всекрымского съезда профсоюзов, требовавшая от своих организаций «обратить еще большее внимание делу вовлечения татар в производство, в первую очередь батраков и бедняков...» [38, с. 10].

- Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы:
- с первых дней строительства Крымской АССР активно решались этноэкономические вопросы, прежде всего в интересах татарского народа;
  - татарский народ понес наибольшие потери в результате голода 1921/1923 годов, что стало следствием специфического размещения зернового производства в степной и степкультур в горной части полуострова, наиболее пострадавшей от голода;
  - в ходе советского строительства приоритетное внимание уделялось индустриализации региона, вовлечению в промышленное производство татарского населения, что решалось сложно в силу его традиций, которая по мнению председателя Крым ЦИК А.А. Саметдинова прошла в рассматриваемый период два основных этапа: восстановительный (1921 – 1923 года) и реконструктивный (1924 – 1929 года) [39, л. 3]; но которая все же дала за три года (с 1.10.1926 по 1.10.1929 годы) увеличение процента татар в промышленном производстве с 3,2 до 9,5.
  - 1920 годы стали периодом широкого развития кустарной промышленности, главным образом национальной, где на 1 октября 1929 года насчитывалось 4 тысячи человек [40, л. 8].
  - в ходе коллективизации сельского хозяйства наибольшую активность проявило татарское население автономии, поскольку оно не успело прочувствовать в своем большинстве силу владения землей;
  - процесс решения татарского вопроса до конца 1920-х годов характеризовался отсутствием единого руководства и контроля, системы и плановости в работе, учета политического значения решения проблемы, другими негативными моментами, то привело к Уснутскому восстанию 1930 года;
  - неудовлетворенные темпы вовлечения женщин, прежде всего татарок, в промышленное производство, побудили создать в 1929 году при Крым ЦИКе и РИКах специальные Комиссии по улучшению быта и труда женщин [40, л. 24]; а в бюджете Крыма на 1929/1930 года на работу среди женщин было выделено 350 тысяч рублей [40, л. 64].
  - эволюции подвергались не только этноэкономическое развитие, но и деятельность профессиональных союзов, ставших придатком компартийной системы.

1.3. Этноэкономическое развитие Крыма в 30 – первой половине 40-х годов

Автор считает правомерным рассмотрение процесса экономического подъёма Крыма в 1930-е – начале 1940-х годов в контексте проведения коренизации, реализации национальной политики, объявленной октябрьской революцией 1917 года, что позволило большевикам победить в борьбе за власть. В качестве её коренной задачи стало этноэкономическое развитие угнетаемых ранее народов, в том числе и русских представителей трудящихся классов города и деревни. Данный процесс в 30-е годы шёл в двуедином направлении: с одной стороны, на этноэкономическое и этносоциальное развитие всех народов, проживающих в регионе, причём приоритетное внимание уделялось коренной крымскотатарской нации, с другой – отстранение трудящихся от той собственности, которую трудящиеся получили от советской власти в городе и деревне, что нашло своё отражение в проведении индустриализации и коллективизации, превращении советов, профсоюзов в послушных исполнителей компартийной тоталитарной системы, лишения крестьянства паспортов, т. е. их закрепощении, жёстком закреплении рабочих и служащих за определённым местом путём прописки и другом.

В процессе этноэкономического развития Крыма в рассматриваемый период возможно выделить следующие основные этапы:

I-й: 1927/28 – 1932 годы, когда в ходе 1-й крымской пятилетки шёл активный процесс насильственной коренизации всех управленческих звеньев автономии, осуществления коллективизации, технического перевооружения народного хозяйства.

II-й: 1933 – 1937 годы, в ходе которого в результате выполнения второго пятилетнего плана был достигнут коренной перелом в этноэкономическом и этносоциальном развитии, что нашло закрепление во 2-й Конституции Крымской АССР.

III-й: 1938 – 1941 годы, когда в условиях свёртывания насильственной коренизации успешно решались задачи этноэкономического и этносоциального развития региона, прерванного началом Великой Отечественной войны и оккупацией полуострова немецко-румынскими захватчиками в 1941 – 1944 годы.

IV-й: 1944 – 1945 годы, когда процесс послевоенного восстановления осуществлялся в принципиально новых этнонациональных условиях, вызванных депортацией в 1944 году крымскотатарского народа, армян, болгар, греков и других национальных меньшинств, переселением на их место русских и украинцев, ликвидацией Крымской АССР и преобразованием её в область в составе РСФСР.

Утверждение в апреле 1929 года на VI Всекрымском съезде советов первого пятилетнего плана развития народного хозяйства явилось логическим продолжением послевоенного восстановления и подъёма этнонационального развития всех народов Крыма, достижения их социально-экономического равенства на чётко спланированной основе. Именно такой подход позволял видеть не только достигнутое, но и перспективу этнонационального развития, планировать и более успешно решать этносоциальные проблемы автономии. В то же время, такой подход имел и свои серьёзные недостатки: во-первых, утверждал тоталитарную систему в этноэкономическом развитии; во-вторых, окончательно ликвидировал функционирование рыночных рычагов развития; в-третьих, превращал экономическое развитие в самоцель, а не средство достижения этнонационального и этносоциального подъёма полиэтнического крымского народа; в-четвёртых, закладывал основы будущего коллаборационизма его части в период оккупации, другие.

Процесс дореволюционного и начального этапа советского этноэкономического развития в 1920-е годы

предопределил особенности первого пятилетнего плана в Крымской АССР, как и других регионах Союза ССР, прежде всего в УССР. Таковыми стали: во-первых, приоритетное развитие промышленного сектора экономики крымской автономии, когда было спланировано увеличение его удельного веса с 51,6% в 1927/1928 до 64,1% в 1932/1933 году [41, л. 16]; во-вторых, ускоренное формирование Керченской чёрно-металлургической базы всесоюзного значения, пустившей 20 апреля 1929 года первую домну; в-третьих, строительство новых фабрик и заводов на общесоюзные средства и находившиеся в союзном подчинении; в-четвёртых, реконструкция старых промышленных предприятий республиканского подчинения; в-пятых, развитие тесного политического и экономического сотрудничества с предприятиями и трудовыми коллективами УССР и РСФСР; в-шестых, завершение коллективизации в аграрном секторе; в-седьмых, по счёту, но, во-первых, по значимости, выделение в приоритет всей экономической и политической жизни автономии этнонационального вопроса, его решения на путях жёсткой коренизации, прежде всего этноэкономической, формирования промышленного пролетариата из числа крымскотатарского, еврейского и других этносов региона; в-восьмых, широкая мобилизация средств населения на решение задач пятилетки, другие.

Свою первую пятилетку Крымская АССР начинала со следующими экономическим и этнонациональным потенциалом: территория 25880,65 км²; площадь лесов – 2795,4 км²; лугов – 72,12 км²; земли, удобной для обработки – 23866,36 км²; водный бассейн – 527,46 км²; население на 1 марта 1931 года – 760899 человек; средняя плотность – 3,4 человека на 1 км²; 12 городов, 76 посёлков городского типа, городов республиканского подчинения – 4, сельских населённых пунктов – 2732, сельских советов – 454; национальных районов – 9, в том числе татарских – 6, немецких, еврейских и украинских – по одному [42, л. 4].

В этнонациональном отношении городское население составляло: 44,5% русские, 16,5% украинцы, 26,4% татары, 2,7% евреи, 2,2% греки, 1,5% армяне, 1,1% немцы, 5,1% других национальностей; сельское население состояло на 29,4% из русских, 10,3% украинцев, 38% татар, 10% немцев, 3,9% евреев, 2,8% болгар, 2,2% греков, 1,2% армян, 2,9% других национальностей [43, л. 1–2].

Имея указанный выше потенциал, валовая продукция крымской ценовой промышленности превосходила довоенные (1914 год) размеры и в 1929/1930 году составляла 249,4% к 1928 году, в том числе прирост по группе "А" – 219%, а по группе "Б" – 117% и эта тенденция в последующие годы неуклонно сохранялась, став впоследствии одной из причин коллаборационизма в регионе. Строительство линии высокого напряжения Севастополь – Симферополь положило начало электрофикации Крыма [44, л. 2]. В аграрном секторе экономики 2/3 бедняцких и середняцких хозяйств, прежде всего в татарских национальных районах, вступили в колхозы. Широким фронтом шёл процесс формирования крестьянства за счёт переселения в Евпаторийский и Джанкойский районы еврейских переселенцев из местечек УССР, БССР и РСФСР.

Однако уже на старте выявились следующие группы проблем, которые прогрессировали в последующие годы: невыполнение промышленно-финансовых планов; рост бюрократизма советского, хозяйственного и компартийного аппарата; равнодушное отношение руководителей предприятий к нуждам, запросам и этносоциальным различиям рабочих, что вело к огромной текучести кадров, прежде всего из числа татарского населения; серьёзные отставания в решении этносоциальных проблем, прежде всего в жилищной сфере; усиленная эксплуатация крымской деревни, особенно её татарской части; давление на немецкую и болгарскую составляющие, не спешившие со вступлением в колхозы, в целях получения средств для наращивания темпов индустриализации.

Несмотря на это, государственное руководство республики, где большинство составляли представители крымскотатарского народа, компартийное руководство, где преобладала русская составляющая, упорно и настойчиво проводили курс на индустриализацию, усиление темпов промышленного строительства, что стало первым ведущим направлением данной и последующих пятилеток Крыма. Для этого использовались как экономические, так и политические рычаги, прежде всего давление репрессивно-карательного аппарата, активно искавшего и находившего "врагов" советской индустриализации в Керчи, Севастополе и других промышленных центрах Крыма.

Другим важнейшим направлением советского строительства стала социалистическая реконструкция сельского хозяйства автономии на путях развития аграрной реформы, передачи земли трудовой части населения, прежде всего крымскотатарской деревни предгорных и горных районов и немедленного её изъятия в форме коллективизации как средства решения как экономической задачи – получение средств для индустриализации, так и политической – ликвидации крепкого хозяина – производителя сельскохозяйственной продукции, стоящего за сохранение рыночных отношений на селе. Все противники этого курса объявлялись "врагами народа" и подлежали немедленному выселению из Крыма в северные районы РСФСР. Масштабы этой политики до сих пор до конца не выяснены, подлежат историческому исследованию.

Одновременно продолжался курс на реорганизацию созданной в 20 годы советской системы, эффективность которой продолжала оставаться исключительно низкой. В качестве ведущих направлений решения этой проблемы ставились пересмотр сети совхозов и их планомерной реорганизации в соответствии с производственным районированием Крымской АССР; освоение всех угодий, отведённых совхозному сектору; развитие более широкой работы по вовлечению в совхозы беднейших слоёв этнонациональной деревни, особенно коренной национальности, привлечение их к управлению; коренное улучшение социально-бытовых условий жизни и организации работы в совхозах. Составной частью этого процесса стало дальнейшее развитие природных хозяйств.

Особое внимание в аграрном секторе обращалось на организацию и распределение труда; усиление механической обработки как зерновых и овощных, так и специальных культур; планирование использования водных ресурсов как гаранта исключения повторения голода 1921 – 1923 годов; проработку вопросов внедрения птицеводства, кролиководства и овцеводства в условиях мясного дефицита, обострённого в ходе

коллективизации.

Одним из важнейших политико-экономических рычагов успешного решения задач первой и всех последующих крымских пятилеток становится организация социалистического соревнования, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Особенно эффективна была эта форма в годы 1-й и 2-й пятилеток, пока из неё не сделали ещё один образец бюрократизма и фальсификации советского строительства. Моральное поощрение добросовестного ударного труда на все сто процентов подменило материальное стимулирование, на многие десятилетия стало, в определённой мере справедливо, двигателем процесса стимулирования высокопроизводительного труда с одной стороны, критики разгильдяйства, безответственного отношения к производству с другой. Соревнование охватывает не только отдельных рабочих, бригады, цеха, предприятия, а выходит на республиканский и союзный уровень. Данная проблема освещена в "Очерках по истории Крыма", другой литературе.

Планирование, контроль, организация социалистического соревнования, другие факторы позволили, хотя далеко не в полном объёме, выполнить задания первой пятилетки к 1932 году. Удельный вес промышленной продукции к концу этого года составил 70%, что засвидетельствовало факт превращения Крыма из аграрного в индустриально-аграрный [45, л.1]. В 1932 году металлургический завод им. Войкова в г. Керчи дал 5% всего металла, полученного в СССР. В 1917 году завод произвёл 14900 тонн, а в 1932 году – 329 900 тонн чугуна [46, л.46]. Общее количество рабочих в промышленности союзного значения Крыма за пятилетку увеличилось в 3 раза и составило почти 41 тысячу человек [45, л.1]. К концу 1931 года в Крыму была ликвидирована безработица. Значительные изменения произошли в аграрном секторе автономии. К концу 1932 года было объединено в колхозы 85% бедняцко-средняцких хозяйств [47, л. 105]. Динамика этого процесса представлена в таблице [48, л. 3].

Таблица 8.

Виды колхозов	На 1.10 1927г.	На 1.10 1928г.	На 1.10 1929г.	На 1.10 1930г.	На 1.10 1931г.	На 1.10 1932г.
Коммуны	19	20	24	32	32	32
Артели	430	553	634	943	1107	1354
ТОЗы	30	413	598	82	151	30
Всего:	530	986	1254	1067	1290	1416

Из таблицы видно, что после роста в 2,5 раза количества коллективных хозяйств с 1927 по 1929 годы, когда проходит 1-я волна, в 1930-м году отмечается спад, а затем идёт более мощная 2-я волна, причём более активно этот процесс шёл в татарских национальных районах (81,4%), более медленно в Ишунском украинском национальном районе, где на 1 августа 1931 года он составил 64,7% [49, л. 5].

Высокими темпами шёл процесс механизации сельского хозяйства, когда при плане завоза в Крым за пятилетку 1581 трактора, к концу 1932 года фактически было завезено 2051, объединённых в 17 машино-тракторных станций (МТС) [47, л. 108], в том числе 5 МТС во Фрайдорфском еврейском и 3 МТС в Биюк–Онларском немецком национальных районах [50, л. 8].

Достигнутые положительные результаты позволили значительно увеличить темпы этнонационального развития на следующем этапе – в годы 2-й пятилетки (1933 – 1937 годы), когда в качестве важнейших задач были определены: завершение технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства, коллективизация села как одного из основных источников решения первой задачи, другие.

Приоритетное развитие в регионе получило продолжение строительства Камыш-Бурунского железорудного комбината и второй очереди Керченского металлургического завода им. Войкова, где был освоен выпуск высококачественной стали, чугуна и к началу марта 1933 года было выплавлено 825732 тонны металла, освоен прокат тракторных шпор, завершилось строительство цеха по производству ванадия [51].

Только в 1933 – 1934 годах было построено до 20% новых предприятий, в том числе Перекопский бромный завод. Машиностроительные заводы Крыма освоили производство консервных машин, которые ранее ввозились из-за рубежа [52, л. 2]. В короткий срок, с 1931 по 1934 годы, стоимость промышленной продукции автономии увеличилась на 55%.

Значительные успехи были достигнуты в крымской деревне, где в 1932 году валовой сбор зерна в 2 раза превысил урожай 1914 года [53, л. 13]. Это позволило Крыму досрочно, первым в Советском Союзе, выполнить государственный план хлебозаготовок, за что республика была награждена орденом Ленина. В указе Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу указывалось, что награда присуждается за выдающиеся успехи в деле проведения основных сельскохозяйственных работ, за укрепление колхозов и совхозов, за выполнение обязательств перед государством [54, л. 3].

Нарастали темпы, с одной стороны, создания колхозной системы, когда к марту 1935 года она объединяла уже 89% бедняцко-средняцких хозяйств; с другой, число совхозов выросло с 90 в 1931 до 202 в 1934 году; с третьей, рост числа МТС до 32, что позволило производить обработку 85% полей тракторами и увеличить посевные площади с 920 тысяч гектар в 1930 до 1078 тысячи гектар в 1934 году; с-четвёртой, увеличить площади специальных культур, в том числе виноградников – с 7,5 до 8 тысячи гектар, садов – с 13 до 18, табаков – с 7,5 до 8,6 тысяч гектар [52, л. 3].

Однако процесс советизации сельского хозяйства шёл сложно, болезненно. Продолжала оставаться низкой урожайность зерновых и особенно технических культур, где процесс механизации задерживался, не давал развиваться этой отрасли более высокими темпами. Но главной проблемой продолжало оставаться серьёзное отставание в развитии животноводства, когда 8-й Всекрымский съезд советов в 1935 году оценил его состояние как "неудовлетворительное" [52, л. 18].

Главными причинами этого явления были названы отсутствие прочной кормовой базы, должного внимания к делу организации культуры лугов и пастбищ; неудовлетворительная племенная работа; большая текучесть и низкая квалификация кадров на животноводческих фермах; отсутствие должных условий для зооперсонала; плохая подготовка к зиме и другие. В этой ситуации съезд посчитал необходимым применить метод государственного развития животноводства, установив жёсткий план развития поголовья в колхозно-товарных фермах: по крупному рогатому скоту – 47 тысяч голов, в том числе коров – 13 тысяч; по овцам и козам – 240 тысяч; по свиньям – 30 тысяч голов [52, л. 19].

Проблемы советизации села, отстранения крестьянина от земельной собственности потребовали от ВКП(б) принятия неординарных мер административно-политического давления, одной из форм которого стало решение объединённого январского Пленума ЦК и ЦКК 1933 года о создании политических отделов в МТС и совхозах. Компартия послала в них свои лучшие кадры, обладавшие опытом партийной и хозяйственной работы. К январю 1934 года в Украине было создано 846 политотделов МТС и совхозов, в которые было послано 4500 коммунистов [55, с. 471].

Крымская областная партийная организация в начале 1933 года образовала 27 политотделов МТС и пять политотделов совхозов. ЦК ВКП(б) направил на работу в МТС Крыма 170 коммунистов. Всего же в республике было создано 52 политотдела в МТС и крупных совхозах. Она усилила партийно-комсомольское влияние на селе, направив в 1933 – 1934 годах в деревню 1700 членов и кандидатов партии, довела число коммунистов – председателей колхозов до 59,5%. Центр тяжести партийной работы был перенесён в бригады, где уже в 1933 году работало 43% сельских коммунистов.

По производственному принципу была построена работа комсомольских организаций. На 1 октября 1933 года в Крыму насчитывалось 573 колхозных, 136 совхозных, 25 комсомольских организаций МТС, в которых состояло на учёте 8857 комсомольцев.

Однако классовая борьба в крымской деревне не ослабевала. В апреле 1935 года была арестована группа татарских кулаков, которая в октябре 1934 года убила колхозника – активиста М. Урсалиева в деревне Владимировке [56]. В том же 1935 году была арестована группа Арифджановых в деревне Кучук–Узень Алуштинского района. Массовая коллективизация имела и такое негативное последствие, как раскулачивание и высылка из родных мест крепкого крестьянина – производителя сельскохозяйственной продукции, что прибавило число незаконно обиженных советской властью и стало одной из причин коллаборационизма части представителей крымскотатарской деревни в 1941 – 1944 годах. Эти и другие обиды, кровнородственные связи оказались сильнее, чем принципиально новое социально – культурное положение крымского крестьянства, в том числе татар, болгар и других в годы оккупации.

Машинизация производства в городе и деревне потребовала организации массового обучения их трудящихся. В начале 1935 года был введён государственный экзамен для рабочих, обязанных сдавать технический минимум, только успешная сдача которого давала допуск к занятию рабочего места у станка. На предприятиях Крыма развернуло деятельность общество «За овладение техникой» [57]. В 1936 году различными формами технической учебы было охвачено 23524 человека, что составляло 55% всех занятых на промышленных предприятиях Крыма рабочих [58, с.267]. Новая техника, технологии потребовали подготовки соответствующих кадров со специальным, среднеспециальным и высшим образованием. В этносоциальном плане эта проблема подробно рассмотрена в монографии Б.В. Змерзлого [59].

Новой формой социалистического соревнования стало начатое в августе – сентябре 1935 года в Донецке А.Г. Стахановым массовое движение новаторов производства. Среди крымских металлургов его одним из первых последователей стал мастер 3-й доменной печи Керченского металлургического завода П.Х. Ишков, достигший рекордного использования полезного её объема на бедных рудах. В табачной промышленности новаторство проявили рабочие Феодосийской табачной фабрики, перейдя к многостаночной системе обслуживания/от 2-х до 4-х машин/.

Патриотическое движение новаторов крымской промышленности охватило и сельское хозяйство. Зачинателями его явились тракторная бригада П.А.Ангелиной из Старо – Бешевской МТС Донецкой области. Её последователями в Крыму стали комбайнёры И.Н. Шестерня, М.Ф. Краславский, Т.В. Капуста, Я.В.Доленков и другие работники, 37 из которых были отмечены государственными наградами [60].

Одной из особенностей этноэкономического развития Крыма в годы 2-й пятилетки явилось проведение нового экономического районирования с учетом компактного проживания этносов. Оно явилось следствием нового административно-политического переустройства автономии и охватило три основных звена: во-первых, определение основных специализаций, на основе которых должны устанавливаться приблизительные очертания экономического района с максимальным количеством ресурсов, необходимых для специализации; во-вторых, увязывание условий транспортной связи с энергетикой района, сопровождающееся проектированием электростанций и путей сообщения; в-третьих, изучение производственных центров, в том числе национальной мясной промышленности, которая продолжала традиционно развиваться в автономии и продукция которой возросла с 6,4 млн. рублей в 1933 до 26,9 млн. рублей в 1937 году [61, л. 2–3].

Указанный выше подход позволил решать в рассматриваемый период и в перспективе следующие основные задачи: специализации автономии в системе УССР, РСФСР и других советских республик; реализации этносоциальной политики по выравниванию экономического и социально-культурного уровня её народов; максимальное вовлечение в советское строительство всех крымских этносов, другие.

В системе этноэкономического районирования Крыма особое место занимал Ялтинский и Алуштинский районы, где наряду с развитием аграрного сектора, прежде всего животноводства и выращивания специальных культур, особенно винограда, на ведущее место продолжал выдвигаться рекреационный фактор. В 1913 году здесь функционировало 1550 коек, а уже в 1933 – 40310, т.е. рост составил 38,4 раза. Если в

дореволюционный период койки находились в ведении частных лиц, то на 1 июня 1934 года здесь функционировало 239 учреждений курортного типа 100 юридических лиц Союза ССР [62, с. 102].

Анализ итогов 2-й пятилетки в Крымской АССР показывает, что выпуск валовой продукции возрос с 231,4 млн. рублей в 1933 до 437,4 млн. рублей в 1937–м; рост капиталовложений в промышленности с 59,7 млн. до 72,8 млн. рублей, а в сельском хозяйстве – с 28,9 до 45,7 млн. рублей. Фонд заработной платы возрос за 4 года с 271,1 млн. до 624,1 млн. рублей [61, л. 4–19].

К 1937 году Крым имел 1194 колхоза, объединявших 78 тысяч крестьянских дворов, 47 МТС, 87 совхозов, которым было передано в вечное пользование свыше 1,5 млн. га земли. Поля колхозов и совхозов обрабатывало 3750 тракторов и 1900 комбайнов [63, л. 10].

Новое административно-политическое и экономическое районирование позволило значительно поднять прослойку аппарата из числа коренного населения, прежде всего в татарских национальных районах, где она возросла с 27,1% до 43,5%. В Судакском национальном районе она возросла с 34,6% до 70,6%, Бахчисарайском – с 50,8% до 59,3%. Процент коренизации аппарата составил уже в 1932 году в Алуштинском районе – 42,5, Карасубазарском – 34,7, Ялтинском – 26,8, Ленинском – 34,6 [64, с. 71–72].

Итоги двух крымских пятилеток позволили решить триединую задачу: превратить регион из аграрного в индустриально – аграрный, когда промышленность в 1937 году выработала продукции в 9,5 раз больше, чем в 1913 году [65, с. 25]; советизировать аграрный сектор, лишить крестьян земельной собственности, объединив к 1937 году 99,1% всех крестьянских дворов [66, л. 1]; значительно выровнять в этнокультурном развитии все крымские этносы, прежде всего крымскотатарский [59, с. 109–118].

Эти и другие этноэкономические успехи нашли своё юридическое закрепление во второй Конституции Крымской АССР, утверждённой Чрезвычайным 9-м Всекрымским съездом советов 4 июня 1937 года. Статья 4-я Конституции гласила: «Экономическую основу Крымской АССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком [67, с. 1].

Особенностями третьего периода этноэкономического развития в Крыму стало: во-первых, юридическое закрепление статьёй 90-й новой его Конституции равноправия граждан независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, что утверждалось как непреложный закон [67, с. 9]; во-вторых, дальнейшее развитие этноэкономических регионов, прежде всего Керченского, Перекопского, Симферопольского, Севастопольского как промышленных, Джанкойского и Евпаторийского как аграрно-зерновых, Южнобережных и предгорных как районов специальных культур, Ялтинского как рекреационного [68, л. 55; 33, л. 5–6]; в-третьих, ужесточение этнонационального давления на кадры сталинской тоталитарной системы, что, по мнению автора, не даёт права говорить о свёртывании советской этнонациональной политики в целом, а о её переходе от насильственной к повседневно-естественной составляющей с сохранением приоритетов для обучения крымскотатарского народа и национальных меньшинств, что чётко просматривается в итогах переписи 1939 года, по которой представители татарского народа занимали должностей: председателей и заместителей председателей сельских советов – 37,0%; колхозов – 35,1%; судей и прокуроров – 24,3%; писателей, журналистов, редакторов – 20,2%; руководителей учреждений и организаций – 15,2% от общей численности всех должностей. /и это при том, что татары составляли 19,6% всего населения Крыма/ [69, с. 166–167]; в-четвёртых, рост формализма и начётничества в работе руководителей государственных, общественных и других организаций, предприятий и учреждений, другие.

В ходе выполнения третьего 5-летнего плана 45 крупных заводов и фабрик Крыма вырабатывали 90% промышленной продукции; 3/4 всех предприятий автономии работало на местном сырье [70, л. 132]. Только одна домна давала в 1940 году в 11 раз больше чугуна, чем весь бывший Керченский завод до революции. Выработка электроэнергии увеличилась в автономии по сравнению с 1913 годом в 72 раза, составив в 1940 году 309 млн. кВт-час [71, л. 8].

На 1 января 1941 года население автономии составляло 1 млн. 169 тысяч человек. На полуострове находилось 12 городов и 12 посёлков городского типа, где проживало 50% всех жителей. Село насчитывало 1194 колхоза со 163 тысячами членов артелей, обрабатывавших 1,6 млн. гектар земли с помощью 47 МТС. На полях работало 2706 тракторов, 1157 комбайнов, 1965 тракторных сеялок и 2791 тракторный плуг. В 26 совхозах работало 976 тракторов, 516 комбайнов, 1045 тракторных сеялок, 1203 тракторных плуга.

Общая площадь пашни в колхозах составляла около 1 млн. гектар, из которых под урожай 1940 года было засеяно 767 тысяч гектар, в том числе зерновыми – 456 тысяч гектар. Плодовые сады в колхозах составляли 12,3 тысяч гектар, виноградников – 8,9 тысяч гектар. поголовье скота на 1 января 1941 года в колхозах составило 105 тысяч, в том числе коров – 26,4 тысячи, свиней – 39,4 тысячи, овец и коз – 543 тысячи, лошадей – 81 тысяча, птицы – 354,5 тысяч [72, л. 2–8]. Одними из наиболее богатых были колхозы Южнобережного, горных и предгорных экономических районов, специализировавшихся на выращивании технических культур, прежде всего крымскотатарские.

В 1940 году в Крыму находилось 165 санаториев и домов отдыха Наркомата здравоохранения СССР и ВЦСПС, располагавшие 28258 койками и 30 ведомственных учреждений, где отдыхало ежегодно более 210 тысяч советских граждан [70, л. 79]. С таким потенциалом Крымская АССР подошла к Великой Отечественной войне, оккупации её территории в 1941–1944 годах.

К четвёртому этапу своего этноэкономического развития Крым пришел, потеряв за 900 дней оккупации, в целом, 20 млрд. рублей от общего ущерба народному хозяйству, в том числе по союзной и республиканской промышленности – 5,8 млрд. рублей, местной – 1 млрд., по сельскому хозяйству – 8,2 млрд., по

культуре и здравоохранению – 4,42 млрд., по жилищно-коммунальному хозяйству – 4,6 млрд. рублей [70, л. 16]. Промышленные предприятия оказались разрушенными на 80–90%, в городах уничтожены все электростанции, подстанции и линии электропередач. Почти полностью оказались разрушенными города Севастополь и Керчь [70, л. 12]. По переписи 1939 года в Керчи проживало 104443 человека, после освобождения в нём насчитали 10346 человек [71, л. 1].

За время оккупации в колхозах и совхозах Крыма уничтожено: крупного рогатого скота – 141221 голов, лошадей – 79769 голов, свиней – 86840, овец и коз 898624, птицы – 510056 голов [73, л. 2–7]. Полностью или частично уничтожено 9579 гектар садов и виноградников, 213451 гектар посевов разных сельскохозяйственных культур.

Всего по Крыму за время оккупации было расстреляно 71921 человек мирных жителей и 19319 советских военнослужащих; замучено 18322 человека гражданского населения и 25615 человек военнослужащих; угнано на работы в Германию 85477 человек [74, л. 40]. Не менее тяжёлый ущерб понесла крымская автономия, когда после её освобождения с её территории решением советского руководства в мае – июне 1944 года были выселены татары и все национальные меньшинства (армяне, болгары, греки и другие).

На место депортированных в Крым стали прибывать переселенцы из РСФСР и УССР. Им было передано 12142 дома и 10170 хозяйствам выделены под строительство приусадебные участки. Всего в 1944 году в регион прибыло 17040 семей. На 1 октября 1945 года закрепилось 15416 семей, из них 1312 семей специалистов. Главной причиной выезда стало хроническое их недофинансирование на обустройство, когда для этого было выделено 38952 рубля на одну семью, а выдано на руки лишь 8,5% полагающейся суммы [75, л. 6, 43]. Ситуацию обостряла и агитационная работа о том, что депортированные в ближайшее время вернуться и потребуют своё имущество назад [76, л. 10].

За весь 1944 год крымская промышленность выпустила продукции на 152595,7 тысячи рублей [76, л. 10]. На 6 ноября 1945 года в регионе функционировали все 26 довоенных районов, но все они стали русскими. Из 1189 довоенных колхозов работало 963. Население, насчитывающее в 1941 году 1112640 человек, составило лишь 589100 человек [76, л. 30]. С этими потерями Крым, будучи уже областью в составе РСФСР, вступал во вторую половину 40-х годов, свою четвёртую пятилетку.

Из вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы: во-первых, проводимая в Крыму этноэкономическая политика позволила к 1941 году значительно выровнять этносоциальное положение большинства его этносов; во-вторых, приоритетное развитие в этот период получил крымскотатарский народ, национальные меньшинства; в-третьих, оккупация 1941 – 1944 годов и её последствия привели не только и столько к материальным, сколько людским, этнонациональным потерям как следствию незаконных депортаций 1944 года; в-четвёртых, наиболее пострадало еврейское население, которое насчитывало на 1 января 1941 года 66,3 тысячи человек [77, л. 9], а к 1944 году его осталось менее 10%, большая часть его была истреблена оккупантами; в-пятых, этноэкономические успехи не решили идеологической проблемы; в-шестых, Крым утратил свою государственность как следствие просчётов в этноэкономической и этнокультурной политике руководства автономии.

Глава II. Этнокультурное развитие в Крыму в 1900–1945 годах

Этнокультурное развитие, его успехи и проблемы в решающей мере зависят от двух взаимосвязанных факторов: поставленных политических задач, во-первых; финансово-экономических возможностей, во-вторых. Именно эти факторы, наряду с такими, как обычаи, традиции, религия и ряд других, определили процесс поступательного развития этнонационального развития в Крыму в рассматриваемый период.

2.1. Организация этнонационального образования в Таврической губернии и Крыму в дореволюционный период (1900–1917 годы)

Проблема этнонационального образования широка и многогранна, поскольку она имеет особенности для каждого народа, каждой конфессии, проживавшей в регионе в начале XX века. Сегодня сделаны первые шаги в её изучении в работах В.Ю. Ганкевича, исследовавшего проблему национального образования крымских татар, вклада в её решение Исмаила Гаспринского, его последователей [1]. Особую ценность для исследователей представляют «Очерки истории крымскотатарского народного образования», имеющие широкий список источников архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива АРКрым (г. Симферополь), Крымского краеведческого музея (г. Симферополь), а также документов и литературы на крымскотатарском, украинском, русском, турецком, английском, немецком, польском, французском языках, статистических материалов. Впереди исследователей ждут открытия в сфере образования еврейского, немецкого, греческого, армянского и многих других этносов, для чего имеются достаточно широкие возможности.

Как верно заметила А.И. Беляева, вся школьная система в России была построена так, чтобы затруднить переход из начальных школ в средние [2, с.6]. Решению этой задачи была подчинена вся система организации образования, на каждом их этапов которого государство создавало определенные ограничения для обучения детей после завершения начального образования, в числе которых были административные, социальные, экономические, этнонациональные, этноконфессиональные, этнообразовательные. В своем комплексе они позволяли получить среднее и высшее образование лишь представителям дворянства, чиновничества, зажиточной части города и деревни, да и то с рядом ограничений для отдельных этносов, прежде всего евреев.

Н.А.Бердяев видел парадокс начала XX века в России в том, что культурная элита представляла собой небольшой круг интеллектуалов, которые были оторваны от общественной жизни и социальных течений. Россияне с разным социальным положением жили в разные века и на разных этапах общества. Этот – то парадокс и достигался вышеуказанным подходом государства к образованию своих народов исходя из классового принципа.

Одним из главных рычагов достижения цели формирования элиты из числа прежде всего дворянства, чиновничества, буржуазии, являлась нормативно–правовая база образования, включающая законы Российской империи, а также подзаконные акты в форме Правил 1870 года о татарских училищах, Положений о начальной школе от 25 мая 1874 года, Церковно–приходской школе 1884 года, другие. Они длительное время регламентировали, а вернее ограничивали образование, прежде всего народное, этнонациональное. Однако развитие капитализма и вызванного им революционного процесса привело к тому, что в 1907 году Министерство народного просвещения внесло в Государственную Думу проект закона о введении всеобщего начального образования в России. Проект принят не был в силу ряда причин, в том числе финансовых, т.к. это требовало открытия 148179 новых школ, строительство каждой стоило 3 тысяч рублей. Итого требовалось 444.537.000 рублей, чего в казначействе не было. Однако 3 мая 1908 года были выделены значительные средства на нужды образования в виде правил [3, с.34–35]. В 1907–1909 годах был принят ряд Положений, позволяющих расширить черту образования «инородцев», к которым относили в империи все этносы, кроме русских.

К началу века в Таврической губернии, куда входил Крымский учебный округ, сложилась следующая система начального народного образования:

1-я группа:

- городские училища от одно – до шестиклассных;
- одноклассные и двухклассные городские училища;
- центральные, начальные училища и школы грамоты бывшего колониального ведомства;
- училища при армяно-католической и армяно-григорианской церквях;
- городские, сельские и другие училища для татарского населения, другие.

Всего Министерству народного просвещения подчинилось 368 народных училищ, 4 ремесленных класса, 20 классов ручного труда, 18 дополнительных классов. В них работало 786 учителей и учительниц, причём около 90 % из них были мужчинами, из которых 208 человек – православные, 65 – римо–католики, 293 – протестанты, 220 – других вероисповеданий [4, с.11]. Они обучали 16114 девочек и мальчиков [4, с.16]. В ведомстве училищных Советов находилось 52 городских и 448 сельских учебных заведений, а при них 7 воскресных школ и 41 вечерний класс для взрослых [4, с.3]. В них работало 1682 учителя и учительницы, из них 1665 православных и 17 – других вероисповеданий [4, с.11], которые обучали 41019 учащихся, в т.ч. 30330 мальчиков и 10689 девочек [4, с.16].

2-я группа:

Училища ведомства православного духовенства насчитывали 224 церковно–приходских школы и 186 школ грамотности, а при них 2 воскресных школы и один вечерний класс [4, с.4]. Они имели 2468 учителей и учительниц, из них 75 % мужчин, обучавших 12812 мальчиков и 7105 девочек [4, с.16].

3-я группа:

– училища других православных ведомств имели 15 школ и классов, в которых обучалось 747 мальчиков и девочек [4, с.18].

4-я группа (частные):

– русские училища, подчиненные Министерству народного просвещения, включавшие 23 единицы с 82 учителями, которые обучали 364 мальчика и 743 девочки из состоятельных слоёв в основном православного сословия;

– 8 караимских училищ и классов с 17 учителями, обучавшими 14 мальчиков и 191 девочки из состоятельных сословий (дворянство, чиновничество, других);

– 4 одноклассных начальных училища с 18 учителями, обучавшими 309 мальчиков из городских сословий;

– 14 мужских и 16 женских училищ Талмуд-торы, где работало 49 учителей и законоучителей, обучавших 324 мальчика и 373 девочки из городского и прочих сословий [4, с.32–33];

– 8 мужских и женских субботних школ и 116 хедеров, в которых работало 181 учитель и законоучитель, обучавшие 1991 мальчика и девочки [4, с.34] городских и прочих сословий.

5-я группа:

– 10 караимских училищ, подведомственных караимскому гахаму с 15 учителями-мужчинами, обучавшими 171 мальчика и 22 девочки [4, с.34–35].

6-я группа (татарские училища, подведомственные Таврическому магометанскому духовному правлению) [4, с.34–35]:

– 48 медресе с 48 учителями и законоучителями–мужчинами, обучавшими 1984 мальчика всех сословий;

– 319 общественных мектебе с 319 учителями и законоучителями, обучавшими 4797 мальчиков и 3107 девочек из состоятельных слоёв всех сословий;

– 138 частных мектебе со 138 учителями, из них 110 мужчин и 28 женщин, обучавших 1452 мальчика и 1897 девочек всех сословий.

Всего, татарских училищ насчитывалось 505 с 505 учителями, обучавшими 8233 мальчика и 5004 девочки всех сословий. Характерной чертой этих училищ являлась их большая текучесть, когда поступило

1141 мальчика и 963 девочки, а убыло 2638 мальчика и 1163 девочки по самым различным причинам.

7-я группа (профессиональные училища):

- 6 частных низших ремесленных школ, размещенных в собственных помещениях, в которые поступило 135 человек, а окончило 30 или 22,2 % [4, с.38–43];
- 3 земских низших ремесленных училищ с собственными помещениями, в которые поступило 26 человек, а окончило 13 или 50 % [4, с.42–47].

8-я группа (ремесленные классы и отделения Крыма):

- 5 классов, содержащихся за счет казны, земств, городов и частных пожертвований с числом учащихся 124 человека, из которых выбывало до окончания курса 28 человек или 22,5 % [4, с.50–53];
- 4 ремесленных отделения, содержащихся из самых различных источников, в т.ч. 2 еврейских, Севастопольская школа для детей инвалидов, Евпаторийское караимское с числом учащихся 162 человека, из которых досрочно выбыло до окончания курса 22 человек или 13,5 % [4, с.52–57].

Система организации и контроля организации народного образования включала:

- Министерство внутренних дел империи;
- Министерство народного просвещения империи;
- Попечительство Одесского учебного округа;
- Дирекция народных училищ Таврической губернии;
- Таврический губернский училищный совет;
- уездные училищные советы;
- инспекторы народных училищ, подчиненные Дирекции народных училищ;
- земства различного уровня, начиная с Таврического губернского через созданные в них комиссии;
- Таврический епархиальный училищный совет, учрежденный в 1864 г.;
- уездные отделения Таврического епархиального училищного совета, учрежденные в 1864 году;
- Таврическое магометанское духовное правление;
- Таврическое караимское духовное правление, образованное в 1837 году.

К 1 января 1900 года в Таврической губернии, Севастопольском и Керченском градоначальствах насчитывалось 2026 общеобразовательных народных училищ с 96602 учащимися, в том числе в Симферопольском уезде – 305 училищ, Евпаторийском – 182, Ялтинском – 151, Феодосийском – 210, Перекопском – 150, Севастопольском градоначальстве – 42, Керченском – 75 [5, с.1]. Русский язык преподавался в 1393 учебных заведениях или в 68,7 % их общей численности. Он не преподавался в 633 училищах, в т.ч. 505 татарских, 116 еврейских хедерах, 10 караимских и 2-х немецких училищах для глухонемых [5, с.2].

Исследование показало, что для русского и греко-болгарского населения Таврической губернии общей численностью до 1 100 000 человек приходилось 1004 училища, а на 390 000 человек других национальностей – 1022. Таким образом, неславянские национальности были обеспечены училищами почти втрое больше, чем славянские. Татарское население Крыма общей численностью до 190 000 человек имело 30 министерских и 10 смешанных русско-татарских земских и городских училищ с 1000 учащихся, что было явно недостаточно [5, с.22].

В народных училищах Таврической губернии, Севастопольского и Керченского градоначальства обучалось 96609 человек, из них 67 % мальчиков и 33 % девочек. Число учащихся детей славянских национальностей составляло 65 % школьного возраста, неславянской – 94 % [5, с.69].

В училищах, подведомственных Таврической дирекции народных училищ, обучалось 64 % детей средним числом по 57 человек на одно училище; в училищах прочих ведомств – 36 %, средним числом по 36 человек на одно училище [5, с.70].

Для профессионального образования в Таврической губернии, Севастопольском и Керченском градоначальств существовало 9 профессиональных и ремесленных училищ с 534 учащимися обоего пола, 43 класса ручного труда с 713 учащимися мальчиками и 12 ремесленных отделений с 453 учащимися обоего пола Министерства народного просвещения [5, с.70]. Кроме того, функционировало 6 мореходных классов, 2 класса ручного труда и 6 ремесленных отделений при училищах других ведомств, одно низшее сельскохозяйственное и одно железнодорожное училище, другие [5, с.71].

Наиболее эффективно работали Керченское городское ремесленное училище, где в 1900 году обучалось 53 человека из числа православных и содержащееся за счет города, Феодосийского земства, спонсорских средств; Евпаторийское караимское ремесленное училище имени Соломона Когена с 32 учащимися; Зуйская ремесленная школа Симферопольского земства, аналогии которой имелись в Аутке Ялтинского уезда и Стром Крыму, другие.

К началу века в Таврической губернии и в Крыму сложилась определенная система образования для взрослых. Она включала 9 воскресных школ и 42 вечерних класса для русского населения; 3 татарских вечерних класса и две пятничных школы для татар; 8 субботних мужских и женских классов для евреев; один вечерний класс и 2 курса бухгалтерии для караимов. Всего для обучения взрослых работало 57 образовательных заведений [5, с.62]. Естественно, что система была крайне недостаточной, но она функционировала и обучение в ней оценивалось инспекторами народных училищ как весьма удовлетворительное. Она охватывала всего лишь 1042 мужчины и 948 женщин или 1990 человек, в том числе 1329 православных, 202 татар, 417 евреев, 42 – прочих вероисповеданий [5, с.63].

Другой из форм просвещения населения, прежде всего взрослого, стали народные чтения по духовным, литературным и естественнонаучным вопросам при учебных заведениях различного типа. Так, в Симферополе при Петропавловском церковноприходском училище было проведено в 1900 году 25 чтений с участием 5 тысяч слушателей; в Зуе – 20 чтений с участием 2300 слушателей. В Ялте и Ялтинском уезде было

прочитано 10 чтений при 4200 слушателях; в Керчи и 9 поселках Керченского градоначальства – 205 чтений при 29800 слушателях [5, с.63–64].

Кроме народных чтений, для взрослого населения велись религиозно–нравственные чтения. Так, в Ялте при местной церковноприходской школе было проведено 16 чтений с участием 2 тысяч слушателей. В Симферопольском уезде проведено 12 чтений с участием 1500 слушателей [5, с.65].

Третьей формой народного просвещения являлось функционирование бесплатных публичных библиотек и народных читален. Симферопольская публичная библиотека выдала в 1900 году 25202 книги преимущественно беллетристического, исторического и естественно–исторического содержания. Севастопольскую бесплатную народную читальню посетило 5400 человек обоего пола, получивших для чтения 17 тысяч книг. Балаклавская читальня имела 145 читателей, получивших за год 8470 книг для чтения на дому. Феодосийскую бесплатную народную читальню посетило в 1900 году 6300 человек, которые прочли 14 тысяч книг [5, с.66].

Формированием и пополнением библиотечного фонда занимались несколько организаций и учреждений: комитет общества распространения грамотности, земские управы, общества, частные спонсоры. В целом, услугами библиотек Таврической губернии воспользовалось в 1900 году почти 100 тысяч человек, которые получили для чтения свыше 400 тысяч книг [5, с.68].

Анализ источников содержания народных училищ показывает, что 10 % необходимых средств поступало от казны; 27 % – от земств; 25 % от сельских обществ; 12 % от городских обществ; 12 % от постоянных или временных пожертвований; 10 % – плата за обучение, 4 % – из других источников [5, с.83–84].

Качество обучения во многом зависело от наличия необходимого количества книг и учебных пособий. Анализ наличия книжного фонда в библиотеках в 1900 году дал следующие показатели:

Таблица 1.

В городских училищах (учит./ученич. томов)	В сельских училищах (учит./ученич. томов)	В центральных училищах (учит./ученич. томов)	В частных христианских училищах (учит./ученич. томов)	В однокл. еврейских училищах (учит./ученич. томов)	В прочих еврейских и караимских училищах (учит./ученич. томов)
22077 / 9145	7497 / 13941	5115 / 3837	847 / 1270	2002 / 1505	955 / 1263

Из анализа видно, что обеспеченность книгами как учительских, так и ученических библиотек была крайне недостаточной. Исследование показало, что для мусульманских училищ Министерства народного просвещения было приобретено учебников в 1900 году на одно училище на сумму 36 рублей [5, с.86].

Наиболее узким местом в системе начального образования к 1900 году являлась подготовка учительских кадров, о чём свидетельствует ниже представленная таблица:

Таблица 2.

Подчиненность училищ	В них учителей (чел.)	Уровень образования (в 5 от общей численности)				
		Высшее	Спец.– педагог–е	Среднее	Приобр.по результатам сдачи экз.	Не имеющие права преподав.
Мин.народного просвещения	786	1,9	36,6	10,8	17,5	33,2
Училищным советам	1682	1,8	31,5	27,4	11,0	28,2

В Крымском учебном округе в систему подготовки учительских кадров входили: Феодосийский учительский институт, открытый 21 января 1874 года; 11 мужских и женских государственных гимназий и прогимназий, дающих право преподавания в школе; реальные и городские училища, после сдачи экзаменов по специальным программам; Симферопольская татарская учительская семинария, открытая 12 декабря 1872 года; центральные немецкие училища; Александровское караимское духовное училище; Таврическая духовная семинария; мусульманские медресе; мусульманские мектебе после сдачи экзаменов; учительские курсы при Симферопольской татарской учительской семинарии, другие.

Успешность функционирования всей системы начального народного просвещения в решающей степени зависела от оплаты труда тех, кто обеспечивал ее деятельность. Система оплаты учительского труда была дифференцирована в зависимости от образования, стажа работы, преподаваемых предметов, других факторов. Как правило, ежегодная заработная плата учителей составляла от 300 до 450 рублей или от 25 до 37 рублей в месяц и выше. Бесплатно преподавали учителя татарских начальных училищ в пятничных школах и вечерних классах, мусульманские вероучителя.

Немецкие учителя, кроме денежного содержания, получали определенное количество земли, которая обрабатывалась за счет сельских обществ, а так же право пользоваться сельским выгоном, держать известное количество скота.

Учителя и учительницы школ Министерства народного просвещения, имевшие менее 400 рублей в год, получали доплату до этой суммы. Кроме того, доплаты осуществляли земства, городские думы, сельские общества. При стаже работы от 2-х лет и более учителям выплачивали в разных уездах от 40 рублей в год и более. Учителя получали, опять же дифференцированно и в различных уездах по-разному, стипендии и пособия на воспитание детей в средних и высших учебных заведениях, на лечение, командировки.

Для оказания материальной помощи учителям и учащимся было образовано Общество взаимного вспомоществования народных училищ Таврической губернии. Его члены имели право на получение материальной помощи, ссуды.

Независимо от денежного содержания и пособий, учителя и учительницы поощрялись за успешную педагогическую деятельность всей государственной системой от Императора до уездного училищного совета в форме награждения орденами и медалями Российской империи, присвоения звания Почетного Гражданина с соответствующими привилегиями до объявления благодарности.

Неоспоримо значение школы, дела просвещения в развитие духовной жизни крымскотатарского народа, вовлечение его в общекрымский, общероссийский культурный процесс в начале XX века. Школа, взаимодействуя с социально-экономическими факторами, в решающей мере влияла на идеологию и культуру татар Крыма, в значительной степени определяла общественную позицию как тончайшей прослойки их интеллигенции, так и народных масс.

Царское правительство принимало все меры к тому, чтобы приостановить развитие всех крымских этносов, в том числе и татар. В этих целях оно использовало прежде всего систему религиозного мусульманского образования, застывшего в своей средневековой косности. Шакирды изучали в мектебе и медресе на арабском алфавите то, о чем писали и говорили много веков тому. Процесс обучения не предусматривал изучение как светских дисциплин, так и русского языка, что исключало, во-первых, дальнейшее повышение образовательного уровня большинства крымскотатарской молодежи; во-вторых, держало ее в повиновении у духовенства и местной аристократии; в-третьих, исключало участие в общественно-политической жизни как региона, так и России в целом, что и нужно было царизму; в-четвертых, заставляло их выезжать в Турцию для получения среднего и высшего образования.

Однако развитие капитализма во второй половине XIX века привело к формированию национального самосознания татар и вызвало к жизни новое движение в сфере образования, получившее название джадидизм, в основу которого был положен звуковой метод обучения. Развернулась борьба между старым букво-слагательным, схоластическим методом и его антиподом – джадидизмом, которое возглавил Исмаил-бей Мустафа-оглу Гаспринский. Это противостояние стало частью общероссийской борьбы за демократические преобразования в сфере образования татарского народа как в Крыму, так и в других регионах Российской империи, прежде всего среди казанских татар.

В соответствии со статьей 1389 Свода Законов Российской империи, медресе и другие училища могут по распоряжению Таврического магометанского духовного правления быть учреждаемы в каждом селении, несмотря на то, какое в них число ревизских душ; для открытия училища нужно только согласие общества и назначение достаточных для его содержания средств [6]. В основе образования и воспитания татар лежала задача подготовки верного мусульманина, живущего по законам шариата. Всё, что получали шакирды (ученики) от своего учения, это – религия, религия и религия. Подобный подход обеспечивал формирование такого уровня сознания крымскотатарского народа, когда религиозное настроение проникало и направляло весь быт народа, когда вопросы веры преобладали над всеми другими. Учиться и изучать религию сливалось в одно понятие и обозначалось даже одним словом.

Каждый мулла, получивший от общества приговор на вступление в должность, вместе с тем как бы брал на себя и обязательно обучать мальчиков законам ислама. Он занимался с ними или у себя дома, или в отдельном помещении при мечети. Так возникали мектебы и медресе при мечетях – низшие и высшие профессиональные мусульманские школы, состоящие в ведении Таврического магометанского духовного правления, которое наблюдало как за учением, так и за нравственным поведением учителей и учеников [6, ст.1387].

До 80-х годов XIX века учебные заведения мусульман, живущих в России, назывались, как у арабов «медресе». Название «мектеб» появилось под влиянием турецких школ, когда стал применяться новый звуковой метод обучения. Название «мектеб» закрепилось к началу XX века, по преимуществу, за начальными школами, «медресе» же стало обозначать школу выше начальной. Подготовка учителей для конфессиональных школ осуществлялась при Бахчисарайском и Карасубазарском мектебах.

Анализ архивных материалов показывает, что основными предметами, преподаваемыми в новометодных мектебах Крыма являлись: вероучение, чтение, письмо, счет. Для мальчиков преподавалась арифметика в объеме четырех основных действий. Учебный день продолжался 7 часов с перерывом в один час. Учебный год продолжался от 8 до 11 месяцев (кроме июля), а курс обучения – четыре года [7, л.139–139]. Мектебы имели, как правило, собственные помещения, построенные или на средства вакуфов, или на благотворительные средства. Учителя обучали только старших шакирдов, а последние – младших. Этот принцип сохранился и до сих пор. Обучение осуществлялось по учебникам, издаваемым за пределами Российской империи на арабском языке [7, л. 140].

В 1783 году, при присоединении Крыма к России, здесь насчитывалось 25 медресе и 35 мектебе. К концу XIX века число медресе возросло до 80, а частных и вакуфных мектебов до 450 [8, л. 115]. В полный курс обучения в медресе, как высшей мусульманской школы, входили: турецкая и арабская грамматика; каллиграфия; наука о нравственности; логика; наука о стихосложении; мусульманское право; богословие; изучение сунны и Корана; история ислама [8, л.219].

Прием в медресе Крыма начинался в ноябре текущего года. Курс обучения длился от 10 до 20 лет. Студенты (сохты) делились на старших, средних и младших, которые в свою очередь делились на меньшие группы. Мудерис (преподаватель) читал лекции только старшим сохтам, а последние проводили занятия с младшими. Медресе имели общежития, в которых сохты жили группами по 15–20 человек в комнате без мебели [8, л.221].

В отчете инспектора народных училищ Феодосийско-Керченского учебного района за 1911 год указывалось, что им осмотрено 38 татарских мектебов, из них 15 новометодных и 23 старометодных. По результатам осмотра установлено, что помещения 24 мектебов совершенно не пригодны и вредны для обитавших

там детей: тесны, сыры, низки, холодны, без потолков, на земляных полах, грязны, не выбелены ни внутри, ни снаружи. Класная мебель совершенно отсутствовала. Класные доски в 3-х – 4-х мектебах. Все мектебы имеют по одному учителю, который получает вознаграждение или от общества или от родителей в виде ежемесячной платы от 50 копеек до 1 рубля 50 копеек с каждого учащегося [9, лл. 88–89]. Там, где обучение ведут имамы, жалованья им не платят. Минимальное вознаграждение учителей в мектебах 60 рублей, максимальное – 450 рублей в год. В большинстве же мектебов оплата учителей составляла в год от 180 до 200 рублей [9, л. 89].

Инспектором было установлено, что из 38 мектебов 5 исключительно для мальчиков, 2 – для девочек, 31 – смешанное. Всего же учащихся было 1334 человек, в т.ч. 754 мальчика и 580 девочек. В среднем, в одном мектебе обучалось 20 мальчиков и 15 девочек. Основными предметами, изучаемыми в мектебе, были: вероучение, обучение письму и счету (в старометодных – только для мальчиков, новометодных – для всех). Арифметика преподавалась исключительно для мальчиков и заключалась в механическом запоминании четырех действий над целыми отвлеченными числами, а в некоторых – решение задач по русским учебникам, переведенным на татарский язык [9, л. 89].

Основными учебниками были: в старометодных мектебе: букварь, Краэт, Ильми-Халь, Течвид, Коран; в новометодных: букварь, Ходжа-и-Субьян, Ильи-Халь (ч.1–я и 2–я), Течвид, начальная арифметика, начатки грамматики, Коран, изданные в Бахчисарае И.Гаспринским.

Свою специфику имели мектебы для девочек, особенно старометодные, где обучение осуществляли, как правило, жены мусульманских духовных лиц, ставшие «учительницами» часто только в силу того, что они являлись «абыстай» (женой муллы). В представлении татар сама по себе она уже являлась «ученой», ибо к ней переходила мудрость мужа. Целью обучения девочек у абыстай было исключительно религиозно–нравственное воспитание будущих матерей мусульманских семейств, послушных носительниц вековых традиций и нравов ислама. В этих мектебах девочки обучались только молитвам и чтению определенных религиозных книг на арабском языке. Понимания заученного не требовалось и даже сама «учительница» редко понимала то, чему она учила. Объяснялось это тем, что рядовые мусульмане не могут постичь своим умом божественных предписаний, а стремление разобраться в их содержании считалось грехом.

Являясь пережитками «старинной глубокой», конфессиональные мусульманские школы, особенно старометодные, фактически уже изжили себя, но царское правительство сохраняло их как один из инструментов подавления национального самосознания крымскотатарского народа. В начале века Таврическому магометанскому правлению были подведомственны 21 медресе с 456 учащимися, 65 общественных с 2009 и 20 частных мектебов с 346 учащимися. Всего 106 учебных заведений с 2811 учащимися [10, л. 34].

Анализ литературы по обучению татарских детей в других регионах дореволюционной России показывает, что проблемы были везде практически одинаковы. Об этом писали А.Х.Махмутова, Г.Н.Кильдебяков, Я.Д.Коблов, др. [11].

Развитие этнонационального сознания крымских татар в конце XIX – начале XX веков привело к возникновению в 70-х годах XIX века русско-татарских министерских школ, которые стали организовываться согласно правилам «О мерах с образованием населяющих Россию иногородцев» от 26 марта 1870 года. Конечной целью деятельности этих школ являлось, по мнению Министра народного просвещения графа Д.А.Толстого «...обрусение их и слияние с русским народом» [12, с. 285].

Для проведения школьной политики нерусские народы разделялись на две основные группы: инородцев–христиан и татар–магометан. Соответственно этому намечались и пути их обучения: обрусение татар–магометан и предполагалось введением русского языка и образования [7,с.289]. Распространение русского языка и образования осуществлялось за счет государства на пути открытия светских русско–татарских школ, где преподавателями были, в основном, крымские татары. Обучение в этих школах начиналось на татарском, а затем переходило на русский язык.

Открытию русско–татарских школ прежде всего противодействовали муллы, боявшиеся, не без основания, потерять свое влияние на татарское общество, в котором они безраздельно господствовали до конца XIX века. Они понимали, что вместе с русской грамотой к татарам придет и осознание своего положения. Администрация Таврической губернии искало и находило пути достижения консенсуса с крымским духовенством в вопросе образования, хотя это и было достаточно не просто.

Реализация поставленной задачи началась с открытия в Симферополе 12 декабря 1872 года татарской учительской школы. В 1894 году в ней обучалось 37 воспитанников, из которых 30 человек обучалось за казенный счет, 2 – за счет земств и 5 за собственные средства. Число учащихся возросло с 36 человек в 1893 году до 73 человек, т.е. в два раза, в 1899 году [13, л. 5]. Оценивая характер этого процесса, директор народных училищ Таврической губернии в своем докладе Попечителю Одесского учебного округа 5 апреля 1900 года писал: «Совместное обучение татар и русских крайне желательно как в интересах самих мусульман, так и в интересах правительства» [13, л. 4].

На содержание училища (второе такое было открыто в Казани) государство выделяло 29137 рублей 70 копеек. Обучение одного ученика обходилось в год в 292 рубля 96 копеек. Учительский состав насчитывал 16 человек [14, л. 10–12]. По социальному составу: дети дворян и чиновников составляли 40,58 %; крестьян – 33,33 %; мещан, купцов 2–й гильдии и ремесленников 21,74 % всех учащихся [14, л. 14]. Однако из указанного выше количества поступивших в школу в 1901 году курс окончило только 3 человека. Остальные отсеялись в процессе ежегодных переводных экзаменов или выбыли по другим причинам [14, л. 14].

В этих условиях Попечительство Одесского учебного округа вынуждено было открыть при Симферопольской учительской школе педагогические курсы, на которых в течение 21-го дня осуществлялась подготовка татарских учителей для начальных сельских училищ. На курсы принимались лица, имеющие началь-

ное образование. Им читались такие предметы, как методика преподавания математики, обучения чтению и письму, рисованию и чистописанию [14, лл. 18–19]. В год курсы делали один выпуск на 10–15 учителей [14, л. 19].

Для обеспечения школ учебниками, Министерство народного просвещения Российской империи 16 июня 1911 года утвердило Положение о комиссии по рассмотрению книг и учебников на татарском языке при Дирекции народных училищ Таврической губернии. Комиссию возглавлял инспектор Симферопольской татарской учительской школы, а с ним четыре человека, в т.ч. представитель Таврического магометанского духовного правления [15, л. 3–3].

План уроков для русско-татарских школ с 5-летним сроком обучения предусматривал: в 1-й год обучения – 12 часов татарского языка и 6 часов арифметики на татарском языке в неделю; во 2-й год обучения – 6 часов вероучения, 9 часов русского языка, 9 часов татарского языка, 6 часов арифметики на татарском языке в неделю; в 3-й год обучения – 6 часов вероучения, 12 часов русского языка, 6 часов татарского языка, 6 часов арифметики на русском языке; в 4-й год – 4 часа вероучения, 13 часов русского языка, 7 часов татарского языка, 6 часов арифметики на русском языке; в 5-й год – 3 часа вероучения, 13 часов русского языка, 7 часов татарского языка и 7 часов арифметики на русском языке в неделю [16, л. 21].

В 1904 году в Симферопольском учебном районе насчитывалось 32 татарских народных училища и два отделения при русских начальных народных училищах с общим числом обучаемых около 1000 детей [17, л. 2]. В Ялтинско-Севастопольско-Евпаторийском учебном районе насчитывалось 13 татарских министерских училищ, из них 9 в Ялтинском и 4 в Евпаторийском уезде с общим числом обучаемых 317 мальчиков и 15 девочек [17, л. 7]. В Феодосийско-Керченском учебном районе обучалось 138 татарских детей в училищах Министерства народного просвещения, а в медресе и мектебе 2767 мальчиков или светское начальное образование получало лишь 4,8 % обучающихся детей [17, л. 10]. Кроме бюджетного, для обучения татарских детей функционировали начальные русско-татарские училища смешанной формы финансирования – государственные и спонсорские.

Четвертой формой обучения татарского населения являлись вечерние уроки для взрослых при земских татарских училищах по программе начальных одноклассных училищ на основании Правил от 20 марта 1903 года вечерние курсы в 1903 году посещали в Симферопольском уезде 250 татар; в Керченско-Феодосийском – 150, в Ялтинско-Евпаторийском – 615 человек, всего 1015 человек [18, л. 6].

Сложно и противоречиво шла организация учебного процесса среди еврейского населения. Как ни старалась государственная машина ограничить получение ими образования, прежде всего среднего и высшего, ничего не получалось. В 1819 году в Симферополе было открыто первое еврейское начальное мужское училище с одногодичным ремесленным отделением, просуществовавшее до 1917 года [19]. В начале XX века систему начальных еврейских училищ составляли: еврейские училища Министерства народного просвещения, частные училища, хедеры, конфессиональные школы, другие.

Особенностью обучения в хедерах, как предучилищах, действующих на основании Положения от 1 марта 1893 года, являлось неофициальное запрещение изучения русского языка [20, л. 48]. В еврейских как министерствах, так и частных начальных училищах, изучались русский и еврейский язык, закон веры, арифметика, чистописание, рисование, а в женских – рукоделие, пение и детские игры [20, л. 111–111.]. В ряд училищ, например в Евпаторийском частном еврейском училище, изучались так же география, отечественная история [21, л. 68–69].

В субботних школах для взрослых неграмотных евреев изучали закон еврейской школы, русскую грамоту, основы арифметики в объеме курса народных училищ. Занятия в них проводились 3 раза в неделю по 3 часа. Учебный год продолжался с 1 августа по 1 июня [22, л. 91].

В соответствии со статьей 1337 Свода Законов Российской империи, при управлениях еврейских учительских институтов и иных училищ еврейских при Министерстве народного просвещения и Попечителях учебных округов вводилась должность одного Ученого Еврея. Статьи 1299–1341 Свода Законов регламентировали управление духовными делами евреев, в том числе и в области конфессионального образования.

Анализ Устава крымско-еврейской Талмуд-Торы города Симферополя при Крымско-еврейском молитвенном доме показывает, что целью функционирования этой группы этнонациональных училищ являлось безвозмездное предоставление детям мужского пола бедного класса евреев-крымчаков элементарных религиозных и общеобразовательных сведений. В школе преподавали: русский и еврейский язык, законы веры, пение, чистописание, черчение, рисование, гимнастику. В день проводилось пять уроков продолжительностью 1 час с пятиминутным перерывом. Община выделяла в год на содержание училища 1000 рублей [22, лл. 256–260].

Исследование системы народного образования среди еврейского населения Крыма показывает, что в Феодосийском уезде и Керченском градоначальстве на 1 января 1904 года имелось Талмуд-Торы – 2; частных: мужских – 2, женских – 2; субботних женских школ – 2; вечерних школ для взрослых евреев – 2; хедеров – 9. Аналогичное положение было и в других уездах [23, л. 23.].

На 50 тысяч еврейского населения полуострова к 1903 году приходилось 122 хедера, т.е. 1 школа на 1162 еврея [18, л. 70]. Подобный подход всячески тормозил получение евреями среднего и высшего образования, отстранял их от общественно-политической жизни, но, как показали события революции 1917 года и последующего периода, эффект был обратный.

Государство всячески тормозило и развитие немецкого этноса как в Крыму, так и в других регионах империи. Внешне все выглядело достаточно пристойно: в 1905/1906 учебном году в Перекопском уезде насчитывалось 84 начальных немецких училища, Евпаторийском – 42, Феодосийском – 26, Симферопольском – 15 [24, с. 33–39]. В них преподавали: Закон Божий, русский и немецкий язык, отечественную историю,

географию, арифметику, геометрию, гимнастику [25, л. 36–36_о].

Для подготовки учительского персонала использовали центральные училища. Анализ Правил для учащихся Нейзацкого центрального училища показывает, что в него принимали детей не моложе 14 лет, окончивших начальную школу после успешной сдачи вступительных экзаменов по Закону Божьему, русскому, немецкому языку и арифметике. Срок обучения в нем составлял 4 года с оплатой 48 рублей в год. Учащиеся жили в пансионате при училище. Кроме того, оно имело младшее отделение, где учащиеся получали начальное образование [25, л. 37–37_о].

Скандал разразился после того, как Директору народных училищ Таврической губернии пришло письмо от Командующего войсками Московского военного округа, где писалось: «Немецкие колонисты, назначенные в части войск вверенного мне округа, отличаются полным незнанием русского языка и очень тихо усваивают его на службе» [26, л.2]. Началось расследование, которое выявило следующие основные причины проблемы: высокомерное отношение немецких колонистов ко всему русскому, особенно к учителям, которые не могли выдерживать немецкого гостеприимства более 1–2-х лет; низкое качество подготовки немецких учителей по русскому языку в центральных училищах; отсутствие библиотек с русскими книгами; прекращение практики в русском языке детей, окончивших в 12–14 лет начальные школы, поскольку в колониях говорили только на немецком языке, другие [26, л. 21–24].

К началу 1914 года караимское духовное управление имело 10 синагог и при каждой из них конфессиональное училище, где обучалось 110 мальчиков и 167 девочек [27, л. 82]. Несмотря на значительные ограничения, все этносы Крыма имели возможность дать своим детям как минимум начальное образование или светское или конфессиональное в различных фирмах.

Такая возможность была предоставлена государством даже для цыган, которых проживало в Крыму, как правило в татарских слободах, общей численностью около 2000 человек. В классах школ для их детей преподавание на начальном этапе осуществлялось на татарском языке, поскольку именно он использовался цыганами в повседневном общении. В классах для цыган со сроком обучения 4 года преподавалось: магометанское вероучение, русский и татарский язык, арифметика [7, л. 122].

Система образования русского этноса Крыма так же регулировалась Законами Российской империи, изложенными в разделе «Об учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения». Статья 396-я давала общую характеристику системе учебных заведений министерств, а статьи 1467–1470 определяли цели и задачи обучения в гимназиях и прогимназиях. Последующие статьи, в т.ч. 1688–1993, характеризовали систему реальных училищ, 3469–3478 – начальных народных училищ; ст. 3776 – домашнего образования [6].

Главными организаторами светского образования православного населения Крыма являлись Попечительство Одесского учебного округа, Таврическое губернское земство, Дирекция народных училищ Таврической губернии, а конфессионального – ведомство Святого Синода.

Принципы, задачи, формы и методы организации светского образования православного населения всесторонне рассмотрены в работе Н.Дмитриева «Национальная школа», где автор исследует опыт и проблемы изучения таких базовых дисциплин начальной школы, как Закон Божий, русский язык и литература, отечественная история, отечественная география, физическое воспитание [28]. Главной идеей его исследования является вывод о необходимости строительства русской школы в народном духе, т.е. ее национальном характере [28, с.6]. Он подтверждает его анализом образования в западноевропейских школах.

Как было сказано выше, в 1907 г. Государственная Дума отклонила проект Министерства народного просвещения о введении всеобщего начального образования, однако финансирование этого процесса было начато, о чем свидетельствуют ассигнования из казны на нужды начального образования, представленные в нижеуказанной таблице [29, с. 49].

Таблица 3.

Годы	На введение всеобщего начального обучения (руб.)	На пополнение школьно-строительного фонда (руб.)
1908	6 900000	1.000.000
1909	6.000.000	4.000.000
1910	10.000.000	10.000.000
1911	7.000.000	10.000.000
1912	9.000.000	14.000.000
1913	10.000.000	–
Итого:	48.900.000	39.000.000

Состоявшийся в 1914 году в Петербурге 1-й Всероссийский съезд по народному образованию утвердил принципы децентрализации в организации и управлении школы; принял резолюции об обязательном начальном образовании; о единой школе (ступенчатости школьного образования); о воспитательной роли школы; об открытии народных детских садов, др. [30, сс.1–2, 10–13, 17–18].

На 1 января 1912 года в пяти уездах Крыма функционировало 669 начальных школ различного типа, где работало 1365 учителей, обучавших 38 343 ученика [31, сс.14–21].

Их общего числа обучавшихся преждевременно школы покинуло около 10 %, в т.ч. 38,0 % по экономическим причинам, 20,1 % по «нерадению» родителей, 10,4 % вследствие переезда, 3,2 % вследствие перехода в другие учебные заведения, 2,2 % по болезни и смерти, 26,1 % по другим причинам [31, с.39].

К 1917 году в Крыму функционировало 55 средних учебных заведений, ежегодно выпускающих около 1500 юношей и девушек, которые вынуждены были выезжать в другие регионы России для получения высшего образования [32, с.2]. Еще в 1812 году в Симферополе была открыта казенная мужская гимназия с

татарским отделением. В 1863 году по решению Попечительского Совета Одесского учебного округа в гимназию было преобразовано Керченское училище. Из прогимназии в 1883 году была преобразована Феодосийская гимназия. В 1894 году этот путь прошла и Ялтинская гимназия, в 1876 – Евпаторийская и Карасубазарская. Все они просуществовали до 1920 года.

По Уставу учебных заведений от 30 июля 1871 года была открыта Симферопольская казенная женская гимназия. За ней в ранг гимназий были произведены Керченская, Евпаторийская, Карасубазарская и Ялтинская женские прогимназии, так же функционировавшие до 1920 года.

Кроме казенных, в Крыму работал ряд мужских и женских частных гимназий, в т.ч. М.А. Волошенко, преобразованная из восьмиклассного мужского училища I разряда в 1904 году, Симферопольская женская гимназия Е.И. Оливер, учрежденная в 1898 году как женское училище II разряда и ставшая в 1904 году в один ряд со средними учебными заведениями, др.

К 1917 году в Крыму проживало 808903 человек и если исходить из общепринятой 9 % численности детей школьного возраста, то образование должны были получать 72.891 человек. Как видно из приведенной выше численности обучаемых в начальных школах, она составляла около 50 %; с учетом средних школ (гимназий, прогимназий, реальных и других учебных заведений) уровень образования детей, начинавших учиться составлял немногим более половины детей региона. Если учесть, что процент окончивших начальную школу колебался от 6 до 9 %, то грамотность крымских этносов колебалась от 20 до 55 %. С такими показателями регион вошел в революцию 1917 года.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- рассмотренный выше этнокультурный процесс в дореволюционный период в Крыму, как и во всей России, был сложен, противоречив, содержал в себе как отрицательные, так и положительные моменты;
- государство строило систему образования таким образом, чтобы обеспечить безусловное культурное развитие господствующим социальным классам и группам, прежде всего дворянству и чиновничеству всех национальностей, их приоритетное участие в общественно–политической жизни;
- бурное развитие капитализма в России и Крыму потребовало перехода к всеобщему начальному образованию и Таврическое земство поставило решение этой проблеме в практическую плоскость, но решить не успела в силу грянувшей первой мировой войны, затем революции 1917 года и Гражданской войны;
- на государственном уровне было обеспечено предоставление возможности для развития начального образования всем этносам, для чего было необходимо только решение сельского схода, выделение необходимого финансирования от общества;
- процесс этнонационального светского образования тормозило духовенство, прежде всего мусульманских, еврейских и других конфессий, боявшихся утраты своего влияния на массы;
- светская интеллигенция всех крымских этносов, в том числе и татарских, в тот период сформировала основные направления, принципы, формы и методы образования детей и взрослых, подготовки кадров, сделала первые шаги по их реализации, но реализовать их смогла лишь после 1927 года;
- был обоснован и вынесен на рассмотрение Государственного Совета империи вопрос об открытии в Крыму высшего учебного заведения, но революция приостановила время решение этой проблемы, которая была актуальна для всех этносов региона.

2.2. Этнонациональное образование в Крыму в 1917 – 1945 годах, его особенности

Сложно развивается этнонациональное образование в Крыму в послереволюционный период, особенно в годы Гражданской войны (1918–1920 годы), когда в регионе власть менялась как в кино. В целом, на этом небольшом историческом отрезке, система образования оставалась без изменения. Однако именно тогда были продолжены разработки по реформированию. Школа впала в глубокий кризис, длившийся до 1927 года в силу политических и экономических причин.

Начало этим процессам положило Временное правительство в Петрограде, принявшее 20 мая 1917 года решение об учреждении государственного комитета по народному просвещению. Его целью была определена выработка государственного плана, руководящих принципов, законопроектов и общих мер в области народного образования. В его состав вошли 8 представителей от Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов (от Петросовета), 15 представителей Всероссийского совета крестьянских депутатов, 8 представителей от Совета Всероссийских кооперативных съездов, 15 представителей от Всероссийского учредительного союза, 10 представителей от национальных организаций. Комитет возглавил Министр народного просвещения А.Мануйлов. Было разработано и утверждено Положение о Временном Государственном комитете по народному образованию [33, л. 1–1_о].

Ранее, 8 мая 1917 года, постановлением Временного правительства упраздняются управления городских, уездных и губернских училищных советов. Заведывание начальным образованием возлагается на губернские и уездные земства по принадлежности, а в городах – на городские думы [34, л. 1]. Этой же политики в будущем придерживалась и советская власть.

Государственный комитет разработал Временное положение о единой общественной общеобразовательной школе. Концепция предполагала учреждение начальных училищ губернскими, уездными и волостными земствами с курсом обучения 4 года. При них предполагалось открытие детских садов, общественных библиотек, музеев. Управление училищами возлагалось на школьные и педагогические советы, родитель-

ские организации [34, л. 4–4_о]. В качестве обязательных предметов намечалось преподавать: родной язык, начальную математику, естествоведение, географию, элементарное обществоведение, историю, а сверх учебного материала – элементы физики и эстетическое воспитание. Язык преподавания определялся постановлениями местных земств и поселковыми собраниями, городскими думами и соответствующими органами сельского самоуправления [34, л. 5]. Продолжительность учебного года утверждалась 200 дней в городских и 180 дней в сельских начальных училищах [34, л.6].

Положение утверждало средние училища как общеобразовательные учебные заведения, курс которых представляет 2-ю ступень в системе единой общеобразовательной школы. Право их учреждения предоставлялось губернским, уездным и волостным земствам, городским, поселковым и сельским самоуправлениям. Курс обучения в них предусматривался сроком 4 года с подразделением по учебным годам и полугодиям. Источниками содержания училищ предполагались средства земств, органов самоуправления, сборы с учащихся в качестве платы за обучение, пособия из средств государственного казначейства, другие [34, л. 9–9_о].

В средних училищах предлагалось преподавать следующие предметы: родной язык и литературу, историю, элементарное обществоведение, географию, естествознание, физику, математику, один иностранный язык. Кроме того, предполагалось изучение элементарного физического и эстетического воспитания (пение, рисование, лепка и т.п.). Там, где обучаемые принадлежали к различным национальностям, **каждой** национальной группе должна быть обеспечена возможность изучать и свой родной язык [34, л. 10–10_о].

Третьей ступенью общеобразовательных учебных заведений предполагались высшие училища, создаваемые как и первые две совместно со школами низших ступеней под общим управлением. Кроме изучаемых в училищах 2-й ступени, в них предполагалось преподавание химии и астрономии. В случае преподавания на местном языке, должна быть обеспечена возможность изучать и русский язык [34, л.19–19_о].

Двоякую позицию положение занимало в вопросе преподавания веры в учебных заведениях, предоставив право принимать решение по этому вопросу органам местного самоуправления [34, л.20].

Разработанная комитетом концепция по народному образованию «О единой общественной общеобразовательной школе» предполагала:

- передачу возможно широких прав организации народного образования в ведение органов местного самоуправления;

- гибкость школьной организации, обеспечение ее приспособления к местным условиям;

- гибкость учебных планов, выделение из учебного материала обязательного минимума, удовлетворяющего требованиям образования;

- единство школьной системы, обеспечение личных прав учащихся всех национальностей, входящих в состав населения России [34, л. 28–29].

Кроме того, она предусматривала децентрализацию школьного управления, гибкость школьной организации и учебных планов, основные элементы учебного минимума, автономию единой школы, решение в ней национального вопроса на путях предоставления широкого простора для проявления самобытных начал, присущих каждой нации, прежде всего в вопросе изучения родного языка как первейшего выразителя национального начала [34, лл. 30–59].

Это было действительно революционная концепция, рассчитанная на длительную перспективу и решавшая национальную проблему, существовавшую в старой русской школе. В то же время, она не решала вопроса о преподавании в учебных заведениях Закона Божьего.

Решением Министерства народного просвещения Временного правительства из учебных планов мужских прогимназий, гимназий и реальных училищ исключалось преподавание немецкого, латинского, церковно-славянского, французского языка из 1-х – 3-х классов. В них оставалось лишь обязательное изучение одного из новых иностранных языков. Изучение латинского языка разрешалось факультативно для учащихся 4-го – 8-го классов [34, л.72–72_о].

Однако реализовать выработанную концепцию Временное правительство не успело, так как было свергнуто. Пришедшее ему на смену советское правительство во главе с В.И.Ульяновым (Лениным), взяв за основу наработанное, сделало ряд новых революционных шагов вперед: декретом СНК РСФСР от 21 января 1918 года отделяет церковь от государства, а школу от церкви, предоставляет право каждому гражданину исповедовать любую веру или не исповедовать никакой [35, с. 17–18]; постановлениями народного комиссариата просвещения передало все учебные заведения, числящиеся за различными ведомствами, в ведение наркомпроса со всеми помещениями, имуществом и капиталом; ввело обязательное совместное обучение мальчиков и девочек [35, сс.19–20].

Постановлением НКПроса от 31 октября 1918 года «О школах национальных меньшинств», все национальности, населяющие РСФСР, получили право организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой и в высшей школе. Школы национальных меньшинств разрешалось открывать там, где имеется не менее 25 учащихся с обязательным изучением языка большинства населения данной области. Школы национальных меньшинств объявлялись бесплатными [35, с.12–128].

Ранее, постановлением народного комиссариата просвещения Советской России от 13 декабря 1917 года дело воспитания и образования было передано из духовного ведомства в ведение комиссариата со всеми штатами, ассигнованиями, движимым и недвижимым имуществом [35, с.16–17].

Положением СНК РСФСР от 18 июня 1918 года общее руководство делом народного образования передавалось Государственной комиссии по просвещению под председательством народного комиссара просвещения. Руководство делом народного образования, за исключением высшего, передавалось отделам народного образования при исполнительских комитетах областных, губернских, уездных и волостных советах

[36, с. 14–16].

Перестройка советской властью старой школы на новой основе осуществлялась на основе разработанного в начале 1918 года «Общего плана организации дела народного образования». Оно, как и в решениях Временного правительства, передавало всю систему образования (кроме высшего) в руки советов от области (губернии) до волости в форме их отделов народного образования. Советы народного образования (СНО) избирались из состава Исполнительских комитетов. Их юрисдикция распространялась так же на Народные университеты и курсы, выставки, театры, кинематографы, гулянья, библиотеки и т.п.

Таким образом, в первый послереволюционный период была создана новая нормативно-правовая база советской системы народного образования, ее концептуальная основа.

Следует отметить, что именно выдвигавшиеся сразу после Октября 1917 года лозунги сами по себе были красивы, благородны и привлекательны как для народа, так и для интеллигенции. Ленинский лозунг «учиться» действительно отражал насущную потребность реформируемого общества и непосредственное желание трудящихся. Однако, как показала практика, они не были просчитаны, непосильны для выполнения в намеченные «предельно сжатые сроки», не имели необходимого культурно-исторического задела, финансово-экономической базы. Культурные мифологемы очень скоро пришли в острейшее противоречие с действительностью, ввергли систему народного образования еще в больший кризис, чем в царской России, продолжавшийся до 1927 года как в Крыму, так и во всем Союзе ССР. Но до этого в регионе действовала смешанная система образования различных властей.

В ходе германской оккупации, 14 октября 1918 года в торжественной обстановке в Симферополе было объявлено об открытии одиннадцатого по счету в России Таврического университета. История возникновения университета раскрыта в очерке А.И. Маркевича [37]. В речи первого ректора университета Р.И. Гельвига на торжественном открытии вуза было сказано: «Таврический Университет открыт. Он открыт, но еще не сформирован. Наступают долгие годы его формирования и развития» [38, с.3]. В докладе об истории образования вуза А.И. Маркевич указал: «Нет...науки буржуазной или пролетарской, – наука одна» [38, с.5]. Судьба университета оказалась столь же сложной и противоречивой, как и вся система советского и крымского народного образования. Она раскрыта в подготовленной под общей редакцией члена-корреспондента НАН Украины Н.В. Багрова «Истории Таврического университета» [39].

Были сделаны первые шаги в создании светского образования крымский татар. Возглавил эту работу Мусульманский исполнительный комитет, который начал выработку единой программы светского образования, о необходимости которого указывалось еще в 1908 году в докладе учителя Ф.Н. Андреевского на совещании при Таврической губернской земской управе. Он говорил: «Школа должна быть серьезно реформирована, построена на новых началах в полном соответствии с действительными требованиями жизни вообще и местной жизни народа в частности, способствуя при том подъему в нем культуры – не русской, не турецкой, не китайской или японской, а общечеловеческой культуры, без наслоений [40, с.3]. Докладчик подчеркнул необходимость реформирования татарского алфавита в области светского образования, что начало решаться на практике лишь в середине 20-х годов [40, с.50].

Мусульманский исполнительный комитет организовал сбор вещей и денег в пользу просвещения; открыл ряд начальных образовательных школ там, где их не было; организовал педагогические курсы для учителей и курсы для мальчиков и девочек по подготовке для поступления в русские средние учебные заведения; разработал проект реформы медресе по типу семинарии; открыл женскую гимназию для татарок. Отдел народного образования Курултая продолжал образовательную политику Мусисполкома, реформировав Зииджирли-Медресе во что-то среднее между техникумом и вузом (Менгли – Гиреевский институт); представил правительству С.Крыма доклад о необходимости открытия при русских средних учебных заведениях параллельных классов для татарских подростков, но он так и не был реализован.

Во время советской власти в 1919 году для татар были открыты многочисленные школы грамоты, увеличено число детских садов, на что были выделены соответствующие бюджетные средства. Вернувшаяся власть «белых» все это отменила [11, лл.3–6].

В период Гражданской войны помещения 80 % средних учебных заведений и 50 % начальных школ были заняты под казармы, лазареты, эвакуационные пункты и прочие воинские учреждения. С приходом Красной Армии большинство реквизируемых помещений народного образования возвращено не было.

В мае 1919 года Временное советское рабочее-крестьянское правительство Крыма определило следующую систему народного образования: а) школы I-й ступени (приходские и начальные) под руководством школьных советов из представителей школы, отдела народного образования, трудового населения; б) школы II-й ступени (высшие, начальные, средние учебные заведения) под руководством школьных советов. Должности директоров, инспекторов, начальниц и заведующих уничтожались. Взамен их вводился институт председателя школьного совета, товарища председателя и секретаря, избираемый школьным советом. Выпускным был объявлен 7-й класс.

В короткие сроки действия советской власти в Крыму удалось осуществить принципы демократизации и децентрализации управления делом народного образования, светскости и прогрессивного его содержания, доступности школы для всех детей.

С окончательным установлением советской власти в Крыму, при Крымревкоме 15 ноября 1920 года организуется народный комисариат народного просвещения. В наследство новой власти досталось 352.650 неграмотных или 49 % всего населения [42, л. 47]. Оно организовало 7 окружных и 21 районный отдел народного образования [42, л. 48]. Начался процесс буйного, стихийного роста просветительских учреждений, их штатов. Весной 1921 года аппарат Наркомпроса составил 900 человек, но в условиях надвигающегося голода, перехода к НЭПу, летом 1921 года его сократили до 600, а в конце года – 95 человек [12, л. 48_о].

16 ноября 1921 года при наркомате образуется Крымтатуправление, функционировавшее до 31 декабря 1921 года под руководством Чобан-Заде. Оно открыло центральную татарскую библиотеку, татарский рабочий клуб, женскую учительскую семинарию, три татарских детских сада, 1-й татарский детский дом, 7 татарских советских школ. Управление приступило к подготовке национальных кадров, открыв курсы социальных воспитателей на 45 человек, учительские курсы на 120 человек, инструкторские курсы на 30 человек. Началась подготовка к выпуску новых татарских учебников [42, л. 52].

Результатом этого процесса стало функционирование 1135 школ I ступени на 62.626 учащихся, в том числе 1129 татар, которых обучало 2626 учителей; 80 школ II ступени на 12000 учащихся, в том числе 2600 татар с 922 учителями; 21 детского сада на 4382 человека; 54 детских дома на 5080 детей [42, лл. 50, 148].

Систему нового профессионального образования на 1 января 1922 года составили: Крымский университет, три Рабфака (Симферопольский, Керченский, Севастопольский); политехнический техникум в Севастополе на 134 человека; десять техникумов, где обучалось 1413 человека; 10 профессионально-технических школ низшего типа на 1012 человек [42, л. 50].

Политико-просветительская система была представлена Областной совпартшколой на 170 человек; Татарской совпартшколой на 60 человек; Немецкой совпартшколой на 60 человек; кооперативными курсами в 4-х пунктах на 50 человек; 41-й школой политграмоты на 805 человек; 103 клубами, 230 библиотеками, 23 школами для взрослых на 412 человек [42, л. 50]. Вся система образования и просвещения финансировалась из бюджета Крымской автономии.

Постановлением ВЦИК РСФСР Крымский университет, как и другие высшие заведения Автономных республик, был подчинен Наркомпросу РСФСР с финансированием за счет государственных средств. Местным Наркомпросам предоставлялось право контроля деятельности вузов, давать заключения об их работе [42, л. 73].

Работавшая в Крыму в 1921 году полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР констатировала, что только 35 % школ обеспечено собственными помещениями. Из-за отсутствия топлива зимой 1920/1921 года в 50 % учебных заведениях занятия не проводились. Национальный состав школ I-й и II-й ступени составлял на 58 % русские, 18 % – татары, 10 % – немцы, 4 % – греки, 5 % – прочие национальности [41, л. 14].

Главными проблемами системы образования были отмечены отсутствие помещений, холод, голодные школьники и учителя, нехватка учебников и тетрадей, хаотичность советской реформы с введением новых предметов (политической экономики, советской Конституции), отмену старого правописания. Все это привело к развалу и разложению школы.

Комиссия констатировала провал кампании по ликвидации неграмотности: открытие 553-х школ с 16122 учащимися, в том числе 186-ти на селе, должного эффекта не дало. Более 50 % школ было закрыто вследствие прекращения посещения их учениками. В Симферополе из 140 открытых школ выпуск сделали только 4 или 2,8 %, давшие 42 человека. В Феодосии было выпущено 60 человек из 579 записанных, или 10,3 % [41, л. 22].

Проанализировав деятельность подотдела национальных меньшинств при Наркомпросе, созданного 1 марта 1921 года с тремя секциями: армянской, немецкой и эстонской, комиссия установила, что армянская секция имеет 14 школ, 4 дошкольных учреждения, 7 рабочих клубов, 5 школ грамоты, 3 библиотеки под руководством С.А. Гамалова; эстонская секция имеет 6 школ, 6 клубов; немецкая – 30 школ I ступени, 5 школ II ступени, 80 культпросветучреждений с библиотеками, одну Центральную библиотеку в Симферополе. Неграмотного немецкого населения обнаружено не было [11, л. 23].

Общий вывод, который сделала комиссия в августе 1921 года, заключался в том, что состояние народного образования в Крыму следует признать чрезвычайно неудовлетворенным, а советское строительство в области народного образования чисто внешним, внутреннее осталось прежним [41, л. 25].

С 1922 года в Крыму начинается процесс массового свертывания государственной системы народного образования и просвещения, связанный главным образом с переходом к НЭПу и последовавшим за этим комплексом экономических и организационных мер: сокращение численности школ, учителей, аппаратов ОНО в центре и на местах, культпросветучреждений и т.д. Большая часть школ переводится на договорные начала, т.е. обучение за счет родителей; часть – местный бюджет, который был крайне скуден и лишь меньшая – на госбюджет, прежде всего из числа татарских школ. Кавалерийская советская атака на проблемы народного образования и просвещения провалилась.

В 1922 году в Москву отправляется выписка из протокола № 39 от 14 марта 1922 года объединенного заседания СНК Крым ЦИК о Крымском университете им. М.В. Фрунзе. В ней высказывалась просьба сохранить университет со всеми факультетами. Письмо было вызвано тем, что согласно телеграфному распоряжению председателя Совета по делам высших учебных заведений Волгина от 20 февраля 1922 года, за Крымским университетом сохранялось только два факультета: физико-математический и медицинский. Агрономический и факультет общественных наук подлежали закрытию с 1 марта 1922 года, не завершая учебного процесса [43, л. 1–3].

Вопрос образования и просвещения национальных меньшинств возлагается в новых экономических условиях на Крымский совет национальных меньшинств (Крымсовнацмен) при Наркомпросе, аппарат которого состоял из 3-х человек во главе с С.Гамаловым. Основными направлениями совета были определены сохранение сети национальных школ и детских учреждений; обследование национальных школ и библиотек; переподготовка персонала; направление абитуриентов в вузы вне Крыма, издание учебников и учебных пособий [44, л. 4].

На июнь 1923 года в Крыму осталось 185 школ I-й ступени, 5 школ II ступени, национальных: школ-коммун – 1, детских садов и очагов – 6, детских домов и колоний – 4, библиотек – 8, клубов, театров,

культпросветучреждений – 18. Всего 233 учреждения или около 23 % от уровня 1921 года [44, л. 15]. В Симферополе осталось 7 национальных школ с 509 учащимися и 29 учителями (еврейская, греческая, караимская, немецкая, польская, армянская, крымчакская) [44, л. 12].

В советской историографии этот период и его проблемы нивелировались до уровня затруднений, связанных с многонациональным составом, отсутствием учеников, малочисленностью педагогических кадров. В ней утверждалось, что к 1923 году процент неграмотных снизился до 28 [45, с. 43].

В отчетном материале Крымсовнацмена к Всероссийскому съезду заведующих губернскими советами по просвещению национальностей в 1923 году указывалось, что национальные меньшинства в Крыму составляют 22,3% всего населения [44, л. 129]; при Наркомпросе автономии функционирует Совнацмен; татарское управление, а при всех окружных ОНО имеются татарские инструктора, Ялтинское и Симферопольское ОНО возглавляют татарские работники [45, л. 130].

В качестве недостатков отмечалось отсутствие учета членов крымских профсоюзов по национальности, абсолютная неприспособленность Наркомзема автономии к этнографическим и национально-бытовым особенностям края [46, л. 140].

Процесс экономического возрождения автономии позволил постепенно наращивать сеть национальных школ автономии. В 1925/1926 учебном году их насчитывалось уже 268, из них 27 татарских, 8 немецких, 4 болгарских, 2 еврейских. Через год уже функционировало 43 татарских, 8 немецких, 3 болгарских, 1 греческая, 2 еврейских и 1 армянская [47, л. 10]. Неуклонно увеличивался и объем литературы, издаваемой, в частности, на татарском языке. Если в 1923/1924 учебном году он составил 37, то в 1924/1925 – 104, 1925/1926 – 246, а на 1926/1927 – планировалось уже 412 печатных листов [47, л. 13]. Сравнительный анализ состояния народного образования Крыма в 1927 году дан в приложении «В».

Оценивая советский период до начала 1920-х годов, Н.А. Бердяев отмечал: «Советский строй в то время не был еще вполне выработанным и организованным. Его нельзя было еще назвать тоталитарным и в нем было много противоречий [48, с.232]. Одним из главных его противоречий являлось заявление о введении всеобщего бесплатного обучения, а на деле возвращение к дореволюционной системе его финансирования с минимальным участием государства, росту численности неграмотных, особенно среди татарского населения, национальных меньшинств; ликвидации в 1925 году Крымского университета и преобразованию его в заурядный институт. Все это и многое другое шло под лозунгом культурной революции. Это были не просто слова, а концепция, в рамках которой энергичное «Даешь Перекоп!» переросло в «Даешь Культуру!» Все больше дискутировался вопрос партийности в школьной и внешкольной работе. С осуждением курса на «окрашивание» просвещения в «политический цвет» выступил в общероссийском журнале «Педагогическая мысль» профессор И.М. Гревс, считавший, что «просвещение – выше политики» и «должно быть свободно от ее колеблющейся и пристрастной партийности» [49, с.45].

Достижению перелома в лучшую сторону обеспечила в Крыму широкая сеть учреждений политическо-го просвещения. Сравнительный анализ их численности в Крымской АССР и Немцев-Поволжья АССР дан в приложении «Д». Приложение «Е» даёт сравнительный анализ обслуживания школами социального воспитания главных народностей в тех же автономных республиках.

С 1928 года начинается новый период в истории этнонационального образования в Крыму. Он был обусловлен комплексом причин: в области политической – наступление на национальные кадры, стоящие на позициях создания в регионе крымскотатарской национально-территориальной автономии, о чем возвестило «дело» Вели Ибраимова; в области образования и просвещения – введение постановлением Крым ЦИКа от 9 мая 1928 года на всей территории автономии новотюркского татарского латинизированного алфавита с пятилетним сроком перехода на него [50, с.96]; в финансово-экономическом – рост расходов на образование до 25% всех расходов автономии, что обеспечило значительный рост сети национальных школ I ступени в 1929/1930 учебном году, что отражено в нижеприведенной таблице [51, л.5]:

Национальность	Национальные школы			Русско-национальных школы			Всего школ		
	Кол-во школ	В них учеников	% учеников	Кол-во школ	В них учеников	% учеников	Кол-во школ	В них учеников	% учеников
Русских	344	25968	53,7	–	–	–	344	25968	49,3
Украинских	3	92	0,2	8	434	0,9	11	526	1,0
Татарских	323	16405	34,0	47	1619	3,6	370	18024	37,3
Немецких	90	2852	5,2	33	1094	2,4	123	3946	12,4
Всего:	760	45317	93,1	88	3147	6,9	848	48464	100

Как видно из таблицы, 93,1% учащихся обучались в национальных школах I-й ступени. Автор считает, что вывод Г. М. Кондратюка о свертывании национального образования с 1928 года явно ошибочно. О свертывании этой политики можно говорить с 1938 года, когда в полном объеме начала реализовываться вторая Конституция Крымской АССР, утверждавшая равенство всех наций и народностей.

Анализ числа учащихся в школах повышенного типа: 15 десятилетках, 36 семилетках, 8-ми школах II ступени и 16 школах сельскохозяйственной молодежи с преподаванием на национальном языке показывает, что из 75 их общей численности: 44 – русские с 17060 учениками, 1 – украинская со 150 учениками, 19 татарских с 2852 учениками, 5 немецких с 774 учениками, 2 еврейских с 350, 2 греческих с 360 и 2 армянских с 365 учениками. Всего – 21911 учеников [51, л. 5].

Исследование системы профессиональной подготовки показало, что в профессиональных школах обучалось 1471 учащихся, из них: 49,4 % русских, 8,6 % украинцев, 23,6 % татар, 6,6 % евреев, 11,8 % других национальностей; в техникумах – 2209 чел., из них: 39,4 % русских, 3,9 % украинцев, 22,9 % татар, 33,8 % других национальностей; на Рабфаке – 600 чел., из них: 36,3 % русских, 7,7 % украинцев, 37,7 % татар, 18,3 % других национальностей [51, л. 7].

Следует отметить, что национальный состав преподавателей за 1929 год из 2456 учителей, работающих в школах I-й ступени, составил: русских – 15,4 %, украинцев – 2 %, татар 24,4 %, других национальностей – 49,2 %; в школах повышенного типа из 792 учителей: русских – 62,2 %, украинцев – 1,3 %, татар – 13,6 %, других национальностей – 23 %; в техникумах из 174 преподавателей: русских – 62,6 %, украинцев – 3,4 %, татар – 9,7 %; других национальностей – 24,3 %; в профессиональных школах из 125 преподавателей: русских – 64,8 %, украинцев – 9,6 %, татар – 8,8 %, немцев – 2,4 %, евреев – 11,2 %, других национальностей – 3,2 % [51, л. 11].

Из вышеуказанного следует, что одной из проблем этнонационального образования к началу 1930-х годов оставалась острая нехватка национальных педагогических кадров для школ повышенного типа, техникумов и профессиональных учебных заведений, что тормозило процесс его развития.

Медленно возрождалась система политпросвещения национальных меньшинств. В 1929 году из 36 национальных изб-читален насчитывалось: немецких – 50 %, греческих и болгарских – по 13,8 %, армянских и еврейских – по 8,3 %, эстонских и чешских – по 2,9 %. Другие национальные меньшинства их не имели. Национальные библиотеки имели только евреи и армяне. Из общего числа 29 клубов по 20,6 % приходилось на армянские и греческие, по 13,8% на крымчакские и караимские, по 6,9 % на польские и немецкие, 17,4% на украинские, чешские и эстонские [51, л. 94₀]. Татарское население имело 70 национальных изб-читален [51, л. 100], две национальные библиотеки [51, л. 100₀]. Следует указать, что на удовлетворение культурных нужд национальностей в 1929/1930 году правительство Крымской АССР выделило 3 млн. 745,2 тысяч рублей или 10 % всего бюджета [21, л. 100₀]. В этом году было издано 836 печатных листов литературы на татарском языке, в том числе 181 учебной [51, л. 136].

Медленно решался вопрос перехода на новотюркский алфавит (НТА). На 20 марта 1930 года из общей численности татар в 236675 человек грамотность на арабском алфавите составляла 38,8 %. Однако перелом наступил и к 1929/1930 году число грамотных татар на НТА в возрасте от 15 до 40 лет составила 26 тысяч человек [51, л. 51]. Все учебные заведения с этого года перешли на новый алфавит [51, л. 50]. Проблемными в решении этого вопроса оставались торможение мусульманского духовенства, терявшего контроль над массами, определение основных принципов орфографии языка на НТА, отсутствие терминологии языка, другие.

С начала 30-х годов начинается формирование как концептуальных, так и проведение конкретных организационных мероприятий по созданию советской школы нового типа, которая в своих общих чертах существует и до сих пор. Во второй половине 1930 года принимается постановление ЦК ВКП(б) о всеобщем обязательном начальном обучении, в котором было признано необходимым: ввести с 1930/1931 года повсеместное всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8–9–10 лет с последующим расширением для детей 11 лет с 1931/1932 года; ввести с 1930/1931 года, обязательное обучение переростков (от 11 до 15 лет), не прошедших курса начального обучения на основе ускоренных форм обучения: двухгодичные и одногодичные школы-курсы; приступить с 1930/1931 года к введению всеобщего обязательного обучения в объеме школы-семилетки в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках. Оно определяло и меры по обеспечению материально-технической базы, кадрами, другие вопросы [52].

Исходя из вышеуказанного документа, соответствующее постановление приняло ЦИК и СНК Крымской АССР, предполагавшее распространение всеобщего обязательного начального обучения на всей территории Крымской АССР с 1930/1931 года в объеме четырехлетних школ для детей в возрасте от 8–11 лет, а для коренного населения и отсталых национальных меньшинств в объеме пятилетней школы [53, л. 41]. Как показала практика, на местах решения ВКП (б) и крымского правительства выполнять не спешили.

Проведенное в Крымском ОК партии совещание по всеобучу констатировало, что вся работа свелась к «даче директив» [53, с.34]. Началась раскрутка, выявление виновников: коллегия Наркомпроса автономии по докладу о ликвидации неграмотности и переобучении на НТА в 1930/1931 году констатировало, что отсутствует внимание Риков и горсоветов к делу ликбеза (до сих пор не созданы особые комиссии по ликвидации неграмотности в большинстве районов), крайне слаба работа райОНО по ликвидации неграмотности, малограмотности и переобучению на НТА. Коллегия постановила: просить Особую комиссию по ликвидации неграмотности при Крым ЦИКе обеспечить в кратчайших срок создание особых комиссий по ликвидации неграмотности при всех Риках и горсоветах; мобилизовать всю системы народного просвещения и всех трудящихся на работу по составлению планов ликвидации неграмотности, в ОНО разработать единый план ликвидации неграмотности и переобучения на НТА, другие [53, с. 45–48].

К октябрю 1930 года Крым ЦИК проанализировал ход работы по проведению всеобщего обязательного начального обучения. В принятом по этому вопросу постановлении отмечался недопустимо медленный темп мероприятий, связанных с проведением всеобуча. Оно предлагало Наркомпросу усилить руководство оперативной работой мест по всеобучу, провести ряд конкретных мероприятий [53, с. 53–55].

Крым ЦИК разработал Положение о комитете по всеобщему обязательному начальному обучению, определившее его целью объединение и общее руководство работой государственных учреждений и общественных организаций по осуществлению всеобщего обязательного начального обучения. Аналогичные комиссии было предложено организовать при всех органах местного самоуправления.

3 марта 1931 года СНК РСФСР принимает постановление «О системе заочного обучения», в котором указывается на то, что существующая система не отвечает требованиям индустриализации, подготовки для её реализации кадров. В постановляющей части ставилась задача реорганизовать систему заочного обучения по отраслевому признаку. Оно приравнивало в правах лиц, закончивших заочные учебные заведения к лицам, закончившим соответствующие стационарные учебные заведения.

В сентябре 1931 года ЦК ВКП (б) принимает постановление «О начальной и средней школе», в котором указывалось, что коренной недостаток школы в данный момент заключается в недостаточном объеме общеобразовательных знаний. ЦК поставил вопрос о введении системы политехнического обучения, подготовке в школах II-й ступени молодежи, вполне знающей свое дело, вполне способной стать мастером и практически подготовленной к этому столяра, плотника, слесаря и т.п. Оно требовало соединить обучение с производственным трудом на той основе, чтобы весь общественный производительный труд учащихся был подчинен учебно-воспитательным целям школы [54, сс.2–12].

За этим постановлением последовал ряд других, определявших меры по пересмотру учебных программ и режима в начальной школе [54, сс.13–21]; об учебниках для начальной и средней школы [54, сс.29–31]; о структуре начальной и средней школы [54, сс.34–35] и т.д. Все они уточняли новую систему народного образования, определяли учебные и методические вопросы ее организации.

В 1935 году вводятся новые оценки в общеобразовательной школе, установившие пятиступенную систему: очень плохо, плохо, посредственно, хорошо, отлично [54, сс.54–59]. В 1936 году постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) вводится и новая система заработной платы учителям и другим школьным работникам. Исходя из стажа педагогической работы, населенных пунктов она определяла заработную плату учителей от 240 до 370 рублей в месяц, а директорам средних школ до 600 рублей [54, л. 68–75]. В этом же году вводятся персональные звания для учителей начальной и средней школы: учитель начальной школы, учитель средней школы, заслуженный учитель школы [54, с.76–77].

В июне 1936 года принимается постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О работе вузов и о руководстве высшей школой», определявшее порядок поступления в вузы на основе сдачи 7 экзаменов молодежи в возрасте с 17 до 35 лет, сроки проведения учебного процесса с 1 сентября до 30 июня т.г. Оно предоставляло право читать лекции только профессорам и доцентам, а проводить практические занятия профессорам, доцентам и ассистентам [54, с. 83–95]. В этом же году вводятся новые штатно-должностные оклады для профессорско-преподавательского состава вузов, в частности: профессор, заведующий кафедрой – от 1100 до 1500 рублей; профессор, доктор наук – от 1000 до 1300 рублей; доцент, старший преподаватель (кандидат наук) – от 700 до 900 рублей; ассистент – от 500 до 600 рублей; лаборант – от 350 до 450 рублей в месяц. [54, с.108–110]. Устанавливались следующие размеры стипендий для студентов: 1-й курс – 130 рублей; 2-й – 150 рублей; 3-й и 4-й – 175 рублей, 5-й – 200 рублей в месяц [54, с.112].

В целом, принимаемые меры давали положительные результаты: в 1936 году в 25 техникумах и учебных заведениях этого типа обучалось 5016 учащихся, из них 1089 татар или 21,7 %, 710 украинцев или 14,1 %, 682 еврея или 13,6 %, 239 немцев или 4,8 %, 2356 других национальностей или 54,2 % [55, л.10].

В трех вузах (Крымском педагогическом – преемнике университета, медицинском и сельскохозяйственном) обучалось 2301 студент, из них татар – 413 человек. (17,9 % общей численности). Сеть Рабфаков численностью 13 единиц готовила для поступления в вузы 2849 человек, из них татар – 27 человек или 14,8%, украинцев – 428 человек (15,0 %), евреев – 381 человек (13,3 %) [55, л. 11].

Однако в системе профессиональной подготовки кадров со средним и высшим образованием продолжал существовать ряд проблем, в числе которых были нехватка учебно-лабораторного оборудования; квалифицированных кадров, особенно профессоров; слабая национальная прослойка среди научных работников, особенно татар, где не было ни одного профессора, другие.

В связи с тем, что задача преодоления неграмотности, прежде всего среди взрослого населения, решалась медленно, 7 марта 1937 года, СНК РСФСР принимает постановление «Об организации в системе Наркомпроса РСФСР общеобразовательного заочного обучения взрослых». Оно указывало, что срок заочного обучения не должен превышать сроков установленных для стационарных школ, а по окончании курса заочником выдается удостоверение о прохождении курсов заочного обучения. Для получения аттестата заочники могут сдавать испытания в порядке экстерната.

К 1938 году в автономии работало 1211 общеобразовательных школ, где обучалось 180.000 детей, 37 техникумах – 1627 учащихся, в 3-х вузах – 2472 студента [56, л. 87]. Однако к началу 1937/1938 учебного года по Крыму не хватало 700 учителей. В 89-ти школах с 2000 учащихся русский язык не преподавался [56, л. 89]. Все это стало возможно прежде всего по причине утраты престижа учителя в юридическом и экономическом планах, когда на ведущее место в условиях индустриализации вышли инженерно-технические специальности, другие.

К весне 1940 года в 1258 общеобразовательных школах Крымской АССР обучалось 197349 детей, в том числе число начальных школ составляло 773, из них татарских – 284/36,8%, неполных средних – 230, из них татарских – 22/15,2% общей численности [57, л.105]. Однако к 1 сентября 1939 года школьным обучением не было охвачено 1555 детей, было отсеяно по ряду причин, в том числе экономическим – 400 человек [57, л.107].

На 1 января 1940 года система культурпросветработы включала в себя 758 библиотек, 813 клубов, изб-читален и красных уголков; 24 районных Дома культуры; 25 музеев и картинных галерей; 9 театров и филармоний; др. [57, л.90].

Через 20 лет после утверждения в Крыму советской власти, был сделан значительный шаг из неграмотной добуржуазной общественно-экономической формации в принципиально новое общество. Оно сумело,

хотя и далеко не в том объеме, в котором обещало, дать своим гражданам грамоту. Ее получили все этнонациональные группы населения, прежде всего коренное крымскотатарское население, что обеспечило ему доступ к работе во всех государственных и общественно–политических структурах.

Поступательный процесс развития этнонационального образования в Крыму прервала Великая Отечественная война, оккупация его территории. Система организации образования в условиях «нового порядка» рассмотрена автором при его анализе. Главный вывод из него состоит в том, что фашизм ставил своей целью вернуть все крымские этносы в дореволюционное невежество, поскольку он планировал занять в этом регионе место ликвидированного дворянства, как русского, так и татарского, других национальностей. Концепция германского фашизма предполагала предоставление народам на оккупированных территориях 4–х классного образования.

Результаты этой политики представлены в нижеприведенном сравнительном анализе состояния образования и культурно–просветительской сферы Крыма [58, л. 7]:

Таблица 5.

№ п/п	Наименование учебных заведений	Их количество в 1941 г.	Их количество в 1945 г.
1.	Школ	1268	1047
2.	Учащихся в них	110.900 чел.	105.669 чел.
3.	Техникумов	12	9
4.	Спецучилищ и школ	8	7
5.	ВУЗов	5	4
6.	В них студентов	2919	2210

В период оккупации все высшие учебные заведения были эвакуированы. Оккупационные власти объявили об открытии Таврического университета, но так этого сделать и не смогли.

Сокращение численности школ и учащихся было обусловлено также депортацией в 1944 году 194.11 крымских татар, а затем 36.349 армян, болгар, греков, других национальных меньшинств. Прибывшие на их место переселенцы не восполнили утраченного человеческого потенциала, хотя с ними и прибыло 19.535 детей [60, л. 6].

В переселенческих районах в 1944/1945 учебном году было открыто 248 школ, из них начальных – 201, семилеток – 35, других – 12. Учебой охвачено 15.937 чел. [60, л. 44].

Сравнительный анализ состояния структуры культпросветучреждений представлен в нижеприведенной таблице [58, л.6].

Таблица 6.

№ п/п	Наименование заведений	Их кол–во в 1941 г.	Из кол–во 1945г.
1.	Библиотек	115	71
2.	Клубов, читален	25	24
3.	Изб–читален	450	381
4.	Клубов	660	170
5.	Колхозные клубы	401	195
6.	Красные уголки	5	3
7.	Театры	22	19
8.	Городские кинотеатры	14	9
9.	Музеи	5	3
	Картинные галереи		

В годы оккупации были разрушены здания 15 музеев, 590 театров и клубов, 315 детских учреждений [59, л. 11]. Сокращение структуры культпросветучреждений было обусловлено не только результатами оккупации, но и следствием массовых депортаций татар, национальных меньшинств Крыма. В 18 переселенческих районах, куда прибыли представители русского населения, по плану на 1945 год предполагалось открыть 251 избу–читальню, 26 сельских клубов, 18 Домов культуры [60, л.60].

Из вышеизложенного можно делать следующие основные выводы:

- в послереволюционный период в Крыму начался процесс реализации разработанной в предшествующее время концепции обновления системы народного образования. Данная проблема рассмотрена И.А. Фурсенко [61];
- революция, Гражданская война, голод 1921/1923 годов и последующий восстановительный период привели к кризису всей системы народного образования, длившемуся с 1917 по 1927 годы;
- несмотря на затянувшийся кризис, крымское правительство находило средства для развития прежде всего татарского населения в рамках проведения политики коренизации;
- С конца 20 – начале 30-х годов начинается процесс бурного развития этнонационального образования в рамках единой трудовой общеобразовательной политехнической школы;
- индустриализация региона привела к росту числа техникумов, вузов, куда приоритетное право для поступления получали представители крымскотатарского населения, этнонациональных меньшинств региона;
- Великая Отечественная война, оккупация Крыма остановила поступательное движение этнонационального образования;
- послевоенные депортации сняли с повестки дня проблемы этнонационального образования, привели к ликвидации Крымской АССР.

Глава III. Еврейский вопрос в Крыму в 1-ой половине XX века

Одним из наиболее сложных в истории Крыма, как и всей России, являлся еврейский вопрос, что было обусловлено следующими основными факторами: во-первых, длительным, спорным по времени, пребыванием евреев в Крыму; во-вторых, наличием караимской и крымчакской ответвлений еврейского этноса в регионе; в-третьих, значительным ограничением еврейской общины в политической и социальной сфере; в-четвёртых, сильным влиянием её на экономическую сферу, прежде всего торговлю, часть ремесленного производства; в-пятых, активным включением в политическую борьбу, прежде всего на стороне большевизма, другими.

3.1. Еврейский вопрос в Крыму в досоветский период (1900–1920 годы)

Одним из главных элементов ограничения евреев в Российской империи явилось создание системы черт оседлости, начало формированию которых было положено высочайшим указом 1791 года «О недозволении евреям записываться в купечество внутренних губерний», а в Москву приезжать «лишь на известные сроки по торговым делам.» [1, с.78]. После 2-го и 3-го разделов Речи Посполитой в 1793 и 1795 годах в состав России вошло почти миллионное еврейство Литвы, Подолии и Волыни.

Отправной для нашего исследования точкой возможно считать высочайшее Положение 1804 года, согласно которому специально и только для евреев было выделено в Новороссии 30 тысяч десятин земли «на первый раз» для переселения на неё еврейского населения из деревень западных губерний. Правительство предлагало для переселенцев большие льготы: получение в потомственное владение /но не в собственность/ на семью по 40 десятин казенной земли (средний по России надел был до 10 десятин), денежные ссуды для переезда и устройства хозяйства с рассрочкой на 10 лет, предварительную постройку рубленных изб, освобождение от налогов на 10 лет и ряд других. Целью переселения было определено привлечение евреев в производственному физическому труду и удаление от «вредных промыслов», прежде всего винокурения.

Однако эта идея не была реализована в силу ряда факторов: во-первых, нежеланием евреев приобщаться к физическому труду в деревне, прежде всего в силу традиционно сложившейся системы участия в торговле, ремесле, аренде, винокурении и других; во-вторых, малых организаторских способностей царской администрации; в-третьих, отсутствием опыта работы евреев в аграрном секторе, который накапливался поколениями; в-четвертых, те, кто переселился, попал в зону рискованного земледелия, где из 10 лет лишь 2–3 года были урожайными, стали тут же покидать места поселения; в-пятых, тормозила процесс переселения собственная еврейская кагално-раввинская система, не желавшая расставаться со своими «кормильцами».

Некоторый положительный сдвиг в переселении был получен после того, как «Устав рекрутской повинности и воинской службы евреев» 1827 года освобождал евреев-земледельцев, их детей от рекрутской повинности на 50 лет. Однако в целом земельный казённый фонд в Малороссии, в том числе в Таврической губернии и Крыму, как его составной части, ждал своего часа.

Российское еврейство с 3-й четверти XIX века нарастающими темпами включается в революционную борьбу. Вместе с Г.В. Плехановым и Верой Засулич основателями Группы Освобождения Труда стали Л. Дейч и П. Аксельрод. Роль еврейства в революционном движении России становится все заметнее и влиятельнее. В 1903 году Витте указывал, что составляя менее 5% населения России /6 млн. из 136/, евреи рекрутируют из себя 50% революционеров [2, с. 258].

Командующий Сибирским Военным Округом генерал Н.Н. Сухотин составил на 1 января 1905 года статистику политических поднадзорных во всей Сибири по национальности, согласно которой оказалось: русских – 1898 (42%), евреев – 1678 (37%), поляков – 624 (14%), кавказцев – 147 (3%), прибалтов – 85 (<2%), прочих – 94 (>2%) [3, с. 229].

Одним из главных лозунгов всероссийского революционного движения являлось достижение **еврейского равноправия**. Организующим звеном революционного еврейства, наряду с РСДРП, стал Бунд, созданный в Вильно и объявивший еврейским пролетариатом ремесленников, мелких торговцев, купеческих приказчиков и даже торговых посредников. Именно он попытался отстаивать еврейские интересы отдельно от общероссийских.

К началу XX века еврейство России прочно занимало лидирующие позиции в торговле, составляя 35% её торгового класса [4, с.306]. Большой вес и влияние приобрели евреи в российской кооперации, составляя более 50% обществ взаимного кредита и судно-сберегательных товариществ, то есть в финансовой системе империи. Нарастающую роль в развитии еврейского движения играли различные производственные общества еврейской взаимопомощи, в том числе созданное в 1880 году российским «железнодорожным королём» Самуилом Поляковым «Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев» /ОРТ/, которое в будущем начинало процесс переселения и обустройства евреев в советском Крыму на его первом этапе.

В такой общественно-политической и экономической ситуации встретил Крым начало XX века. Это начало стало для еврейского населения кровавым. Регион оказался втянутым в систему общероссийских еврейских погромов, начало которым было положено в апреле 1903 года в Кишинёве.

В революцию 1905–1907 годов российское еврейство вступило с новым лозунгом – требования уже не равноправия, а **полноправия**, под которым понималась прежде всего **национальная автономия**. В марте

1905 года Бюро Защиты евреев созвало в Вильно организационный съезд «Союза для достижения полнoprавия еврейского народа в России». В ноябре 1905 года на 2-м съезде выдвигается требование созывать Всероссийское Еврейское Национальное Собрание [5, с. 516]

Ведущую роль играли евреи в российской партии эсеров, где создали Боевую организацию. Лидерами нового террористического течения, по образцу народовольцев, стали Григорий Горшуни и Михаил Гоц. Евреи стали одними из вожаков российского анархистского движения, чему не только не противился Кропоткин, но и стремился привлечь их в свои ряды. В число таких вожаков вошли евреи Яков Новомировский, Александр Ге, Лев Чёрный и ряд других [6, с. 65–67].

После кровавого воскресенья 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге, в рамках Бунда и партии эсеров стали создаваться еврейские отряды самообороны по всей России, в том числе и в Крыму. Их главной задачей было противодействие еврейским погромам, организованным царским правительством руками местной полиции.

Первый еврейский погром в Крыму прошёл 7 февраля 1905 года в Феодосии, когда забастовало 800 рабочих 3-х табачных фабрик. Отказались участвовать в этой забастовке портовые рабочие. Около 13 часов в толпе участников забастовки раздаётся крик: «Бей жидов!» и началось избиение застигнутых врасплох евреев. В ходе драки пострадало до 50 евреев. К 14 часам были вызваны регулярные войска и погром прекратился [7, л. 33–34].

Второй еврейский погром в Крыму прошёл с 30 июля по 1 августа 1905 года в Керчь–Еникальском градоначальстве. 31 июля толпа численностью свыше 10 тысяч человек разгромила и разграбила на территории 1-го полицейского участка 64 магазина и лавки евреев на сумму 66 168 рублей [8, л. 58–61₀]; на 2-м – 35 на сумму 30 630 рублей [8, л. 62–63]; по г. Еникале – 10 на сумму 9 300 рублей. Всего по градоначальству было разгромлено 99 домов и лавок на сумму 109.598 рублей [8, л. 64₀].

В борьбу с погромщиками, при молчаливом содействии местной полиции, вступили члены еврейской самообороны численностью около 30 человек, ведя револьверный огонь по толпе погромщиков [8, л. 15]. Градоначальник Керчи генерал-майор Клокачёв ввёл в город регулярные войска и погромы были прекращены. 2 августа он приказал вывесить по городу объявления, в которых предлагал всем лицам, у которых имеются унесенные во время погромов магазинов и лавок вещи, немедленно доставить таковые в Полицейское Управление. Они указывали также, что лица, у которых обнаружат не возвращённые вещи будут привлечены к уголовной ответственности [8, л. 12].

В начале века градоначальство имело большую еврейскую общину, объединённую 3-мя Синагогами и 3-мя молитвенными домами, в том числе крымчакскую общину [9, л. 9₀–10]. Расследованием прокурора Симферопольского окружного суда обвинительный акт был составлен против 37 участников погрома, как было указано, на почве национальной вражды. По своему социальному положению все они были чернорабочими [10, л. 3–51₀]. Как всегда, были найдены «козлы отпущения».

Более крупный и кровавый погром произошёл в городе Симферополе 18 октября 1905 года. В 10 часов утра перед зданием губернской тюрьмы собралась многочисленная толпа народа, требовавшая от тюремной администрации освобождения всех политических заключённых в силу Высочайшего Манифеста от 17 октября о даровании политических свобод.

По освобождению арестованных толпа, состоящая преимущественно из евреев, с красными флагами и белыми знамёнами с надписью «Да здравствует свобода!» двинулась от тюрьмы по Екатеринославской улице в центр города. Навстречу ей двигалась другая толпа, состоявшая из низких классов русского населения.

На углу улицы Салгирной от шествия русской толпы отделилось 3 человека, которые погнались за прохожим евреем, не снявшим фуражку при встрече с манифестантами, при этом у них в руках были палки. Потом две толпы встретились и началось избиение, в ходе которого полицейские встали на сторону русской толпы. Какой-то полицейский выстрелил в убегающего еврея. Начались погромы [11, л. 10–12].

Судебно-следственная экспертиза установила, что у 46 убитых, из них 39 евреев, смерть наступила в результате раздробления черепных, лобных и лицевых костей ударами тупых тяжёлых орудий. У 5 евреев были зафиксированы резаные раны, у двоих – огнестрельные и у 1-го – ударом шашки [11, л. 11₀]. По свидетельству очевидцев 12 погромщиков в нескольких шагах от солдат и чинов полиции выгнали из-за ограды еврейской молельни какого-то человека и здесь же убили его дубинами [11, л. 14]. На Бульварной улице трое городских с обнажёнными шашками, а за ними 20 человек с кольями, начали убивать евреев [11, л. 14₀].

Как и в Керченском случае, к уголовной ответственности было привлечено сначала 13 человек из числа чернорабочих, а затем ещё 5, в том числе один татарин [11, л. 12]. На этом расследование было закрыто.

Анализ общественно-политической и экономической ситуации в Крыму того периода показывает, что главными причинами еврейских погромов стала не национальная вражда, на которой настаивала местная администрация, а ряд других причин: во-первых, стремление сбить нарастающий революционный накал в регионе и перевести стрелки на евреев как на активных участников; во-вторых, стравить в противоборстве крымские этносы и не допустить их объединения в борьбе за политические и экономические права и свободы; в-третьих, подорвать еврейский торговый капитал как главного соперника русской национальной буржуазии, другие. Организаторами погромов выступила царская администрация. Её активными участниками, как показал Симферопольский погром, стала местная полиция.

Что дала революция 1905–1907 годов для евреев? С одной стороны, они получили, как и ряд других этносов, политическое и, частично, социальное равноправие, прежде всего в сфере образования. В Думе появилось значительное число депутатов-евреев, что позволило поставить в ней вопрос о еврейском равнопра-

вии в рамках общего уравнивания всех граждан в правах. Дума обещала выработать закон о полном уравнивании в правах всех граждан с отменой всех ограничений и привилегий, обусловленный сословием, национальностью, религией или полом как продолжение Манифеста от 17 октября 1905 года. Но сделать этого она не успела, так как была распущена. С другой, в силу активного участия в ней, революцию отождествляли с российским еврейством, которое обвинили во всех её бедах. Эту мысль подчеркнул в 1907 году с трибуны Государственной Дума В.Шульгин [12, л. 151]. С третьей, евреи так и не получили доступа в органы местного самоуправления, права не только проживания, но даже лечения и предпринимательской деятельности в ряде регионов, прежде всего в Ялте и её окрестностях. Исключение было сделано для караимов. Так, городским головой города Евпатории в 1906 году стал С.Э. Дуван, Карасубазарским – караим И.Б. Шишман (Потомственный Почётный гражданин города). Ни одного волостного старшины в Крыму из числа евреев не было. Их возглавляли в 1906 году на 27,2% православные; на 51% – магометане; на 3,4% – мотеране и на 3,4% караимо-католики [13, л. 53].

Наряду с левым, революционным, в начале века в России, в том числе и Крыму, сложилось его правое, сионистское крыло в форме лиги «Бней Моше» («Сыновья Моисея»), образованной в 1889 году публицистом, мыслителем и организатором палестинофильства Умером Гинцбергом (псевдоним Ахад Гаам – «один из народа») по образцу масонских лож. Вступающий в лигу давал клятву беззаветно служить идее еврейского национального возрождения. Лига подготовила почву к восприятию частью еврейства политического сионизма Герцля. И, как результат, именно из России вышло большинство основателей государства Израиль.

Однако сионистское, как и любое политическое движение, не могло быть монолитным. В его среде возникла в 1899 году левосионистская партия Поалей-Цион («Трудящиеся Сиона»), крайне левое крыло которой создало еврейскую коммунистическую партию, которая со 2-ой половины 1920-х годов имела в ЦК ВКП(б) Центральное Еврейское Бюро. Еврейские секции были созданы во всех губернских и областных партийных организациях, в том числе при Крымском ОК ВКП(б), где она официально была оформлена на совещании секретарей и уполномоченных по партийной работе среди евреев 26 июня 1926 года. Другая левая часть, сочетая политический сионизм с социалистической идеологией, в 1904 году образовала партию СС – «сионистов-социалистов». Через два года от них откололась группа, образовавшая Социалистическую Еврейскую Рабочую Партию (СЕРП). «Серповцы», они же «сеймовцы» поддержали идею избрания Еврейского Национального Сейма как «верховного органа еврейского национального самоуправления». Они признавали равенство еврейского и русского языка, настаивали на идее «автономизма» внутри российского государства.

В ходе первой мировой войны, когда государству срочно потребовалось дополнительное финансирование боевых действий, российское правительство пошло на беспрецедентный этнонациональный шаг: открыло евреям свободное поселение с правом приобретения недвижимого имущества на территории всей Империи, за исключением столиц, сельских местностей, казачьих областей и района Ялты; отменило осенью 1915 года обязательный для евреев, годичный паспорт, разрешило получить бессрочный; фактически отменило квоты для поступления евреев в средние и высшие учебные заведения. Таким образом, рухнула продержавшаяся в России около 125 лет черта еврейской оседлости.

В 1915 году, наравне с ОРТ, в работу по оказанию помощи евреям-беженцам включилась новая структура – Еврейское Общество помощи жертвам войны (ЕКОПО). Оно получило щедрую финансовую поддержку от Земского Союза и Союза Городов, из Америки. Именно с помощью ОРТ и ЕКОПО численность еврейского населения Крыма возросла с 28,7 тысячи по переписи 1897 для 49, 4 тысячи человек по переписи 1921 года. Причем, если в начале XX века в городах полуострова проживало 95,8% всех евреев, то в 1921 году – 98,2% общей их численности. За указанный период число евреев в городе Симферополе возросло с 9 до 20,1 тысячи человек [14, л. 9].

Все еврейские партии активно включились в политическую борьбу за власть в Крыму в 1917–1920 годах. Наибольшее влияние они имели в профсоюзных организациях региона, где лидерами были Мойсеевич, Либин, вошедшие в число 6 членов избранного 1-м Таврическим губернским съездом фабрично-заводских комитетов 14 октября 1917 года губернского профсоюзного Совета [15, л. 18]. В них они оказались на правом крыле национально-демократического движения в регионе. Выступая на 4-м съезде профсоюзов Таврической губернии в июле 1917 года с докладом «Задачи профсоюзного движения», И.Б. Либин заявил: «Профессиональные союзы должны раз и навсегда отказаться от политики большевиков, стремившихся свести задачи профсоюзов исключительно к политической борьбе за власть /диктатуру пролетариата/» [15, л. 131].

На первом этапе революции было значительно влияние правого еврейского крыла в городских советах Крыма, где преобладали эсеры, прежде всего правые, и социал-демократы. Именно они организовали в марте 1917 года выборы в Симферопольский городской совет силами специальной комиссии, куда вошли исключительно указанные выше партии. 7 марта они провели выборы в горсовет по предприятиям, заводам и фабрикам, а 9 марта в помещении уездной земской управы – 1-й пленум Симферопольского совета рабочих депутатов. Съезд избрал исполнительный комитет из 15 человек, из них 11 социал-демократов, 3 эсера и 1 беспартийный [16, л. 5].

Затем совет приступил к организации ротных и полковых советов, Гарнизонного совета. 12 марта были проведены выборы по всем воинским частям Симферопольского гарнизона. В составе полковых комитетов эсеры были представлены 41%, социал-демократы 30%, беспартийные 29%. В общегарнизонный совет вошло 16% эсеров, 3% социал-демократов и 81% беспартийных. С избранием гарнизонного совета, он получил название «Симферопольский совет рабочих и солдатских депутатов» [16, л. 7–8]. В совете разверну-

лась борьба между правыми и левыми группировками. Лидером правой группировки стал Рабинович. Левая часть не имела опытного авторитетного руководителя [16, л. 27–28]. Аналогичная картина складывалась и в других городах Крыма, в том числе и Севастополе, где эсеры имели свою партийную организацию численностью 15 тысяч человек. В конце 20-го года левые эсеры пошли на союз с большевиками, а в 1924 году заявили о самороспуске.

Однако значительная часть революционного еврейства стояла на левом крыле демократической борьбы. Эта часть была представлена левыми эсерами и социал–демократами, большевиками. В составе Крымского областного комитета РКП(б) представителей революционного еврейства было от 30 до 50 и более процентов в различные периоды. Так, в первом составе, избранном 1 декабря 1918 года из 9 человек, их представляли Гидалевич /Петер/, Гершуни, Шульман, Лазарь /Смоляков/ [17, л. 5].

В ходе Гражданской войны, у большевистских руководителей не было единого подхода к партийному строительству. В апреле 1919 года Ю. Гавен высказал идею о том, что при осуществлении автономии здесь будет и своя автономная коммунистическая партия, а в ней будут отдельные национальные секции, будет выработан устав о взаимоотношениях между ними [18, л. 11₀]. Отдельной компартии Крыма не получилось, а вот секции были созданы, в том числе и **еврейская**.

С первых дней советизации Крыма представители революционного еврейского населения раз и навсегда вошли в состав его органов законодательной и исполнительной власти. Так, в составе Временного рабоче-крестьянского правительства под председательством Д. Ульянова в 1919 году им стал С. Вульфсон /Давыдов/. Таким образом, если революция 1905–1907 годов позволила представителям еврейского населения получить доступ в Государственную Думу, то в органы местного самоуправления до революции 1917 года они доступа не имели. Февральская революция обеспечила представителям еврейского этноса право работы во всех структурах власти, управления, общественно–политических организаций. И этой возможностью они воспользовались в полном объёме, обгоня порой даже русский и татарский этносы, которые были во много раз многочисленнее их. Этому способствовал целый ряд факторов: во-первых, высокая политическая активность части населения, прежде всего интеллигенции; во-вторых, организованность и сплочённость в борьбе не только за свои, но и общедемократические права и свободы других этносов; в–третьих, более высокий процент образованности; в–четвертых, переход небольшевистской части в 1920–1921 годах на сторону победителей в революции и Гражданской войне, другие.

3.2. Участие еврейского населения в советизации Крыма /1920–1924 годы/

Сначала советизации Крыма представители революционной части еврейского населения играли в этом процессе ведущую, авангардную, всё более возрастающую роль. Прежде всего, они практически возглавили областную организацию на начальном этапе. В первом составе областного комитета, назначенного ЦК РКП(б) в количестве 5 человек, по социальному положению было 4 интеллигента и 1 рабочий; по национальности: 1 русский, 2 еврея, 1 татарин и один венгр [18, л.4]. В его расширенном кооптированном составе из 8 человек, работавшем с 16 ноября 1920 по 28 марта 1921 года, представители еврейского населения составляли 37,5%. Его возглавляла член РСДРП с 1896 года, интеллигентка, еврейка Самойлович, выбывшая в распоряжение ЦК партии 6 января 1921 года [18, л.3].

Во втором составе Крымского ОК РКП(б), утверждённом 28 марта 1921 года, из 7 его членов представители еврейского населения составили 28,5% [18, л.6]. В третьем составе обкома, избранном на 4-й конференции в мае 1920 года, они составляли 36% общей численности [18, л.8]. Еврейские делегаты этой конференции насчитывали 25,5% общей численности, при том, что в партийной организации они составляли лишь 5,6% [18, л.23]. На этой конференции секретарь ОК Акулов однозначно высказался против создания в Крыму национальной республики и за образование в регионе области в составе РСФСР [19, л.39–42]. За это он был снят с должности и отозван в Москву.

В составе обкома, избранного 5-й областной конференцией, работавшей с 4 по 6 ноября 1921 года, представителем еврейского этноса составили 27,4%. Секретарём ОК был избран член РКП(б) с 1918 года Израйлович [20, л.84₀]. И это при том, что они составляли на 1 ноября 1921 года 10,5% всего партийного состава [20, л.86]. В составе ОК, избранного через год они представляли 30% [21, л.242]. В последующие годы эти цифры были приведены в пропорциональное соответствие.

Ключевые посты представители еврейского населения заняли в составе первого советского законодательно–исполнительного органа власти – Крымского революционного комитета (Ревкома), образованного 16 ноября 1920 года и который после отъезда в Москву Бела Куна возглавил еврей М. Поляков, присланный из центра. Крымревком и его отделы возглавили Давыдович, Беркович, Новицкий, Лемберский, Скловский и другие [22, л.109]. Однако несмотря на превалирование еврейского этноса, главным политическим направлением практической деятельности Крымревкома стало проведение коренизации в форме приоритетного решения татарского вопроса. Руководящие должности были заняты еврейскими представителями не только в политической, но и социально-экономической сфере. Ведущие позиции они получили, прежде всего в лице М. Бененсона, в созданном на основании решения 8-го съезда РКП(б) экономическом совещании (Крым ЭКОСО). Главной задачей этого органа было определение общего направления экономической политики автономии в сторону создания и проведения единого хозяйственного плана [23, л. 96].

Общедемократический подход в нарастающем процессе советизации Крыма, создании его автономии позволил безболезненно передать органы законодательной и исполнительной власти на 1-м Учредительном Всекрымском съезде советов в руки представителей крымскотатарского этноса. Однако, вместе с русским этносом, представители еврейского народа не только сохранили свои лидирующие позиции, но, с помощью

Москвы, ненавязчиво, но настойчиво укрепляли их, что позволило в будущем преодолеть упорное сопротивление председателя Крым ЦИКа Вели Ибраимова и начать переселение в регион евреев из других регионов, прежде всего черт оседлости УССР, БССР и РСФСР.

Анализ показывает, что делегаты высшего законодательного органа власти Крымской ССР – 1–4-го съездов советов из числа представителей еврейского народа составляли: 1-й съезд – 6%, 2-й – 5,8%, 3-й – 5,9%, 4-й – 8% [24, л. 168]. Однако в составе сформированных им органов исполнительной власти их представительство было в 3–3,5 и более раз выше. Так, в сформированном после 3-го Всекрымского съезда советов Совете Народных Комиссаров (СНК) представители еврейского этноса составили 22,9%, в то время как татарского – 5,2%, немецкого – 1,8%, других национальных меньшинств – 8,1% [25, с. 22].

Это обеспечивалось в данный и последующие периоды прежде всего за счёт упорного и целенаправленного обучения подрастающего поколения на всех ступенях образования – от школы до вуза. Решение этой задачи обеспечивало сначала Еврейское бюро, а затем подотдел из 13 человек при Наркомпросе автономии [26, лл. 4–60].

К концу данного периода из общей численности 822 школы I-й ступени, еврейских было всего 6 или 0,6% от общей численности. В них обучалось 519 детей, или 1,2%. Национальных еврейских школ II ступени не было, но в смешанных школах обучалось 3197 человек, что составляло 18,5% общей численности учащихся. В то же время, представители татарского населения обучались в 359 национальных школах I ступени, составляя 19406 человек или 38,9% общего числа школьников. А вот в 14 национальных татарских школах II ступени обучалось уже 2255 человек или 13,1% общей численности учащихся этого повышенного типа школ. Таким образом, имея в 4 раза меньше численности, еврейский этнос готовил грамотной молодёжи на 5% больше, чем татарский [27, л. 101]. Это объяснялось тем, что у еврейского этноса сложилась традиция получения образования повышенного типа, а у татарского её не было, да и всё еврейское население в этот период жило в городе. Переломить эту ситуацию удалось лишь, хотя и частично, за счёт жесткого квотирования, в начале 1930-х годов.

На этой базе из 132 учащихся из числа национальных меньшинств Симферопольского рабфака готовились к поступлению в вузы 47 евреев, 4 крымчака и 2 караима или 40,2% общей численности [27, л. 100]. В 1924 году в Крымском университете из 617 студентов представители еврейского народа составили 38,4% [28].

Проблема обучения стала одной из ведущих при проведении в июне 1924 года 1-го Всекрымского съезда караимской общины. Съезд принял решение о необходимости создания национальных школ, уделения самого серьезного внимания вопросу о методах изучения древнеримского языка и новых формах преподавания, привлечении в школы наиболее квалифицированных преподавателей-караимов [29].

Активно решала проблему национально-культурного возрождения еврейская община Крыма. 17 мая 1924 года в Симферополе она организовала проведение первого Всекрымского совещания по просвещению еврейского населения, приурочив его к открытию в городе национальной библиотеке, насчитывавшей 15000 томов [30].

В рассматриваемый период наиболее сложно складывалось в регионе социально-экономическая ситуация. Её главной проблемой стал голод 1921–1923 годов как следствие Гражданской войны, засухи лета 1921 года, халатности руководства Крымревкома. Крым ЦИК, наряду с поиском внутренних резервов, обратился за помощью к мировой общественности и такую помощь стал получать, в том числе от американских организаций АРА и «Джойнт». Эта помощь позволила в марте 1922 года создать отдельный еврейский комитет помощи голодающим, ослабившим давление на этнос.

Однако, как всегда в критических ситуациях, не обошлось без злоупотреблений. В конце сентября 1922 года деятельность комитета проверила РКИ автономии. В ходе обследования было установлено, что продукты реализовывались не по рыночным, а по свободным ценам; финансовая отчетность отсутствовала; кассовые книги не были пронумерованы, прошнурованы и опечатаны, что обеспечивало широкое поле для расхищения. По предложению инспекции, Крым ЦИК и СНК данный комитет ликвидировал [31, лл. 268–274]. Как следствие голода, еврейское население Крыма сократилось с 49,4 тысячи (6,8% общей численности) по переписи 1921-го года до 39,9 тысячи человек по переписи 1926 года (5,6% общей численности) [32, лл. 25–43]. И это с учётом того, что уже два года шёл процесс переселения евреев из других регионов Союза ССР.

Таким образом, в первый период советизации Крыма, даже в условиях тяжелейшего голода, еврейская община, постоянно находясь в тени как социально-экономической, так и политической жизни, неуклонно проводила курс на решение проблем своего этноса. Теневой характер был настолько велик, что историография как советского, так и постсоветского периода эту проблему Крыма не исследовала. Так, в диссертационной работе В.О. Семенова «Здійснення національної політики в Криму 1921–1925 років.» еврейский этнос в числе проблемных даже не упоминается [33]. Генератором этой политики выступало как партийное руководство автономии, так и органы исполнительной власти как в центре, так и на местах, где представители еврейского этноса занимали в своей решающей части ключевые посты. В то же время, представители еврейского народа не только не приветствовали, а всячески способствовали строительству в Крыму татарской национально-территориальной и культурной автономии. При всём этом еврейская община решила вопрос о переселении в регион соотечественников, прежде всего из бывших царских черт оседлости в 1925–1930-е годы.

3.3. Переселенческая политика в Крыму во второй половине 20–1930-х годах: опыт проведения, проблемы, пути решения, результаты.

С образованием и укреплением Союза ССР решение еврейского вопроса приобретает общегосударственное значение. Преодоление последствий царского угнетения еврейского этноса начинается с проведения политики его переселения в Крым, где стало решаться две основные проблемы: во-первых, приём и размещение переселенцев, их обустройство; во-вторых, дальнейшее социально-экономическое, политическое и культурное развитие еврейского этноса. Данная двуединая задача решалась сложно, болезненно, в силу целого ряда тормозящих факторов: первый – это то, что она противоречила автономистическим планам крымскотатарского руководства во главе с Вели Ибраимовым на реэмиграцию, увеличение татарской прослойки в регионе; второй – отсутствие у еврейского населения, в большинстве своём живших в городских местечках, опыта работы в аграрном секторе; третий – давление традиции, согласно которой еврей не должен быть рабочим, а обязательно хозяином хоть маленького, но собственного производства; четвёртый – сложные климатические условия для развития сельскохозяйственного сектора крымской экономики, их рискованный характер; пятый – отсутствие развитой инфраструктуры для жилищно-хозяйственного строительства, другие.

Что обеспечивало реализацию данной задачи? К способствующим факторам можно отнести наличие политической воли и решимости со стороны союзного партийно-государственного руководства, где еврейская прослойка была весьма значительна; появление финансового спонсора в лице американской фирмы «Агро-Джойнт»; желание многих членов союзной общины решить еврейские проблемы, причём в кратчайшие сроки, в том числе на пути достижения **полноправия**, о чём сказано выше и что не было снято с повестки дня; наконец, это наличие государственного земельного фонда, который был выделен для еврейских переселенцев ещё в XIX веке.

Исследование архивных документов показывает, что подход к решению задачи проведения переселенческой политики одного из самых бесправных народов царской России – еврейского, был начат с научно обоснованного анализа проблемы. По проведенной в 1924 году переписи населения, в СССР проживало 2 750 000 евреев, в том числе 450 000 в Белорусской ССР, около 1 750 000 человек в Украинской ССР, остальные – в РСФСР и незначительное количество в других регионах [34].

По социальному составу еврейское население распределялось следующим образом: членов профсоюзов и безработных 200 тысяч, с членами семей – 850 тысяч; занимавшихся земледелием – 130 000 человек. Остальные 1 750 000 человек составляли кустари, торговцы, лица без определенных занятий [34, л.42].

До 1-й Мировой войны торговцы составляли 38,65 % еврейского населения. Лица без определенных занятий и нищие – 7,15 %. 45,81 % еврейского населения не занималось производственным трудом. Исходя из данного анализа и было принято решение переселить и обеспечить производственным трудом 100 000 семей или около 500 000 евреев [34, л. 41].

Нормативно-правовой базой для приоритетного финансирования еврейской переселенческой политики стал договор СССР с американской еврейской благотворительной организацией «Агро-Джойнт». Он был утверждён СНК Союза ССР 6 ноября 1926 года и предусматривал:

1. Разрешение американской еврейской агрономической корпорации деятельность, направленную на переход евреев в пределах СССР к занятию на трудовых началах сельским хозяйством.

2. Расходование корпорацией на указанные выше цели в течении первого года /с 16 декабря 1925 по 16 декабря 1926 года/ не менее 1.150.000 долларов.

Минимальные размеры сумм в следующие годы будут ежегодно определяться не позже 15 ноября по взаимному соглашению.

3. Оказание помощи Агро-Джойнтом осуществляется на началах возврата ссуд и безвозвратных пособий, другое.

Сегодня имеют место разговоры о государственном обязательстве перед Агро-Джойнтом по погашению кредитов. Однако в подписанных открытых документах таких обязательств нет, так как в последующем их заключало ОЗЕТ и оно выступало гарантом.

Возможно имелся секретный протокол к заключённому Агропромбанком СССР договору займа в Америке. Открытая его часть предусматривала:

1. Внесение Агро-Джойнтом в течении 7 лет в счёт займа ежегодно по 1,5 миллиона долларов, а Комзета по 3 миллиона рублей.
2. Агро-Джойнт вносит валютой /долларами/ ежегодно не менее 85%, а вводимой из-за границы натурой (машины, оборудование, семена и т.д.) на более 15% причитающейся суммы.
3. Оплата реализуемой в Америке части займа устанавливается в 3% годовых, срок погашения – **через 15 лет** после предоставления каждой части займа.
4. Агропромбанк открывает отделения в Крыму, Херсоне, Криворожье и на Северном Кавказе /Включая Дагестан/.
5. Банк приступает к оперативной работе с весны 1928 года.
6. На средства займа будут построены кооперативный сахарный завод в Северном Крыму.
7. На средства займа будут мелиорированы часть незанятых земель водораздела рек Кача, Альма, Бельбека и Чёрной в Западном Крыму, другие расходы.

Следующим шагом стало формирование центральных и местных органов, на которые возлагалась задача реализации проблемы. Такими органами стало образованное постановлением ЦИК СССР от 29 августа 1924 года Центральное правление Комитета по землеустройству еврейских трудящихся (Комзет) при Пре-

зидиуме Совета Национальностей ЦИК СССР [3, л.40]. 25 сентября 1925 года ЦИК СССР утвердил первое Положение о Комитете ЗЕТ.

При Президиумах ЦИК союзных и автономных республик, а также при областных и губернских исполнительных Комитетах образуются Комиссии ЗЕТ, действующие по директивам Комитета ЗЕТ. На 26 января 1926 года были созданы такие комиссии при ЦИКах БССР, Крымской АССР, Брянском, Гомельском, Псковском, Смоленском, Моздокском губисполкомах, Северо-Кавказском крайисполкоме. В УССР землеустройство осуществлял Центральный Комитет национальных меньшинств при ВЦИК через свои представительства на Херсонщине, Одесщине, Криворожье.

В районах «черт оседлости» еврейского населения (БССР, УССР, Гомельская и Смоленская губернии) Комиссии ЗЕТ провели регистрацию желающих и нуждающихся в переселении. Следует отметить, что уже на данном этапе имели место серьезные перегибы и искажения: в списки включали людей порой в добровольно-принудительном порядке, наряду с трудовым элементом в них попадала зажиточная часть еврейства.

В Крымской ССР представительство Комитета ЗЕТ было организовано 12 марта 1925 года. Его председателем был назначен В.Фридман. С этого момента начинается плановый процесс проведения в автономии переселенческой политики, прежде всего из числа еврейских трудящихся.

В редакционной статье газеты «Красный Крым» раскрывались следующие причины переселения трудового еврейства:

- ликвидация перенаселенности в городах и местечках, куда поселило их царское правительство, где царили безработица и нищета;
- половина еврейского населения приходится на семьи, которые никого не эксплуатируют, а своим трудом обеспечивают себе такую же жизнь, какую ведут русские рабочие, кустари и служащие [35].

В своей истории переселенческая политика прошла в Крымской ССР ряд этапов:

I-й: 1923 – 1924 годы, когда начался хаотический процесс переселения в Крым еврейского населения из других регионов Союза ССР, где главным организатором выступала ОРТ. До января 1925 года в автономии сформировалось 17 еврейских трудовых коллективов, включающих 596 семей общей численностью 2858 человек [36, л. 22]. Для их поселения правительство автономии выделило 18330 гектар земельных площадей [6].

II-й этап: 1925–1928 годы, когда переселенческая политика стала входить в организованное русло под руководством Комзета. На этом этапе были созданы Общества ЗЕТ в Джанкойском и Евпаторийском районах, представительство в Симферопольском районе и Севастополе.

Постановлением СНК Крымской ССР Комзету было выделено для переселенцев в марте 1925 года 8 100 десятин [38, л. 7], а в феврале 1926 года еще 31 860 десятин земли [39, л. 129]. Земли выделялись за счет бывшего помещичьего землевладения, а также пустующих и необожженных земель. На этих землях не было практически никаких общественных построек, кроме тех случаев, когда переселенцы обустроивались в бывших помещичьих усадьбах.

На данном этапе Комзету для обустройства трудового еврейского населения были выделены следующие земельные площади: 1925 год – 9 024,03 гектар; 1926– 36 089, 06 гектар; 1927– 55 699, 92 гектар; 1928 год – 12 699, 30 гектар [38, л. 7].

На данные площади было водворено: 1925 год: 346 семей общей численностью 1660 человек; – 1926 год: 719 семей общей численностью 4336 человек; 1927 год: 968 семей общей численностью 5097 человек; 1928 год: 1193 семьи общей численностью 6 428 человек.

Всего водворено 3326 семей общей численностью 17521 человек [40, л. 22].

Для обустройства вышеперечисленной численности трудового еврейского населения был затрачено денежных средств [40, л.23]:

Таблица 1.

Годы	Финансирующие структуры		
	Агро-Джойнт	Комзет Крыма	Госбюджет
1924/25	444.323 руб. 01 коп.	200 000 руб.	258.024 руб.00 коп.
1926	708.672 руб. 28 коп.	118.994 руб. 32 коп.	87.602 руб. 00 коп.
1927	1.165.715 руб. 11 коп.	414.561 руб. 24 коп.	107.602 руб. 00 коп.
1928	1.500.000 руб. 00 коп.	266.414 руб. 46 коп.	46.772 руб. 00 коп.
Всего:	3 818 760 руб. 40 коп.	1.000.000 руб. 00 коп	500. 000 руб.

Всего было выделено 5.318.760 руб. 40 коп., причем свыше 70 % средств поступило от „Агро-Джойнта”.

При решении данной задачи Комзет столкнулся с комплексом проблем. Первой из них стал массовый отход переселенцев из мест расселения. „Отходники” делились на две основные категории:

- а) Неприбывшие, т.е. за кем были закреплены земли ходаками от семей и не прибывшие в Крым. Они составляли около 60 % отхода;
- б) отказавшиеся, т.е. прибывшие на участки, имевшие 1–2 посева, а затем отказавшиеся от земельного надела. Они составляли около 40 % отхода.

Всего же на втором этапе отходники составили по Джанкойскому району 37 %, Евпаторийскому – 33 % [40, л.2].

Основными причинами такого значительного процента отхода переселенцев были: повторный недород в указанных выше районах (1926 и 1927 годов); недостаточная проработанность вопроса создания рента-

бельных, застрахованных от угрозы периодических неурожаев хозяйств; несвоевременное оказание помощи переселенцам, пострадавшим от недорода, в снабжении продовольствием, фуражом, промтоварами; чрезвычайно медленное развитие кустарных и отходных промыслов; допущенные перегибы при хлебо– мясозаготовках; нехватка жилого фонда для переселенцев, другие

Однако главной причиной возможно считать социальный состав переселенцев. Так, в Евпаторийском районе, до их переезда, переселенцы составляли: кустари, ремесленники и извозчики – 18,2 %; рабочие и служащие – 14,8 %; бывшие торговцы – 46,0 %; прочие – 11,0 % [41, л. 94]. Как видно из этих цифр, большинство переселенцев не имели опыта производительного труда вообще, а в сельском хозяйстве, в частности. Аналогичная картина была и в других переселенческих районах Крыма.

Указанный выше социальный состав привел и к другим проблемам. Первой из них стала массовая сдача переселенцами своих земельных наделов в аренду окрестным крестьянским хозяйствам, прежде всего под выпас овец, получая арендную плату натурой и не уплачивая государству налогов. Проведенная в 1928 году Народным комиссариатом Рабочее-крестьянской инспекции проверка показала, что переселенцы обрабатывают лишь 42,2 % выделенных им земель [40, л.93].

Другой проблемой стало массовое привлечение в переселенческих хозяйствах наемного труда. Так, в Ротендорфском сельсовете Джанкойского района на посевной и уборочной 50 % переселенческих хозяйств использовали наёмный труд [41, л.107]. Отдельные хозяйства использовали не только сезонный, но и круглогодичный наемный труд.

При проведении переселенческой политики, в Крымской АССР сложилась достаточно стройная система кредитования и финансирования переселенцев. Этот процесс осуществлялся следующими структурами: госбюджетом; Крымским Комзетом; Агро-Джойнтом; созданными переселенцами 4-мя кредитными Товариществами.

Затраты на одно переселенческое хозяйство на данном этапе составляли 2356 рублей, из которых на постройки шло 725 рубля; обводнение – 132 рублей; приобретение сельхозинвентаря – 690, административные и агрокультурные расходы – 268, оборотные средства – 380, расходы на культурно-массовую работу – 17, прочие расходы – 144 рублей. Расходы на уже работающие хозяйства составляли 1618 рублей. [40, л. 114].

28 июня 1927 года Крым ОЗЕТ устроил вечер, на котором присутствовало 600 человек. С докладом выступил генеральный секретарь Центрального Комитета ОЗЕТ (г. Москва) И. Каменштейн. Он доложил о национальной политике советской власти и о жизни еврейских переселенцев в новой колонии в Крыму – Колиндорф. Принятая собранием резолюция требовала усиления работы ОЗЕТа, расширения его рядов и оказания переселенцам всевозможной помощи [42].

Проведенные в 1928 году Рабочее-крестьянской инспекцией Крымской АССР проверки выявили в этом вопросе серьезные недостатки, в числе которых было отсутствие у Комзета кредитных планов, утвержденных и исполненных смет. На местах необходимость выдачи кредитов переселенцам определяли агрономы без соблюдения социально-классового принципа, причем одни, более зажиточные, получали 3 вола и 3 коровы, а другие, малоимущие – ничего.

Одной из серьезных проблем, решаемых в процессе проведения переселенческой политики, стало жилищное и культурно-хозяйственное строительство. Динамика жилищного строительства прослеживается по следующим данным [40, л.125]:

Таблица 2

Годы	Финансирующие структуры		Всего построено домов
	Агро–Джойнт	Комзет	
1925/26	435	49	484
1927	441	120	561
1928	635	148	783
Всего:	1511	317	1828

Как видно из приведенных данных, 82,6 % построенных жилых домов осуществлено за счет кредитов Агро–Джойнта.

Переселенцами строились, как правило, три основных типа домов: а) типа Джойнта – 9,5x18; б) типа Комзет – 9,5x22; в) каркасные. Строительство одного дома обходилось переселенцам от 600 до 800 – 1000 рублей. В 1925 году планировалось построить 250 домов по 600 рублей каждый, однако построено было лишь 131 дом (52,4 %). Причинами невыполнения плана жилищного строительства стали нехватка денежных средств, квалифицированных рабочих рук, кровельного материала, другие.

До конца 1928 года переселенцам было построено 21 школа, две избы–читальни и ни одного машинно-го сарая [40, л.8].

В переселенческих хозяйствах активно шел процесс коллективизации и кооперирования. К концу второго этапа было создано: сельскохозяйственных кредитных товариществ – 4; потребительских обществ – 5; сельскохозяйственных коммун – 4; ТОЗов – 18; машинных товариществ – 17; посевных товариществ – 35; овцеводческих товариществ – 8; молочных артелей – 4 [40, л. 64].

Как показывает изучение архивных материалов, хозяйственная деятельность в переселенческих хозяйствах была неравномерной. Так, в 1927 году урожайность в пудах на 1 десятину составила: пшеницы – 38,5; ячменя – 6,5; овса – 5,0. Уже в следующем, 1928 году: пшеницы – 20,8, ячменя – 22,5; овса – 22,5 [41, л.159]. К концу 1928 году финансовая задолженность переселенцев по всем формам кредитования достигла 1 млн. рублей [40, л.5].

В целях сглаживания имеющихся в переселенческой политике проблем, в газете «Дер Эмес» была опубликована статья Н. Наглера «Состояние переселенческих хозяйств». Соглашаясь с рядом недостатков, автор пишет о светлых перспективах этой политики в будущем [43]. Однако на практике будущее оказалось не менее сложным и противоречивым.

III этап: 1929 – 1935 годы, когда главными особенностями переселенческой политики стали: во-первых, более четкий и орнизованный порядок формирования контингента переселенцев исходя из опыта, накопленного в предшествующие годы; во-вторых, жесткий контроль за всеми сферами реализации переселенческой политики как в центре, так и на местах на основании нового положения о Комзете от 1 марта 1928 года [44, л. 37–37₀] и Инструкции ВЦИК Союза ССР от 25 сентября 1929 года по комплектованию переселенческого контингента. Эти документы четко определили 7 категорий переселенцев по принципу их материального состояния [38, л. 129]; в-третьих, формирование сети еврейских национальных сельских советов, число которых на 1 марта 1929 года составило 22, в том числе в Джанкойском районе – 11, Евпаторийском – 10, Симферопольском – 1 [45, л. 91₀], на которые возлагалось проведение переселенческой политики на местах; в-четвертых, реализация переселенческой политики в условиях проведения в Крыму нового этапа земельной реформы, когда Комзету было дополнительно выделено 109 тысяч гектар земли; в-пятых, проведение массовой коллективизации как в регионе в целом, так и среди еврейских переселенцев. На 1 декабря 1929 года в Крыму насчитывалось национальных: коммун – 26; артелей – 727; ТОЗов – 767 [47, л. 23].

5–7 апреля 1930 года правительство Крымской АССР совместно с Комзетом провело в Джанкойском районе Всекрымскую конференцию еврейской переселенческой молодежи. Делегаты конференции заслушали отчет председателя Крымского Озета А. Тёмкина об оперативном плане работы на 1930 год, предусматривавшем прием 3 000 переселенческих хозяйств [48, л. 5].

Участники конференции отметили слабое развертывание ударничества и социалистического соревнования, массовый отход молодежи из деревни в город, серьезные недостатки в культурном обслуживании переселенцев, другие.

Совещание предложило: развернуть борьбу со всеми искривлениями в колхозном строительстве; особое внимание комсомольским ячейкам обратить на вопросы организации труда в колхозах; оживить работу изб-читален, красных уголков; особое внимание обратить на ликвидацию неграмотности и работу с малограмотными, усилить антирелигиозную работу, другие [48, л. 4].

27–29 мая 1930 года Крым ЦИК провел 1-е Всекрымское совещание председателей и секретарей еврейских переселенческих сельских советов с председателями РИКов. Совещание заслушало: доклад члена Крым ЦИКа Е. Циммера о новых задачах сельских советов; доклад А.Тёмкина об оперативном плане на 1930 года и задачи сельских советов в ходе проведения коллективизации; о задачах культурного строительства в переселенческой деревне и задачах сельских советов, с которым выступил инспектор Наркомспроса В.Лабовский [48, л.46].

В докладах и выступлениях участников конференции отмечались такие серьезные недостатки, как отсутствие руководящей роли сельских советов в колхозном строительстве; медлительность в переводе делопроизводства в еврейских сельских советах на национальный язык; крайне недостаточное культурное обслуживание, когда на 18 сельских советов с 90 деревнями всего 5 изб-читален; отсутствие постоянных детских садов [48, л.48].

Совещание предложило: сельским советам повернуться лицом к коллективизации, став во главе колхозного строительства в еврейских деревнях; перевести делопроизводство и всю культурную работу в еврейских сельских советах на родной язык к 1 мая 1930 года; превратить сельские советы в действенные руководящие органы всей хозяйственной, социально-культурной жизни [48, лл. 41–43].

С конца 1930 года Комзет ввел в практику систематические совещания по всему комплексу реализации переселенческой политики в районе. Так, в сентябре 1930 года был рассмотрен вопрос о сметных ассигнованиях на культурно-просветительское обслуживание; в ноябре – об организации базовых еврейских библиотек [48, лл. 61–62, 69]. В декабре 1930 года был заслушан отчет о культурной работе в Евпаторийском районе за 1930 год [48, л. 71].

Данный этап стал апогеем в реализации переселенческой политики трудового еврейства на территорию Крымской АССР. Водворение переселенцев в 1934 году характеризовалось следующими данными [49, л. 40]:

Таблица 3.

Районы	План (семей)	Выполнение (семей)
Фрайдорфский	265	335
Евпаторийский	160	197
Джанкойский	50	135
Симферопольский	40	39
Ленинский	40	43
Ишуньский	15	15
Биюк–Онларский	55	77
Всего:	625	845

Таким образом, план переселения был выполнен на 135 %. 100 % новоприбывших составили, по своему социальному составу, трудящиеся евреи. На 1 января 1935 года в переселенческих колхозах числилось 4 998 семей [49, л. 44о].

С 1 января 1936 года начинается последний, четвертый этап в истории проведения в Крыму переселения представителей еврейского народа. Он продолжался до 1938 года, когда оно было прекращено.

Начало четвертому этапу положило решение ВЦИК СССР о ликвидации до 1 января 1936 года Крымского представительства Комзета при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР. В связи с этим постановлением Президиума ЦИК, Крымская АССР от 19 января 1936 года, протокол №1, параграф 47 организует комиссию ЗЕТ при Президиуме ЦИК Крымской АССР в составе народных комиссаров земледелия, здравоохранения, просвещения, местной промышленности, председателя Лариндорфского РИКа. Ответственным секретарем был определен В. Брагинский [50, л.1].

Основными особенностями данного этапа стало: передача всей полноты руководства проведением переселенческой политики органам власти и управления крымской автономии; значительный отток переселенцев, прежде всего молодежи, из колхозов в город; за пределы автономии. Главными причинами этого процесса стали нехватка жилья, запущенность социально–культурной сферы; нехватка рабочей силы в колхозах, которая восполнялась переселенцами нееврейской национальности и этот процент дошел к 1938 году до 30–40, а в ряде колхозов и до 50 %; развитие кустарных промыслов в сельскохозяйственное межсезонье; низкая товарность колхозов, что заставляло государство списывать долги. Не афишируя это направление политики; пересмотр национальной политики по всем направлениям, в том числе и переселенческой.

Анализ архивных документов показал, что основными районами расселения трудового еврейского населения стали:

1. Национальный Лариндорфский район с 21 колхозом и земельной площадью 35 626 гектар.
2. Фрайдорфский район с 10 колхозами и 22 348 гектар земли.
3. Тельмановский район с 8 колхозами и 11 191 гектар земли.
4. Евпаторийский район с 7 колхозами и 13 874 гектар земли.
5. Колайский район с 7 колхозами и 13 799 гектар земли.
6. Сакский район с 7 колхозами и 14 727 гектар земли.
7. Джанкойский район с 6 колхозами и 11 832 гектар земли.

В этих семи районах располагалось 66 колхозов со 123 тысячами гектар земли. Остальные 19 еврейских национальных колхозов располагались в следующих районах: Ак-Шейхский – 4; Симферопольский, Ичкинский, Биюк-Онларский – по 3; Ак-Мечетский, Ленинский, Маяк-Салынский – по 1 [51, л.2]. На 1 января 1937 года в 85 переселенческих еврейских национальных колхозах насчитывалось 4502 хозяйства с 16.000 человек [51, л. 3].

Еврейским переселенческим колхозам к этому периоду было выделено 158 тысяч гектар, в том числе 107 тысяч гектар пахотной земли. К началу 1937 года было засеяно: озимыми – 47.157 гектар, ранними яровыми – 21 622 гектар, под парами находилось 31 798 гектар. Сады и огороды занимали 1500 гектар, виноградники – 816 гектар. Всего было освоено 115 402 гектар или 73 % [51, л.2]. Средняя площадь землепользования на 1 хозяйство составляла 34 гектар при среднем землепользовании на одно хозяйство в Крыму до 23 гектар [50, л.20]. На еврейских колхозных полях работало свыше 150 комбайнов. Средняя урожайность в колхозах составляла: озимой пшеницы – 10,1 центнера, ячменя – 6,4 центнера с гектара [51, л.7]. В национальных колхозах работало 305 трактористов, 37 механиков, 128 комбайнеров, 58 шоферов, 103 полевода, 56 животноводов [51. л. 24].

Низкая товарность колхозов заставляла государство идти на списывание долгов. Согласно постановления СНК СССР и ВЦИК ВКП (б) от 4 февраля 1936 года № 186 о переселенческих еврейских колхозах, Крымской АССР списывалась часть старой задолженности Машино-тракторным станциям (МТС) в размере 844,3 тысячи рублей, а остальная часть задолженности в сумме 524,2 тысячи рублей пролонгировалась до сбора урожая 1936 года. Реально в Крыму колхозам было списано 740 тысяч рублей, а остаточная задолженность составила 235,4 тысячи рублей. [50. лл.4–5].

В условиях сложной социально-экономической ситуации, крымское правительство пошло на широкое развитие кустарной промышленности, в том числе финансируемое за счет Орт-Фербанда. Эта организация создала: в 1931/1932 году: 4 мастерских; в 1932/ 1933: 14 мастерских; в 1933/ 1924: 15 мастерских; в 1934/1935: 17 мастерских; 1935/1936: 2 мастерских.

Данные кустарные мастерские работали в осеннее-зимний период. В 1925 году в 22 мастерских работало 1166 человек, которые изготовляли полуфабрикаты шляп и мягкие игрушки, другие изделия [50, л. 123].

В этом году мастерские выпустили 40 687 пар дамских чулок, 60 611 мужских носков, 138 х/б свитеров, 4143 вигоневых свитера, 1258 килограмм трикотажного полотна. Всего же продукции было выпущено на 320 тысяч рублей, из которых 118650 рублей было выплачено в качестве заработной платы [50, л. 134], Колхозам в качестве арендной платы было выплачено 85 тысяч рублей [51, л. 19].

Кроме вышеуказанных мастерских Орт-Фербанда, в колхозах развивались и другие кустарные промыслы. В 53 колхозах были образованы мастерские, изготавливавшие трикотаж и изделия из стекла. В осенне-зимний период 1935/1936 года в них работало 1242 человек, которые изготовили 220 тысяч изделий из трикотажа и стекла. Валовая продукция составила 2.247 тысяч рублей, из которых 448 тысяч рублей было выплачено в качестве заработной платы. Колхозам в качестве арендной платы было выплачено 185 тысяч рублей [51, л. 18].

В этот период активизировалась работа по развитию культурно-просветительской сферы. В 1932 году общая смета на эти цели составила 192 тысяч рублей на завершение ранее начатых программ. Финансирование осуществлялось следующими организациями: Центральным Советом Комзета (Москва) – 100 тысяч рублей, Агро-Джойнтом – 60 тысяч рублей, Красным Крестом – 108 тысяч рублей [51, л. 19]. Аналогичное финансирование шло и в последующие годы.

Вышеуказанное финансирование позволило иметь к 1926 году на 85 колхозов 43 клуба, 4 избы-читальни, 10 красных уголков, 7 больниц [51, л. 78]. Было электрифицировано 57 колхозов, содержались областной государственный колхозный передвижной еврейский театр, 2 районных стационарных библиотеки; 60 передвижных библиотек; 11 киноустановок, в том числе 1 звуковую [52, л. 28].

В 1938 году на культурное обслуживание еврейских национальных колхозов из государственного бюджета было ассигновано 499 тысяч рублей, в том числе 160 тысяч рублей на строительство и оборудование клубов и домов культуры 80 тысяч рублей на театральную работу, 4 тысяч рублей в качестве дотации газете «Сталинвег» [53, л. 41].

В условиях, когда вся полнота ответственности за проведение переселенческой политики легла а плечи правительства крымской автономии, Крым ЦИК активизировал организационно-политическую работу. На заседании его Президиума в июле 1937 года впервые был заслушан отчет Лариндорфского РИКа о советском, хозяйственном и культурном строительстве в районе.

В качестве положительного было отмечено, что за 1,5 года существования еврейского национального района создано 56 колхозов, объединивших 100 % хозяйств, работало 4 МТС; сельскохозяйственные работы механизированы на 95 %. В районе построено 2 больницы, 3 амбулатории. В колхозах трудились 600 стахановцев-трактористов, комбайнеров, доярок, конюхов и других специалистов.

Главными недостатками в работе РИКа указывалось: неудовлетворительная постановка организационно-массовой работы сельских советов, отсутствие систематического руководства РИКом секциями и депутатскими группами, социалистическим соревнованием; недостаточная работа по улучшению качества и поголовья скота, особенно свиней; наличие неграмотных среди населения, другие [54, л. 171–172].

В своем постановлении Президиум ЦИК Крымской АССР предложил Лариндорфскому РИКу укрепить работу советов на основе широкого вовлечения трудящихся в работу сельских советов, их секций и депутатских групп; обеспечить дальнейший подъем животноводства. Добиться в 1936/1937 году выполнения плана коренизации на базе подготовки и переподготовки национальных кадров, перевести делопроизводство в национальных сельских советах на их родной язык [54, л. 172].

В связи с нехваткой рабочих рук в национальных колхозах, Крым ЦИК запросил у Центрального Совета Комзета на 1937 год 530 семей переселенцев и бюджетного финансирования из расчета 12 тысяч рублей на обустройство одного хозяйства [54, л. 110о]. Постановлением СНК СССР от 10 июня 1937 года был утвержден план переселения 500 семей в еврейские национальные колхозы и финансирование на строительство 330 домов [52, л. 124].

До 15 ноября 1937 года было принято 350 семей. 150 семей не приняли из-за отсутствия жилья. Допереселение 150 семей перенесли решением Госплана СССР на 1938 год, для чего выделялось 927 тысяч рублей долгосрочной ссуды. Для укрепления национальных еврейских колхозов дополнительно выделялось 620 тысяч рублей [53, л. 134].

С марта 1937 года встал вопрос о сотрудничестве Центрального Совета Комзета с иностранными организациями, в том числе с Агро-Джойнтом. Положительного решения не состоялось и с февраля 1938 года началась передача его имущества на территории Союза ССР и Крымской АССР местным организациям Комзета.

1 июня 1938 года постановлением Президиума ЦИК Крымской АССР Комиссия по землеустройству трудящихся евреев ликвидировалась. Ранее, решением Президиума Верховного Совета СССР был ликвидирован Центральный Совет Комзета. Постановлением Экономического Совета при СНК Союза ССР от 17 мая 1938 года за № 328 СНК Крымской АССР поручалось обеспечить выполнение плана приема в еврейские переселенческие районы 150 семей [55]. На эти цели автономии ассигновалось 1 млн. 066 тысяч рублей [55, л. 11]. На этом программа переселения представителей еврейского народа на территорию Крымской АССР было прекращена.

Главными причинами этого прекращения возможно считать: раскручивание маховика тоталитарной сталинской машины, которая привела к отходу от существовавшей ранее ограниченной демократии по всем направлениям, в том числе и реализации советской национальной политики; разрыв взаимовыгодных отношений с иностранными организациями, в том числе с Агро-Джойнтом, который внес значительный вклад в дело обустройства трудового еврейского населения Советского Союза; переориентация советского руководства на переселение представителей еврейского населения на Восток и формирование там Еврей-

ской автономной области. Указанным выше постановлением Экономического Совета при СНК СССР переселение в этот район на 1938 год планировалось в количестве 6350 семей [53, л. 27], другие.

Проведенная в Крымской АССР переселенческая политика лиц из числа еврейского населения позволила: частично решить проблему реального обустройства трудового еврейского населения Союза ССР, обеспечить их землей; значительно укрепить аграрный сектор крымской экономики; освоить 158 тысяч гектар пустовавших ранее земель, в том числе 107 тысяч гектар пахотных; получить значительные объемы продовольствия, когда в 1939 году было собрано 648 007 центнеров зерновых, 3599,6 тонн огородных культур, решить другие проблемы.

В тоже время, ход реализации переселенческой политики выявил целый ряд проблем, в числе которых можно назвать: бессистемность проведения переселения на его первом и втором этапах; отсутствие надлежащего руководства процессом землеустройства со стороны НК автономии; значительный (свыше 30 %) обратный отход, прежде всего из-за отсутствия жилья, планы строительства которого ежегодно не выполнялись; пренебрежительное отношение всех государственных структур к социально-культурной сфере в переселенческих поселках; отказ центра правительству Крымской АССР в реэмиграции татар, численность которой планировалось в 10 тысяч человек.

Вся полнота сложности переселенческого процесса рассмотрена Г. Хиллигом на примере евреев, вернувшихся в СССР из палестинского кибуца и развернувшего в Крыму коммуны «Войо-Нова» («Новая жизнь»). Жизнь эта оказалась не из легких [56].

3.4. Развитие еврейского этноса во второй половине 20–1930-х годов

Проведение еврейской общиной генерального курса на повышение образовательного уровня позволило ей иметь к концу 1925 года коэффициент грамотности 72,6%, в то время как греческая – 47,1%, армянская – 52,2%, болгарская – 53,1%, немецкая – 72%. Большой – 74% – имела только караимская община Крыма [54, с. 22]. И это в условиях, когда почти все школы национальных меньшинств работали на договорных условиях, т.е. обучали детей за счёт родителей, в то время как татарские национальные школы в своём большинстве финансировались из бюджета автономии, а вот процент грамотности у татарского этноса едва превышал 50%.

Благодаря высокому уровню образованности еврейского этноса в середине 20-х годов на 39 921 человек приходилось 2 803 работника государственного аппарата автономии или 7% к общей численности населения. В то же время у татарского этноса она составляла 1,4%, немецкого – 1,7%, армянского – 3,2%, русского – 4,9% [58, л. 76].

Данный процесс стимулировало проведенное с 7 по 11 апреля 1926 года 1-я Всекрымская еврейская беспартийная конференция, поставившая вопрос о коренном улучшении культурно-просветительской работы в среде еврейского этноса [59, л. 36–37]. Однако практической реализации это требование не нашло и через 10 лет в силу нехватки финансовых средств, прежде всего в селе. К концу 1937 года в сельской местности работало 44 еврейских клуба и избы-читальни [60, л. 7]. Бюджетом Крыма на 1937 год на содержание одной избы-читальни выделялось 1800–1900 рублей, из них 70% составляла заработная плата заведующего [60, л. 22]. Перелома и коренного улучшения удалось достичь только к 1940 году.

До 1929 года процесс коренизации в Крыму шёл спонтанно, исходя из складывающейся ситуации. В указанный год Крым ЦИК принял 5-летний план, который предусматривал принудительное сокращение в государственном аппарате представителей русского этноса с 59,7% до 47,8% общей численности. В то же время, процент представительства татарского этноса должен быть увеличен с 13,7 до 23,7, еврейского – с 8,6 до 9,3 [61, л. 27].

Как показала практика советского строительства в последующие годы этот план, как и многие другие, выполнен не был. Через 5 лет в составе Крым ЦИК представители еврейского этноса как составляли, так и продолжают составлять 20% общей его численности; Народного комиссариата здравоохранения – 33,3%; в РКИ – 10,2% и так далее [62, л. 2]. Наркомат РКИ возглавлял еврей А. Мишуриц.

В 1932 году был организован Фрайдорфский еврейский национальный район, однако перевести дело-производство в нём на национальный язык не удавалось, прежде всего в силу нехватки кадров, владеющих им. Еврейская молодёжь стремилась получать образование на языке межнационального общения – русском, что обеспечивало в будущем её профессиональный рост. Она стремилась в город, где из общей численности в 1930 году 49 110 евреев, 10,1% проживало в городе и только 4,4% в селе. По всему Крыму процент еврейского этноса составлял 6,4 общей численности населения [63, л. 1]. В 1930 году крымчаки составляли 0,9%, а караимы 0,6% общей численности населения Крыма [64, л. 29].

Главным достижением первой половины 1930-х годов стало то, что удалось сломить сложившуюся веками в среде еврейского этноса традицию индивидуальной работы. Её заменила новая – традиция коллективного труда на промышленных предприятиях. Главной базой этой традиции стал Керченский металлургический завод. Здесь представители еврейского этноса составили около 1/3 всех рабочих. Камыш-Бурунский комбинат возглавлял еврей Бахрах Я.И.

Однако, как показало исследование, в учебных заведениях повышенного типа он составлял: в профессиональных школах – 6,6%, техникумах – 20,2%, Совпартшколе – 6,6%, Педагогическом институте – 24,7%. Представители же татарского этноса в Педагогическом институте, составляя 25,4% общей численности населения автономии, представлены были лишь 8% студентов [63, л. 5].

Анализ укомплектования вузов при приёме в 1931/1932 году показывает, что процент представителей еврейского этноса в них составлял: в сельскохозяйственном институте – 4,2; Коммунистическом вузе – 6,6; институте аспирантуры – 8,9; Медицинском институте – 14,8; Педагогическом институте – 18,0 [65, л. 44].

Во второй половине 20-х годов представители еврейского этноса практически пропорционально своей численности были представлены на Всекрымских съездах советов, в том числе: на 5-м – 7,5%; 6-м – 6,9%; 7-м – 7,0% [66, л. 13]. Однако, как указано выше, процент их участия в работе высших государственных органов был вновь значительно выше.

До этой же пропорциональности было доведено участие еврейского этноса до представительства в партийных структурах, что наглядно видно из таблицы.

Таблица 4.

Национальности делегатов	Партийные конференции		
	XII(1927 г.)	XI (1926 г.)	X (1925)
– русских	64,07	57,5	63,0
– татар	19,94	17,4	15,0
– евреев	6,48	9,0	12,0
– др. национальн.	9,51	16,1	10,0

Рост численности представителей крымскотатарских коммунистов был предопределён проведением политики коренизации в форме приоритетного решения татарского вопроса.

Постоянно принимали участие в работе конференций представители крымчаков и караимов, в том числе караим С.А. Карга – член РКП(б) с 1919 года; В.М. Ломберозо – крымчака, другие.

Как практический результат деятельности еврейской общины Крыма по национально-культурному возрождению и подъёму её членов, выводы из общесоюзной переписи 1939 года. Они свидетельствуют о следующем [68, лл. 126–143].

Таблица 5.

Категории работников	Татарский этнос	Еврейский этнос
1. Руководителей, всего в том числе:	2091	2603
– областных организаций	153	124
– районных организаций	351	201
– первичных партийных, комсомольских и профорганизаций	115	84
– судей и прокуроров	43	19
– председателей, зам. председателей колхозов	547	115
2. Технический персонал: всего в том числе:	1039	1461
– инженеров	45	219
– агрономов	169	150
3. Медработников, всего в том числе	939	1539
– врачей	96	601
4. Юридического персонала, всего в том числе:	49	71
– адвокатов	15	15
– юрисконсультов	15	45
– прочего персонала	19	10
5. Работников охраны, безопасности, всего	361	150

Учитывая соотношение еврейского к татарскому этносу 1:4, чётко видно преимущество первого во всех сферах общественно-экономической и политической жизни Крыма. Особенно превалирует еврейский этнос в руководящей сфере; техническом персонале, прежде всего инженерном; сфере здравоохранения и права.

На 1 января 1941 года в Крыму проживало 66,3 тысячи представителей еврейского этноса, из них 56,5 тысячи (85,2%) в городе, в том числе 25,7% (38,8%) в Симферополе [14, л. 9]. В ходе оккупации полуострова её территория с оставшимся населением по переписи, проведенной оккупантами, 662 тысячи человек была подчинена рейхскомиссариату «Украина» [14, л. 28]. Из Крыма было вывезено всего в организационном порядке 270 тысяч человек гражданского населения [68, л. 21]. Этнонациональная расшифровка этой цифры не даётся, да и не может быть дана в силу той ситуации, в которой крымчане вывозились на Большую Землю.

После взятия Севастополя летом 1942 года, оккупанты приступили к планомерному уничтожению всех представителей еврейского этноса, не просто как унтерменшей /недочеловеков/, а как этнонационального мусора. Этот подход был чётко сформирован в программной книге А. Гитлера «Майн Кампф» («Моя борьба»). Исследование материалов последствий оккупационной политики не позволило выявить точные цифры уничтоженных евреев, крымчаков и караимов, но фашисты сделали всё для того, чтобы ни одного представителя этих этносов в живых не оставить, в том числе и детей. Ссылаясь на фонд Р-1289, оп. 1, дд. 1–17, 21–23, 25,26, авторы исследования истории Крыма в годы Великой Отечественной войны приводят следующие цифры уничтоженных: евреи – 4024 человека (42,8% общей численности жертв), караимы – 68, крымчаки – 176 [68, л. 70–71]. Однако авторы противоречат на стр. 69 указанным выше цифрам, и ссылаясь на фонд Р-1289, оп.1, д.11, л.6 приводят цифру 468 уничтоженных только в середине января 1942 года крымчаков.

Так трагически закончилась советская политика решения еврейского вопроса в СССР. Оккупационный геноцид свёл к «нулю» усилия еврейского народа по достижению своего этнонационального возрождения на крымской земле. Жертвы были бы ещё значительнее, если бы не произошло уже в 1928 году переориентации советского партийно-государственного руководства в реализации идеи еврейского полноправия на

территории бывшей Российской империи. Созданная на Востоке национально-территориальная автономия еврейского этноса сохранила часть, хотя и небольшую, его генофонда.

«Очерки истории Крымской областной партийной организации» рассматривая её героическую деятельность, скромно упустили как проблему реализации компартийной национальной политики на полуострове в целом, так и этноеврейский вопрос, переселение евреев, последствия этой политики [69]. Возникает вопрос: почему? Есть и ответ – потому, что шёл процесс советизации Крыма не так-то и просто. В нём принимали активное участие многие этнонациональные политические силы, в том числе левые еврейские, которым противостояло их правое, сионистское течение.

Работу среди еврейского населения по советизации полуострова активно вёл комитет Еврейской коммунистической партии «Поалей Цион». На заседании-конференции 18–19 февраля 1926 года секретарей и уполномоченных по работе среди еврейского населения были обсуждены вопросы перспектив еврейской партийной работы по Крыму; заслушаны отчёты с мест; рассмотрены перспективы землеустройства евреев на полуострове; вопрос о борьбе с еврейскими антисоветскими группировками.

Совещание отметило следующие основные проблемы: 1) наличие в 42-х еврейских колониях всего 9 красных уголков, 7 еврейских комсомольских организаций со 170-ю комсомольцами; 2) слабое владение значительной частью переселенцев, прежде всего из числа кустарей, русским языком; 3) наличие в Крыму на 1 января 1926 года 566 коммунистов-евреев (8,5% всей крымской партийной организации); 4) работу в регионе 6 сионистских группировок, из которых только «Гехолуц» имела 400 активных членов, другое.

Конференция постановила: законодательно оформить бюро еврейской секции при Крымском областном комитете ВКП(б) и районных комитетах ВКП(б). Секретарём секции был избран М. Глауберман [70, лл. 1–10].

Организация и практическая деятельность секции проводилась сложно, многотрудно, болезненно, слабо. Об этом говорит резолюция совещания еврейских коммунистических работников, проведенное 11 марта 1927 года. Заслушав доклад секретаря секции И. Ковнера «О состоянии еврейской работы в Крыму и очередные задачи», было отмечено, что велась она «неудовлетворительно», хотя по докладу члена секции М. Гуревича в автономии насчитывалось 14 еврейских комсомольских ячеек, 10 пионерских групп [71, л.6].

Одной из причин слабости компартийной еврейской работы в Крыму являлось массированное, хорошо организованное и финансируемое сионистское движение. В автономии к началу 1928 года активно влияло на еврейское население 5 основных сионистских организаций: 1) отделение Всероссийской трудовой еврейской организации «Гехолуц» («Авангард») как левое течение; 2) отделение «Гехолуц» как правое крыло; 3) отделение Ционистско-социалистической партии (ЦСП); 4) отделение национально-трудовой партии «Ценрей-цион»; 5) мощное отделение молодёжной организации «Гашомер-Гацоир» («Молодой страж») [72, л. 12–13].

Левый «Гехолуц» ставил своей задачей подготовку будущих строителей Палестины. Он считал, что еврейский вопрос в России решён быть не может и единственная возможность его решения во всём мире является переезд евреев в Палестину и строительство там независимого самостоятельного еврейского государства. Командными высотами «Гехолуца» в Крыму являлись еврейские коммуны в Джанкойском районе «Тель-Хай» и «Маяк».

Под прикрытием легально работающей организации «Гехолуц», нелегально вела работу ЦСП, имевшая своими программными целями: 1) переселение евреев в Палестину; 2) еврейская национально-персональная автономия с законодательными и исполнительными органами; 3) реорганизация советской власти на началах трудовой демократии, другие. Свои ячейки партия имела во всех городах Крыма, а центром были коммуны «Гехолуц» и «Тель-Хай».

В городах автономии наиболее сильной сионистской организацией, противостоящей комсомолу, являлась «Гашомер-Гацоир». Своей целью эта организация ставила возрождение еврейского народа в Палестине. Она имела три ветви: шомерскую, циофийскую и зувонийскую. В этой молодёжной организации состояло 60% детей-кустарей, 30% – торговцев, 10% – рабочих и служащих [72, л.13].

Переселение еврейского населения в Крым, прежде всего в сельские районы, вызвали недовольство зажиточной и середняцкой части населения всех национальностей, в том числе и татар. Они повели активную антисемитскую работу не только на словах, но и хозяйственным и физическим воздействием на переселенцев. Это привело к ряду судебных процессов: в Симферополе – 1, Джанкое – 2, Феодосии – 1, Евпатории – 1, Ялте – 1. Причинами этих процессов стали погромы еврейских поселенцев, избиения [73, л.1].

ГПУ крымской автономии отмечало немалое количество проявлений антисемитизма в рабочей среде, в том числе на заводах и фабриках Севастополя (Севморзавод), Керчи (консервная фабрика), Крымшвейпроме. Не минул он и интеллигенцию, которая не только не пресекала, но и способствовала оскорблениям и избиениям еврейских детей в Сакской школе, 4-й Севастопольской и других школах. Из учтённых 34-х уголовных дел, связанных с антисемитизмом, пришлось: на крестьян – 4, служащих – 9, рабочих – 21 [73, л. 2₀].

Имели место антисемитские высказывания и в компартийной среде. Так, в Джанкойской организации коммунист Джулаков на открытом партийном собрании выступил с заявлением о еврейском засилье в СССР. Эта речь не встретила осуждения со стороны других участников собрания. Антисемитские выступления отмечались и среди комсомольцев, когда на собрании железнодорожных рабочих Симферопольского узла был задан вопрос: «Почему евреев не переселяют в Сибирь» [73, л.3].

Анализ архивных документов показал, что судебные органы на районном и участковом уровне слабо реагировали на проявления антисемитизма, смазывали политическое значение процессов по антисемитским делам, квалифицировали их как хулиганство. Эти случаи имели место по делу Маркелова в Симеизе, Кот-

лупова и Домбровского в Джанкое, других процессах [73, л.4].

Антисемитские настроения того периода проявлялись на почве продовольственных затруднений; зависти к еврейским ответственным и другим высококвалифицированным служащим; землеустройства евреев; религиозной почве; безработицы; жилищного кризиса; сохранившегося традиционалистского мышления части прежде всего русского населения; конкурентной борьбы на торговом рынке и промкооперации, и других факторов.

Таким образом, процесс решения еврейского вопроса в Крыму не имел единодушной поддержки со стороны всего населения, прежде всего аграрного сектора, где главным был вопрос о земле, владение ею. Представители еврейского коммунистического крыла до 1931 года силами отдельной своей секции, а затем в составе ОК ВКП(б) проводили огромную работу по советизации региона, росту его этноэкономического и этнокультурного потенциала. Неоценимый вклад в развитие советского Крыма таких видимых представителей еврейского этноса второй половины 20–1930-х годов как Я.М.Березова – председателя ЦСНХ; Я. Бендерского – председателя Симферопольского горсовета; А.А. Вербова, члена РКП(б) с 1903 года, заведующего Истпартом ОК партии; Е.М. Канторовича – члена РКП(б) с 1902 года, управляющего краевой конторой Госбанка; Б.Г. Леви – редактора газеты «Красный Крым»; И.Я. Орловского – члена РКП(б) с 1918 года – начальника Качинской школы лётчиков; Я.Г. Селиха – редактора газеты «Красный Крым»; М. Трахтера – управляющего Керченским госметзаводом; Л.А. Чубина – члена РКП(б) с 1915 года председателя ОКК и НК РКИ, многих других. Этому процессу активно противостояло правое, сионистское крыло еврейского этноса.

Заключение

В первой половине XX века полиэтничный Крым прошёл в своей истории короткий, сложный, но высокоэффективный путь коренных изменений в этноэкономическом и этнокультурном развитии. Первая индустриализация региона в конце XIX – начале XX веков принесла его этносам ряд принципиальных изменений, в числе которых можно назвать следующие: во-первых, формирование основ промышленной индустрии и на этой базе многонационального рабочего класса, в том числе из жившей патриархальной общины крымскотатарского населения; во-вторых, процесс капитализации затронул и аграрный сектор, в котором также преобладал многонациональный состав и главными этносами были татары, русские, немцы, болгары, греки, армяне, другие; в-третьих, индустриализация и капитализация вызвала к жизни появление более широких, чем ранее, слоёв интеллигенции из числа разночинцев, в том числе этнонациональной, часть из которой встала на путь отстаивания интересов трудящихся элементов города и деревни; в-четвёртых, новая социально-экономическая ситуация в регионах потребовала перестройки, принципиально новых подходов к решению проблем этнонационального образования, что и начало осуществляться в дореволюционный период, но груз традиционализма, этноконфессий, сложного аппарата управления не давал возможности решать их быстро и радикально; в-пятых, рывок в решении всех указанных выше проблем попыталось сделать Временное правительство, но новая революция, а затем Гражданская война приостановили этот процесс; в-шестых, с окончательной победой советской власти, начался многотрудный путь этноэкономических и этнокультурного подъёма в регионе, но реально решать их удалось лишь с начала 1930-х годов.

Опыт этноэкономического развития Крыма показал, что главным для него был вопрос о земле. Его решение как тогда, так и сегодня, призвано решить двуединую задачу: наделить землей и обработать, освоить её. И одна, и другая долго – до конца 20 – начала 1930-х годов не решались. Первую часть решили радикально: отобрали у тех, кто её обрабатывал и давал конечную продукцию, отдали тем, кто не имел ни сил, ни средств для эксплуатации земельного фонда. И тогда перешли к радикальному решению второй задачи – кооперированию деревни как единственному средству получения реальной сельскохозяйственной продукции. Нет другого пути и сегодня, ибо у тех, кому раздали земельные паи нет и не будет финансовых возможностей для их обработки. Кому это не ясно? Автор считает, что понимается абсолютным здравомыслящим большинство нынешнего руководства.

Какие пути решения проблемы? Два основных и возможных: первый – кооперирование и, с целевой помощью государства, работа на собственной земле хозяев паёв; второй – открытие рынка земли, на котором будет сформировано два класса: землевладельцев, скупивших паи; сельскохозяйственный пролетариат без каких-либо прав и с одними обязанностями. По какому пути пойдёт Украина и Крым – покажет время. Это первый урок истории как нашего государства, так и нашего региона.

Второй урок, который сделала история из периода НЭПа состоит в том, что только государственная экономика имеет перспективу; местная промышленность может только существовать. Частный собственник не вкладывал и не будет у нас вкладывать средства в перспективное развитие, а будет финансировать лишь постольку, поскольку это даст ему возможность в короткий срок урвать максимальные прибыли. Пример: Керченский /Брянский/ металлургический завод, который остановился в конце 1917 года и запустило его только союзное государство через 15 лет на принципиально новой технологической основе. Сегодня всё повторится сначала.

Третий урок украинской и крымской истории касается этнонационального образования. Как и 90 лет назад тому назад, у некоторых политиков есть желание возродить его в начале XXI века, но: 1) для этого нужны национальные кадры; 2) нужна современная терминологическая и другая языковая база; 3) для всего этого нужны средства, а у государства, имеющего 130 этносов их нет даже для развития родного украинского этноса; 4) но далеко не последнее, а первое: как только маятник внешней политики займёт какое-то устойчивое положение, как в Западной Европе, которое создаёт единое политическое, культурное про-

странство, встанет вопрос о языке и системе общения: ни Запад, ни Восток говорить на украинском или татарском языке не будет; нам неизбежно придется строить образование на базе их языков, как средстве межнационального общения.

С февраля 1917 года был начат и только к началу 30-х годов завершён процесс децентрализации всей системы образования – от детского сада до вуза. Что он дал? Демократическое право учить один иностранный язык, а не несколько, как это было до того; управлять системой достаточно условно, по разумению каждого руководителя; использовать в учебном процессе неапробированную литературу; включить воспитательный процесс и саму идею, мотивацию обучения и так далее.

Четвёртый и главный урок – нельзя забывать уроки истории, ибо всё повторяется сначала. Незнание некоторыми «отличниками» учебы не освободит нас всех от ответственности за их выполнение: в начале 30-х годов крестьяне оставили на полях Украины 100 млн пудов не убранный хлеб – результат известен; сегодня наш аграрный сектор даёт около 60% продукции конца 80-х годов, когда наши продуктовые прилавки были пусты; в 20-е годы толпы бездомной и безработной молодёжи было на улице и в 30-е годы их отлавливала милиция и вела в государственные детские учреждения и так далее.

Данным и другими своими историческими очерками автор просит задуматься общественность о завтрашнем дне, проблемы которого и пути решения нам известны из истории. Нынешние руководители не несут и не могут нести ответственности перед народом за завтрашний день, так как: 1) живут сегодняшним, ибо знают, что завтра их сменят другие; 2) не имеют сами и не готовят себе квалифицированной смены работников–руководителей: все хотят рулить, но никто не хочет поднимать паруса в шторм и своевременно умело убирать их в бурю, вести корабль вдоль рифов и мелей; 3) обращаются с историей как с девочкой на панели, прикрывая это лозунгами о демократии и свободе слова, печати.

Завершая выводы, автор хочет сказать следующее: его работы – это не классические монографические исследования, которые будут в будущем. Они, как верно заметил один ученый–историк, эссе – размышления о прошлом на научной базе. Именно эта форма позволит задуматься о дне завтрашнем, что предопределено историей.

Источники и литература

Введение

1. Кашченко С.Г. Колхозное движение в Крыму в 1918–1929гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1967; Мона Ж.Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920–1940гг.): особенности, трудности, просчеты. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Днепропетровск, 1992г.; Маковский В.В. Земельные питанья в Крымской АССР, практика його вирішення в 1920–х роках. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Запоріжжя, 1992г.; Бородин С.В. Аграрні відносини у Криму (1918–1926рр.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Запоріжжя, 2000р.; Горюкова Э.О. Соціально–політичні процеси у селі Кримської АССР 1920–х років. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. – Запоріжжя, 1999р.
2. Прохорчик М.В. Народна освіта у Криму у 1921–1929рр. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Запоріжжя, 2001р.; Змерзлий Б.В. Нариси з історії розвитку системи освіти кримських татар у Кримській АССР (1921–1941рр.). Монографія. – Симферополь: «Атлас–Компакт», 2006.– 280с.
3. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): Поиски и находки источникововеда. – Симферополь: «Черномор Пресс», 2006. – 232с.
4. Урсу Д.П. Культурне відродження кримських татар у 20–і рр. //Український культурний альманах. – Вып. 34. 2000. – СС.267–273, др.; Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования. – Симферополь: «Таврия», 1998. – 161с., другие.
5. Пашеня В.Н. Крымскотатарский вопрос в канун образования Крымской ССР (ноябрь 1920–октябрь 1921) – // Культура народов Причерноморья. 2006. №73, с 194–200; Переселенческая политика в Крымской АССР в 1920–х – 1930–х гг.: опыт проведения, проблемы, пути и решения.// Культура народов Причерноморья. 2005. №65, с. 85–90, др.
6. Еврейская Энциклопедия. Под общей редакцией Гаркави А., Каценельсона Л. – М.: «Терра», Т.9, 1991. – 959 с.
7. Лебедева Э.И. Очерки по истории крымских караимов–тюрков. – Симферополь, 2000. – 116 с.
8. Полканов Ю.А. Карал – крымские караимы–тюрки./ Сборник «Сквозь века». Вып 2–й. – Симферополь, 1996. – СС. 17–40.
9. Самойлович А.Н. К вопросу о наследниках хазар и их культуры//Еврейская старина. – 1924. – Т. XI.

К главе 1

1. Статистический справочник Таврической губернии.– Симферополь, 1915.–119с.
2. Усов С.А. Историческо – экономические очерки Крыма. Прошлое и настоящее крымского сельского хозяйства.– Симферополь, 1925.–319с.
3. Обзор Таврической губернии за 1914г. – Симферополь, 1915.–149с.
4. Бочагов А.К. Милли-Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк.– Симферополь: Крымгосиздат, 1930. –117с.
5. Бененсон М.Е. Экономические очерки Крыма.– Симферополь: Южное кооперативное издательство, 1919.–77с.

6. Пути реконструкции народного хозяйства. Труды съезда по изучению производительных сил Крыма 6–10 мая 1928 года. Выпуск 1. Сельское хозяйство. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – 271 с.
7. Труды 1-го Всекрымского съезда земработников 19–24 мая 1924 года. – Симферополь: НК земледелия, 1924. – 280 с.
8. Штейнбах Е.М. Профессиональное движение в Крыму. 1917–1927 годы. – Симферополь: Крымгосиздат, 1927. – 106 с.
9. ГА АРК. – Ф. – 162. – Оп. 2. – Д. 4368.
10. Кункин Р.С., Храмовский С.Ф. 10 лет промкооперации Крыма/1924–1934 гг./ – Симферополь: Крымгосиздат, 1927. – 106 с.
11. ГА АРК. – Ф. П–150. – Оп. 1. – Д. 12.
12. ГА АРК. – Ф. П–150. – Оп. 1. – Д. 14.
13. ГА АРК. – Ф. П–150. – Оп. 1. – Д. 6
14. Бененсон М.Е. Экономические очерки Крыма. – Симферополь: Южное Кооперативное издательство, 1919. – 77 с.
15. Бочагов А.К. Милли-Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. – Симферополь: Крымгосиздат, 1930. – 117 с.
16. ГА АРК. – Ф. – 999. – Оп. 1. – Д. 163
17. Пути реконструкции народного хозяйства. Труды съезда по изучению производительных сил Крыма 6–10 мая 1928г. Вып. 1. Сельское хозяйство – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – 271 с.
18. ГА АРК. – Ф. Р. – 2237. – Оп. 1. – Д. 15.
19. ГА АРК. – Ф. – 150. – Оп. 1. – Д. 51.
20. Статистико-экономический атлас Крыма. – Симферополь Крымиздат, 1922. – 126 с.
21. ГА АРК. – Ф. Р. – 652. – Оп. 1. – Д. 184.
22. Брошеван В.М., Черная В.Г. Крым в составе Украины. Кн. 1 Историко-документальный очерк. – Симферополь, 1999.
23. Ішін А.В. Антибільшовицькі виступи у Криму і боротьба з ними (кінець 1920–1925 років.). Автореф. дис. канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2001.
24. ГА АРК. – Ф. – 663. – Оп. 2. – Д. 626.
25. ГА АРК. – Ф. – П–1. – Оп. 1. – Д. 196.
26. Отчет Правительства Крымской АССР 5-му Всекрымскому съезду советов. – Симферополь: Крымиздат, 1927.
27. ГА АРК. – Ф. Р – 663. – Оп. 3. – Д. 588.
28. ГА АРК. – Ф. Р – 663. – Оп. 3. – Д. 183.
29. ГА АРК. – Ф. Р – 663. – Оп. 3. – Д. 17.
30. ГА АРК. – Ф. Р – 663. – Оп. 2. – Д. 550.
31. ГА АРК. – Ф. Р – 663. – Оп. 3. – Д. 588.
32. Змерзлый Б.В. Крымские татары в школах фабрично-заводского ученичества Крымской АССР в 1920–1930 гг. // Ученые записки Таврического Национального университета им. В.И. Вернадского. 2004, №1. Т. 17(56). – С. 99 – 105.
33. ГА АРК. – Ф. Р – 663. – Оп. 2. – Д. 183.
34. ГА АРК. Ф. Р–663, – Оп. 3. – Д. 989.
35. ГА АРК. Ф. Р–663, – Оп. 3, – Д. 588.
36. Штейнбах Е.М. Профессиональное движение в Крыму. 1917–1927гг. – Симферополь: Крымгосиздат, 1927. – 106 с.
37. Год работы. Отчет Крымского совета профсоюзов и Народного комиссариата труда Крымской ССР за 1923г. VI Всекрымскому съезду профессиональных союзов. – Симферополь: Крымпрофсовет, 1924. – 102 с.
38. Резолюция XIII Всекрымского съезда профсоюзов. – Симферополь: Крымский совет профсоюзов, 1929. – 137 с.
39. ГА АРК. – Ф. Р – 663. – Оп. 2. – Д. 183.
40. ГА АРК. – Ф. Р – 663. – Оп. 2. – Д. 626.
41. ГА АРК. – Ф. Р–219. – Оп. 6. – Д. 711.
42. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 4. – Д. 716.
43. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д. 987.
44. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д. 438.
45. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 5. – Д. 30.
46. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 3. – Д. 646.
47. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 3. – Д. 642.
48. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 4. – Д. 716.
49. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д. 989.
50. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 4. – Д. 555.
51. Красный Крым. – 1933. – 5 марта.
52. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 7. – Д. 345.

53. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 3. – Д. 752.
54. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 7. – Д. 138.
55. Очерки истории Коммунистической партии Украины. Изд. 4–е. Руководитель авторского коллектива Юрчук В.И. – К.: Политиздат, 1977. – 813с.
56. Красный Крым. – 1935. – 28 апреля.
57. Красный Крым. – 1935. – 6 июня.
58. Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. Сборник статей. – Симферополь: Крымиздат, 1958.
59. Змерзлий Б.В. Нариси з історії розвитку системи освіти кримських татар Кримської АРСР (1921–1941р.). – Симферополь: Атлас – Компакт, 2006. – 280 с.
60. Красный Крым. – 1935. – 16 декабря.
61. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 10. – Д. 250.
62. Экономика и культура Крыма. – 1932. – № 8(10).
63. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 10. – Д. 251.
64. Экономика и культура Крыма. – 1932. – № 5(7).
65. Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник. – Симферополь: Крымстатуправление, 1957. – 167 с.
66. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 15. – Д. 19.
67. Конституция (Основной Закон) Крымской АССР. // Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1937, № 10–11.
68. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 13. – Д. 39.
69. Всесоюзная перепись населения 1939г. Основные итоги. Под редакцией Полякова Ю. А. М.: "Наука", 1992. – 256с.
70. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 15. – Д. 530.
71. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 15. – Д. 679.
72. ГА АРК. – Ф. Р–137. – Оп. 9. – Д. 12.
73. ГА АРК. – Ф. Р–1289. – Оп. 1. – Д. 68.
74. ГА АРК. – Ф. Р–156. – Оп. 1. – Д. 32.
75. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 275.
76. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 260.
77. ГА АРК. – Ф. Р–137. – Оп. 9. – Д. 7.

К главе 2

1. Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования. – Симферополь: «Таврия», 1998. – 161 с.; Жизнь и деятельность И. Гаспринского (1851–1914). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – Симферополь, 1995, другие.
2. Беляева А.И. Наука, литература и искусство в конце XIX – начале XX в. Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. М., 1955. – 40 с.
3. Малиновский Н. Всеобщее обучение и земство. // Земство и народное образование. – 1914. – № 3.
4. Ведомости об училищах, преподавателях, учащихся Таврической губернии. См. XVII общий очерк народных училищ Таврической губернии, Севастопольского и Керченского градоначальств. – Симферополь: Паровая Типо-Литография Вересотской, 1910. – 57 с.
5. XVII общий очерк народных училищ Таврической губернии, Севастопольского и Керченского градоначальств. – Симферополь: Паровая Типо-Литография Вересотской, 1910. – 157 с.
6. Свод Законов Российской империи под редакцией А.А. Добровольского. Кн. 6, т. 11. С.Пб., 1913. – 2234 с.
7. ГА АРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2537.
8. Там же. – Д. 2308.
9. Там же. – Д. 2517.
10. Там же. – Д. 2278.
11. Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. Изд. Казанского университета, 1982. – 96 с.; Кильдебяков Г.Н. Магометанские школы (мектебы и медресе) Мензелинского уезда Уфимской губернии за 1912–1913 гг. – Мензелинск, 1913. – 126 с.; Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916. – 142 с.
12. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70–х годов XIX века. М. – Л., 1936. – 286с.
13. ГА АРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2248.
14. Там же. – Д. 2517.
15. Там же. – Д. 2537.
16. ГА АРК. – Ф. 111. – Оп. 1. – Д. 462.
17. ГА АРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2335.
18. ГА АРК. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 86.
19. ГА АРК. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 1.
20. ГА АРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2337.

21. Там же. – Д. 2258.
22. Там же. – Д. 2266.
23. Там же. – Д. 2323.
24. Перечень начальных школ всех типов Таврической губернии за 1905/1906 учебный год. Приложение к докладу о введении Всеобщего обучения в Таврической губернии. – Симферополь. Типография Таврического губернского земства, 1907. – 104 с.
25. ГА АРК. Ф. 100. – Оп. 4. – Д. 4.
26. Там же. – Оп. 6. – Д. 10.
27. ГА АРК. Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 50.
28. Дмитриев Н. Национальная школа. – С. Петербург. Тип. Александра–Невского Об–ва Трезвости, 1913. – 185 с.
29. Всеобщее образование. Вып. III. – Пг., 1915. – 106 с.
30. Малиновский Н. О Первом Всероссийском съезде по народному образованию в Петрограде. // Земство и народное образование. – 1914. – № 2–3.
31. Обзор положения начального образования в Таврической губернии за 1911/1912 учебный год. – Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1912. – 56 с.
32. Маркевич А.И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического Университета. Симферополь: 1–я советская типография, 1919. – 32 с.
33. ГА РФ. – Ф.Р.1803 – Оп.1 – Д. 18.
34. ГА РФ. – Ф.Р.1803 – Оп.1 – Д. 35.
35. Об отделении церкви от государства и школы от церкви. Декрет СНК РСФСР. // Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917 – 1947 гг. Выпуск 1–й. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1947. – 320 с.
36. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917 – 1973 гг. Общеобразовательная школа. – М.: Педагогика, 1974. – 503 с.
37. Маркевич А.И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета. – Симферополь: 1-я советская типография, 1919 – 32 с.
38. Открытие Таврического университета. – Симферополь, 1919. – 58 с.
39. История Таврического университета (1918 – 2003). Под общей редакцией Багрова Н.В. – «Либидь», 2003. – 248 с.
40. Неотложные вопросы образования Крымских татар. Доклад учителя Андреевского Ф.Н. совещанию при Таврической губернской управе 25 августа 1908 г. – Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1908. – 60 с., приложение 15 с.
41. ГА РФ. – Ф.Р – 1247. – Оп.1. – Д.15.
42. ГА РФ. – Ф.Р – 1318. – Оп.13. – Д.40.
43. Там же. – Д. 14.
44. ГА РФ. – Ф.А – 296. – Оп.1. – Д.58.
45. Очерки по истории Крыма. Ч. III. Крым в период социалистического строительства (1921 – 1941 гг.). Под общей ред. Чирвы И.С.. – Симферополь: «Крым.». – 1964. – 220 с.
46. ГА РФ. – Ф.А – 296. – Оп.1. – Д.53.
47. ГА АРК. – Ф.П – 1. – Оп.1. – Д.56.
48. Бердяев Н.А. Самопознание / Опыт философской автобиографии. – М., 1991. – 432 с.
49. Гревс И.М. Два педагогических идеала. // Педагогическая мысль. – 1921. – № 1–4.
50. Отчет Крым ЦИКа Крымской АССР VI Всекрымскому съезду советов. – Симферополь: Крымское государственное издательство, 1929. – 120 с.
51. ГА АРК. – Ф.Р – 663. – Оп.2. – Д.256.
52. «О всеобщем обязательном начальном обучении» Постановление ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г. / «Известия», 1930 г., 28 июля.
53. Асанов А.О. О всеобщем обязательном обучении в Крыму. – Симферополь: Крымгосиздат, 1930. – 59 с.
54. О начальной и средней школе. – Постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. – М., 1938. – 113 с.
55. ГА АРК. – Ф.П–1. – Оп.1. – Д.187.
56. ГА АРК. – Ф.П–1. – Оп.1. – Д.206.
57. ГА АРК. – Ф.П–1. – Оп.1. – Д.224.
58. ГА АРК. – Ф.П–1. – Оп.1. – Д.260.
59. ГА РФ. – Ф.Р – 7021. – Оп.9. – Д.223.
60. ГА АРК. – Ф.П–1. – Оп.1. – Д.275.
61. Фурсенко И.А. Вопросы культуры и просвещения в Крыму в годы Гражданской войны (1918 –1920 гг.) // Известия Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе. – Т.28. – Симферополь, 1957. сс. 259–272.

К главе 3

1. Гессен Ю. История еврейского народа в России: В 2-х т. – Т.1. – Л., 1925. – 542 с.
2. Свет Г. Русские евреи о сионизме и строительстве Палестины и Израиля // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. – Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960. – 346 с.
3. Из истории борьбы с революцией в 1905 году. // Красный архив. – 1929. – Т. 32.
4. Бернадский М. Евреи и русское народное хозяйство. // Литературный сборник «Щит». – М.: Общество для изучения еврейской жизни, 1916.
5. Еврейская Энциклопедия: В 16-ти т. СПб: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз – Ефрон. 1906–1913. – Т. 14. – 1913. – 368 с.
6. Ветлугин А. Авантюристы Гражданской войны. – Париж: Ymprimerie “Zemgor”. Т. 14, 1913. – 436 с.
7. ГА АРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д.12.
8. ГА АРК. – Ф. 162. – Оп. 2. – Д.4995.
9. ГА АРК. – Ф. 162. – Оп. 2. – Д.6515.
10. ГА АРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д.325.
11. ГА АРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д.324.
12. Государственная Дума. – Второй созыв. Стенографический отчёт. Сессия 2, т.1. – СПб, 1907.
13. ГА АРК. – Ф. 27. – Оп. 6. – Д.1102.
14. ГА АРК. – Ф. Р-137. – Оп. 9. – Д.7.
15. ГА АРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д.6.
16. ГА АРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д.13.
17. ГА АРК. – Ф. П-150. – Оп. 150. – Д.107.
18. ГА АРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д.7.
19. ГА АРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д.21.
20. ГА АРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д.53.
21. ГА АРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д.115.
22. ГА АРК. – Ф. Р-1182. – Оп. 2. – Д.1.
23. ГА АРК. – Ф. Р-1188. – Оп. 3. – Д.164.
24. Пашеня В.М. Формування та діяльність органів влади і управління в Криму /1921–1929 рр./ Дис. канд. істор. наук. – Харків, 2005. – 180 с.
25. Четыре года Соввласти в Крыму: 1920–1924. – Симферополь: Издат. КрымЦИКа и Совнаркома, 1924. – 162 с.
26. ГА АРК. – Ф. А-296. – Оп. 1. – Д.27.
27. ГА АРК. – Ф. Р-663. – Оп. 2. – Д.626.
28. Красный Крым. 1924. 28 ноября.
29. Красный Крым. 1924. 15 июня.
30. Красный Крым. 1924. 18 и 20 мая.
31. ГА АРК. – Ф. Р-460. – Оп. 4. – Д.400.
32. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Крымская АССР. – М., 1929.–328 с.
33. Семенов В.О. Здійснення національної політики в Криму в 1921–1925 рр. Дис. канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 1993 – 186 с.
34. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.19.
35. Красный Крым. 1927. 16 июня.
36. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.63.
37. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.65.
38. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.7.
39. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.69.
40. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.63.
41. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.65.
42. Красный Крым. – 1928 год. – 16 мая.
43. Дер Эмес. –1928. – 24 июня.
44. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.572.
45. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.140.
46. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.106.
47. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.56.
48. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.183.
49. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.471.
50. ГА АРК. – Ф. Р-2094. – Оп. 1. – Д.1.
51. ГА АРК. – Ф. Р-2094. – Оп. 1. – Д.7.
52. ГА АРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д.330.
53. ГА АРК. – Ф. Р-2094. – Оп. 1. – Д.22.
54. ГА АРК. – Ф. Р-2094. – Оп. 1. – Д.1.
55. ГА АРК. – Ф. Р-2094. – Оп. 1. – Д.24.

56. Хиллинг. Войо-Нова в Крыму – забытая сельхозкоммуна (кибуц). Изд. 2–ое, исправленное и дополненное. – Магдебург, 2005. – 188 с.
57. Балич У. К культсоветам национальных меньшинств. // Пути коммунистического воспитания. 1926 год. №1
58. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д.56.
59. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д.38.
60. ГА АРК. – Ф. Р–20. – Оп. 7. – Д.2.
61. Бюллетень ЦИК советов и СНК Крымской АССР 1929. №5.
62. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. – Д.245.
63. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. – Д.256.
64. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. – Д.550.
65. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д.988.
66. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д.992.
67. ГА АРК. – Ф. Р–219. – Оп. 1. – Д.117.
68. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945; Вопросы. Ответы. Вып. 4. Сост. Гарагуля В.К., Кондратов И.П., Кравцова Л.П. – Симферополь: Таврия, 1994. – 208 с.
69. Очерки истории Крымской областной партийной организации. Ред. коллегия. Багров Н.В.(председатель). – Симферополь: Таврия, 1981. – 376 с.
70. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д.556.
71. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д.701.
72. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д.831.
73. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д.917.

Приложение А

Анализ участия профсоюзов Крымской ССР в юридической защите прав трудящихся по состоянию с 1 января 1923 по 1 января 1924 годов

Обращение членов профсоюза	В том числе дано ответов		Подготовлено тарифных соглашений	Судебная деятельность			Консультационная деятельность		
	устных	письменных		Судебных выступлений		Направлено дел в суд	По трудовому законодательству, всего	По гражданским делам	По административным делам
				Обвин.	Истцом				
2676	1037	1043	128	134	177	320	952	460	467

Подготовлен на основании отчёта Крымского совета профессиональных союзов VI Всекрымскому съезду профсоюзов / /с. 48–50/

Приложение Б

Анализ участия крымскотатарского населения в профсоюзном движении по состоянию на январь 1924 года

	Всего татарских работников	В том числе по союзам						
		Работников просвещения	Земельно-лесных работников	Советских работников	Текстильщиков	Железнодорожников	Металлистов	Работников водного транспорта
Число татар-членов союзов (чел.)	2297	598	577	190	34	15	13	9
% отношения к общему числу членов профсоюзов	4,1	12,7	9,5	2,4	15,8	0,4	0,3	0,4

Приложение В

Сравнительный анализ состояния народного образования Крыма в 1927 году

№ п/п	Государственные образования	% грамотности		Тысяч населения	Распределение учащихся в школах соц. воспитания по типам школы в % к общему итогу								Распределение учащихся в учебных заведениях проф. образования в % к общему итогу					
		в городск.	в сельской местн.		школ соц восп.	школ I ст.	7-ми летки	9-ми летки	школ II ст.	школ крест мол	школ пере-рост	школ ком-мун	ВУЗы	Техн	ФЗУ	Проф. школы	Ср. курсы	
1	Союз ССР	63,3	34,5	77,4	6,4	6,7	73,5	17,2	4,9	2,8	0,8	0,7	0,1	19,6	23,7	12,3	20,1	35,0
2	РСФСР	65,8	35,5	77,1	5,8	7,0	77,1	11,0	6,2	3,7	0,9	0,9	0,2	20,2	24,4	12,7	15,6	27,1
3	Украинская ССР	65,0	40,3	82,5	3,9	4,8	63,8	35,7	-	-	0,2	0,3	-	15,2	16,1	14,4	34,3	20,0
4	Крымская АССР	67,6	50,1	100,7	2,2	4,4	69,5	12,3	14,5	2,7	0,6	0,4	-	8,7	31,8	5,6	28,8	25,1
5	Татарская АССР	64,9	33,8	77,1	5,9	6,1	84,0	7,2	5,3	2,4	0,8	-	0,3	28,8	32,5	4,7	18,2	15,8
6	Республика немцев, Поволжья	62,7	53,5	93,3	4,6	3,8	87,8	5,2	2,5	3,2	1,3	-	-	-	44,1	-	39,9	16,0

Составлен по материалам ЦСУ РСФСР. М., 1929 с. 8–11

Приложение Д

Сравнительный анализ численности учреждений политического просвещения в 1927 г.

№ п/п	Территория	Пункты ликв. безграмотности	Школы малограмотных	Библиотек	Клубов	Изб-читален	Красных уголков	Народных домов	Театров	Киноустановок	Музеев и выставок
1	Крымская АССР	273	42	333	125	162	533	1	6	41	24
	–города	39	20	128	104	10	100	1	6	35	19
	– п.г.т.	4	1	12	8	4	6	–	–	3	1
	– сельская местность	230	21	193	13	148	427	–	–	3	4
2	Татарская АССР	601	20	608	63	427	257	4	5	26	14
	–города	25	6	99	47	1	75	2	4	22	13
	– п.г.т.	1	3	5	5	1	–	–	–	3	–
	– сельская местность	575	11	504	11	425	182	2	1	1	1
3	Немцев-Поволжья АССР	196	6	128	36	144	145	46	1	21	3
	–города	7	3	25	5	40	40	–	1	11	2
	– п.г.т.	3	1	4	3	4	4	2	–	4	–
	– сельская местность	186	2	99	15	136	101	44	–	6	1

Составлен по материалам ЦСУ РСФСР. М., 1929, ср. 258–259

Приложение Е

Сравнительный анализ обслуживания школами социального воспитания главных народностей в их государственных объединениях в 1927 году

№ п/п	Государственные образования	Общее количество населения по переписи 1926 год /чел/	% данной народности к общему числу населения	Число школ											
				I ступени		7–леток		ШКМ		9–леток		II ступени		Переростков.	
				С одним языком обучения	Со смеш. языком обучения										
1	Крымская АССР – русские	301,398	42,2	329	68	31	1	2	–	20	–	4	–	6	–
	– татары	179,094	25,1	334	38	10	1	3	–	1	–	2	–	–	–
	– украинцы	77,094	10,8	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	– евреи	39,921	5,6	10	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	Татарская АССР – татары	1,263,386	48,7	1247	41	21	7	9	4	1	3	5	3	2	–
	– русские	1,118,834	43,1	934	98	19	10	3	5	15	3	12	4	1	–
	– чувашаи	127,330	4,9	116	36	–	1	–	1	–	–	1	1	–	–
3	Немцев-Поволжья АССР – русские	116,561	20,4	132	7	6	–	2	–	–	–	3	2	–	–
	– немцы	379,630	66,4	219	1	7	–	8	–	4	–	–	2	–	–
	– украинцы	68,561	12,0	1	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Составлено по материалам ЦСУ РСФСР. М., 1929, с. 152–155